

Гуманитарий

научный журнал

актуальные проблемы гуманитарной науки и образования

Том
Vol. 22 № 4 / 2022

Russian Journal of the
HUMANITIES

Scholarly journal

Сквозной номер выпуска – 60

Учредители / Издатели:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва»
430005, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68;

ООО «ИнСтИтут» (Издательский центр Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва)
430905, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Бахтина, 19

Подписной индекс

в каталоге «ПРЕССА РОССИИ» – 43072

Журнал включен в базу НЭБ eLIBRARY.RU и проект РИНЦ (сублицензионный договор № 143-07/2010 от 19.07.2010 г.);

в базу данных Ulrich's Periodicals Directory американского издательства Bowker

Материалы журнала размещены по адресам:
http://elibrary.ru/title_about.asp?id=31003;
http://elibrary.ru/title_about.asp?id=32291

Адрес редакции:

430005, г. Саранск,
ул. Большевикская, 68, оф. 411,
Историко-социологический институт
Тел.: (8342) 24-25-90, 27-07-11

Факс: (8342) 24-25-90

E-mail: jurnal-gumanitary@isi.mrsu.ru
<http://jg.isi.mrsu.ru/>

Continuous issue – 60

Founders / Publishers:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Ogarev Mordovia State University»
68, Bolshevistskaya St.,
430005, Saransk, Republic of Mordovia, Russia;

LLC «InStItute» (Publishing Center of History and Sociology Institute of National Research Mordovia State University)
19, Bakhtin St., 430905, Saransk,
Republic of Mordovia, Russia

Subscription index

in catalog of agency «RUSSIAN PRESS» – 43072

The journal is indexed and archived by:
Russian Index of Scientific Citations (sublicense contract № 143-07/2010 19.07.2010)

Ulrich's Periodical directory database of the American Publishing House «Bowker»

The materials of the journals are available at:
http://elibrary.ru/title_about.asp?id=31003;
http://elibrary.ru/title_about.asp?id=32291

Editorial office:

68, Of. 411, Bolshevistskaya St., 430005,
Saransk, Republic of Mordovia, Russia
History and Sociology Institute

Telephone: +7 (8342) 24-25-90; 27-07-11

Fax: +7 (8342) 24-25-90

E-mail: jurnal-gumanitary@isi.mrsu.ru
<http://jg.isi.mrsu.ru/>

*Журнал
«Гуманитарий: актуальные проблемы
гуманитарной науки и образования»
включен в Перечень российских рецензируемых
научных журналов,
в которых должны быть опубликованы
основные результаты диссертаций
на соискание ученой степени
кандидата и доктора наук*

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство ПИ № ФС77-48743 от 28 февраля 2012 г.

При перепечатке ссылка на журнал «Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования» обязательна

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей

*Обложка:
Франц Ксавер Винтерхальтер
Портрет Августы Вихровой. 1860 г.*

Компьютерная верстка
и художественное оформление Г. Н. Давыдовой
Редактор Е. В. Савойская
Перевод А. А. Сомкина

Территория распространения –
Российская Федерация, зарубежные страны

Подписано в печать 26.12.2022.
Дата выхода в свет 30.12.2022.
Формат 70 × 100 1/16
Усл. печ. л. 10,08
Тираж 300 экз. (1-й завод – 150 экз.)
Заказ № 1523. Цена свободная

Адрес типографии:

430005, Мордовия, г. Саранск,
ул. Советская, 24
Типография Издательства
Мордовского университета

*The journal «Russian Journal of the
Humanities»
is listed in the catalogue
of peer-reviewed academic journals
and publications for publishing
of principal scientific findings
of dissertations*

The journal is registered by the Federal Service for supervision of communications, information technology, and mass media (certificate of registration PI № FS77-48743 of February 28, 2012)

Before reprinting the reference to the journal «Russian Journal of the Humanities» is obligatory

The opinion of editorial staff may not coincide with the publishing author

*The cover:
Franz Xaver Winterhalter
Portrait of Augusta Vikhrova. 1860.*

Desktop publishing
and graphic design by G. N. Davydova
Editor E. V. Savojskaja
Translation A. A. Somkin

Distributed in Russian Federation
and foreign countries

Signed to print 26.12.2022.
Date of publishing 30.12.2022.
Sheet size 70 × 100 1/16
Conventional printed sheets 10,08
Number of copies 300 (1 plant – 150)
Order No. 1523. Free price

Address of the Printing House:

24, Sovetskaya St., 430005, Saransk,
Republic of Mordovia, Russia.
Mordovia State University Printshop

Редакционный совет

Арсентьев Николай Михайлович – *главный редактор*, член-корреспондент РАН, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4565-1360>, direktor_isi@bk.ru (Саранск, Россия)

Наумкин Виталий Вячеславович – *главный редактор*, академик РАН, научный руководитель, Институт востоковедения Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9644-9862>, vinaumkin@yandex.ru (Москва, Россия)

Чулуун Сампилдондов – *главный редактор*, доктор исторических наук, профессор, директор, Институт истории и археологии АН Монголии, Генеральный секретарь Международной ассоциации монголоведения, Samchuluun@gmail.com (Улан-Батор, Монголия)

Сомкин Александр Алексеевич – *заместитель главного редактора*, доктор философских наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7833-0729>, alexsomkin@mail.ru (Саранск, Россия)

Давыдова Галина Николаевна – *ответственный секретарь*, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1716-9518>, galada@list.ru (Саранск, Россия)

Андронов Владимир Петрович – доктор психологических наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7275-060X>, andronovvp@rambler.ru (Саранск, Россия)

Арсентьев Виктор Михайлович – доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9828-7198>, vicars@bk.ru (Саранск, Россия)

Баржо Доминик – профессор, Университет Париж IV Сорбонна (Париж, Франция)

Батырбаева Шайыркул Джолдошевна – доктор исторических наук, профессор, Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, shaiga60@mail.ru (Бишкек, Киргизия)

Белозерцев Евгений Петрович – доктор педагогических наук, профессор, Воронежский государственный педагогический университет, заслуженный деятель науки РФ, belozercev_e@mail.ru (Воронеж, Россия)

Бородкин Леонид Иосифович – член-корреспондент РАН, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0422-1938>, lborodkin@mail.ru (Москва, Россия)

Валиахметова Гульнара Ниловна – доктор исторических наук, профессор, руководитель, Центр иранистики и персидского языка, Уральский гуманитарный институт Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, gulnara.valiakhmetova@urfu.ru (Екатеринбург, Россия)

Глушко Дмитрий Евгеньевич – кандидат педагогических наук, ректор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4321-4191>, rector@adm.mrsu.ru (Саранск, Россия)

Гуансян Чжан – доктор исторических наук, профессор, Цзилиньский университет, zgxljcc2002@aliyun.com (Чанчунь, Китайская Народная Республика)

Дорожкин Александр Михайлович – доктор философских наук, профессор, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2954-1647>, decan@fsn.unn.ru (Нижний Новгород, Россия)

Жакишева Сауле Аукуеновна – доктор исторических наук, профессор, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, adiconilau@mail.ru (Алматы, Казахстан)

Зеленски Аняжела Васильевна – доктор философии, конференциар-университар, Академия публичного управления, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2831-9473>, zelangel@mail.ru (Кишинев, Молдова)

Корнишина Галина Альбертовна – доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5680-5041>, G.Kornihina@mail.ru (Саранск, Россия)

Курмангалиева Галия Курмангалиевна – доктор философских наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (Алматы, Казахстан)

Ма Вэйюнь – доктор исторических наук, профессор, заместитель председателя ученого совета Центра исследований России при Хэйлунцзянском университете, weiyunma@163.com (Харбин, Китайская Народная Республика)

Маралов Владимир Георгиевич – доктор психологических наук, профессор, Череповецкий государственный университет, maralovvg@chsu.ru (Череповец, Россия)

Марискин Олег Иванович – доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1962-9725>, mariskinoi@mail.ru (Саранск, Россия)

Мешков Вячеслав Михайлович – доктор философских наук, профессор, Полтавский национальный технический университет им. Ю. В. Кондратюка, slava-home50@mail.ru (Полтава, Украина)

Мочалов Евгений Владимирович – доктор философских наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6241-1521>, mochalov_ev@mail.ru (Саранск, Россия)

Мудрик Анатолий Викторович – член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, профессор, Московский педагогический государственный университет, amudrik@yandex.ru (Москва, Россия)

Пивовар Ефим Иосифович – член-корреспондент РАН, президент, Российский государственный гуманитарный университет, rggu@rggu.ru (Москва, Россия)

Романов Константин Михайлович – доктор психологических наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4058-9270>, famylpost@mail.ru (Саранск, Россия)

Поруби Рой – доктор филологии, профессор, член Индийского совета по историческим исследованиям (the Indian Council of Historical Research, сокращ. – ICHR), nbmcts.roy@gmail.com (Нью-Дели, Индия)

Сычев Андрей Анатольевич – доктор философских наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3757-4457>, sychevaa@mail.ru (Саранск, Россия)

Ушаков Дмитрий Викторович – академик РАН, доктор психологических наук, профессор, директор Института психологии РАН, dv.ushakov@gmail.com (Москва, Россия)

Хьерппе Риитта – доктор социальных наук, профессор, Почетный Президент Международной ассоциации экономической истории, riitta.hjerppe@helsinki.fi (Хельсинки, Финляндия)

Шамионов Раиль Мунирович – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной психологии образования и развития, декан факультета психолого-педагогического и специального образования, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, shamionov@mail.ru (Саратов, Россия)

Шапошников Лев Евгеньевич – доктор философских наук, профессор, президент, Нижегородский государственный педагогический университет, shaposhnikov_le@mininuniver.ru (Нижний Новгород, Россия)

Editorial Council

Nikolay M. Arsenyev – Correspondent Member, Russian Academy of Sciences, Doctor of History, Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, Honored Scientist of the Republic of Mordovia, *Editor-in-Chief*, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4565-1360>, direktor_isi@bk.ru (Saransk, Russia)

Vitaly V. Naumkin – Academician, Russian Academy of Sciences, Doctor of History, Professor, Research Director, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, *Editor-in-Chief*, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9644-9862>, vinaumkin@yandex.ru (Moscow, Russia)

Chuluun Sampildondov – Doctor of History, Professor, Director, Institute of History and Archeology, Academy of Sciences of Mongolia, Secretary General of the International Association of Mongolian Studies, *Editor-in-Chief*, Samchuluun@gmail.com (Ulan-Bator, Mongolia)

Aleksandr A. Somkin – Doctor of Philosophy, Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, *Deputy Editor-in-Chief*, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7833-0729>, alexsomkin@mail.ru (Saransk, Russia)

Galina N. Davydova – Senior Lecturer, Department of Economic History and Information Technologies, National Research Ogarev Mordovia State University, *Assistant Editor*, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1716-9518>, galada@list.ru (Saransk, Russia)

Vladimir P. Andronov – Doctor of Psychology, Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7275-060X>, andronovvp@rambler.ru (Saransk, Russia)

Victor M. Arsenyev – Doctor of History, Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9828-7198>, vicars@bk.ru (Saransk, Russia)

Dominique Barjot – Professor, University of Paris IV (Paris, France)

Shaiyrkul D. Batyrbaeva – Doctor of History, Professor, Balasagyn Kyrgyzstan National University, shaira60@mail.ru (Bishkek, Kyrgyzstan)

Eugenie P. Belozertsev – Doctor of Pedagogics, Professor, Voronezh State Pedagogical University, Honored Scientist of the Russian Federation, belozercev_e@mail.ru (Voronezh, Russia)

Leonid I. Borodkin – Correspondent Member, Russian Academy of Sciences, Moscow State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0422-1938>, lborodkin@mail.ru (Moscow, Russia)

Gulnara N. Valiakhmetova – Doctor of History, Professor, Head of Center for Iranian and Persian language, Ural Humanitarian Institute of Ural Federal University named after the First President of Russia Boris N. Yeltsin, gulnara.valiakhmetova@urfu.ru (Ekaterinburg, Russia)

Dmitriy E. Glushko – Candidate of Pedagogics, Rector, National Research Ogarev Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4321-4191>, rector@adm.mrsu.ru (Saransk, Russia)

Zhang Guansyan – Doctor of History, Professor, Tsilin University, zgxlcc2002@aliyun.com (Changchun, People's Republic of China)

Aleksandr M. Dorozhkin – Doctor of Philosophy, Professor, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2954-1647>, decan@fsn.unn.ru (Nizhni Novgorod, Russia)

Saule A. Jakisheva – Doctor of History, Professor, Al-Farabi Kazakh National University, adiconilau@mail.ru (Almaty, Kazakhstan)

Angela V. Zeleinschi – Doctor of Philosophy, University Lecturer, Public Administration Academy, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2831-9473>, zelangel@mail.ru (Kishinev, Moldova)

Galina A. Kornishina – Doctor of History, Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5680-5041>, G.Kornishina@mail.ru (Saransk, Russia)

Galia K. Kurmangaliyeva – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies, Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (Almaty, Kazakhstan)

Ma Weiyun – Doctor of History, Professor, Deputy Chairman, Academic Council of the Center for Russian Studies at Heilunzyang University, weiyunma@163.com (Harbin, People's Republic of China)

Vladimir G. Maralov – Doctor of Psychology, Professor, Cherepovets State University, maralovvg@chsu.ru (Cherepovets, Russia)

Oleg I. Mariskin – Doctor of History, Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1962-9725>, mariskinoi@mail.ru (Saransk, Russia)

Vyacheslav M. Meshkov – Doctor of Philosophy, Professor, Kondratyuk Poltava National Technical University, slava-home50@mail.ru (Poltava, Ukraine)

Eugenie V. Mochalov – Doctor of Philosophy, Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6241-1521>, mochalov_ev@mail.ru (Saransk, Russia)

Anatoliy V. Mudrik – Correspondent Member, Russian Academy of Education, Doctor of Pedagogics, Professor, Moscow Pedagogical State University, amudrik@yandex.ru (Moscow, Russia)

Ephim I. Pivovarov – Correspondent Member, Russian Academy of Sciences, President, Russian State Humanitarian University, rggu@rggu.ru (Moscow, Russia)

Konstantin M. Romanov – Doctor of Psychology, Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4058-9270>, famylpost@mail.ru (Saransk, Russia)

Porubi Roy – Doctor of Philology, Professor, Member of the Indian Council for Historical Research, nbmcts.roy@gmail.com (New Delhi, India)

Andrey A. Sychev – Doctor of Philosophy, Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3757-4457>, sychevaa@mail.ru (Saransk, Russia)

Dmitriy V. Ushakov – Academician, Russian Academy of Sciences, Psychology Institute of Russian Academy of Sciences, dv.ushakov@gmail.com (Moscow, Russia)

Riitta Hjerppe – Doctor of Social Sciences, Professor, Honoured President of the International Association on Economical History, riitta.hjerppe@helsinki.fi (Helsinki, Finland)

Rail' M. Shamionov – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Social Psychology of Education and Development, Dean of the Faculty of Psychological, Pedagogical and Special Education, Saratov State University, shamionov@mail.ru (Saratov, Russia)

Lev E. Shaposhnikov – Doctor of Philosophy, Professor, President, Nizhni Novgorod State Pedagogical University, shaposhnikov_le@mininuniver.ru (Nizhni Novgorod, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Э. Д. Богатырев, С. В. Кистанов

**ЭВАКУАЦИЯ СОТРУДНИКОВ НКВД В МОРДОВСКУЮ АССР В 1941 г.:
КАЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ РУКОВОДЯЩЕГО СОСТАВА 373**

А. Г. Пашкин

**К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ И СУДА
В УСЛОВИЯХ ВВЕДЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА НАРУШЕНИЯ ТРУДОВОЙ ДИСЦИПЛИНЫ В ПРЕДВОЕННЫЙ ПЕРИОД
(НА МАТЕРИАЛАХ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ) 387**

ФИЛОСОФИЯ

М. Э. Рябова

**СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ КОММУНИКАТИВНЫХ
ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В РАКУРСЕ РЕАЛИЙ XXI в. 402**

Э. В. Дарчинов

**О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ БЕЗНРАВСТВЕННОСТИ
В БЫТИИ ЭЛЕКТРОННОГО КОЧЕВНИКА 413**

Я. С. Писачкина

**ЗДРАВОМЫСЛИЕ И СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ
В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ 422**

И. В. Емелькина

**КОСМО-ПСИХО-ЛОГОС ПРАВОСЛАВИЯ
В УСЛОВИЯХ ВЫЗОВОВ СОВРЕМЕННОСТИ 441**

Н. В. Жадунова

**БРАК И ПАРТНЕРСТВО В СОВРЕМЕННЫХ
ПРОТЕСТАНТСКИХ ДЕНОМИНАЦИЯХ:
ОТ ХРИСТИАНСКИХ КАНОНОВ К НОВЫМ НОРМАМ 450**

ПСИХОЛОГИЯ

Н. Н. Морозова, С. Н. Никишов, И. С. Осипова, С. И. Баляев

**ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ПОДРОСТКОВ
К ТРУДНЫМ ЖИЗНЕННЫМ СИТУАЦИЯМ 459**

Ж. Г. Гаранина, Н. Е. Кулешова

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОСВЯЗИ МАНИПУЛЯТИВНЫХ
СКЛОННОСТЕЙ И МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ СТУДЕНТОВ 477**

УСЛОВИЯ И ПОРЯДОК ПРИЕМА РУКОПИСЕЙ 487

CONTENT

HISTORY

Eduard D. Bogatyrev, Sergey V. Kistanov

**EVACUATION OF PCIA OFFICERS TO THE MORDOVIAN ASSR IN 1941:
QUALITATIVE ANALYSIS OF THE MANAGEMENT TEAM** 373

Andrey G. Pashkin

**ON THE ISSUE OF THE ACTIVITIES OF THE PROSECUTOR'S OFFICE AND THE
COURT IN THE CONTEXT OF THE INTRODUCTION OF CRIMINAL LIABILITY
FOR VIOLATIONS OF LABOR DISCIPLINE IN THE PRE-WAR PERIOD
(BASED ON THE MATERIALS OF THE MIDDLE VOLGA REGION)** 387

PHILOSOPHY

Marina E. Ryabova

**SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF COMMUNICATIVE TRANSFORMATIONS
FROM THE PERSPECTIVE OF THE REALITIES OF THE 21st CENTURY** 402

Edgar V. Darchinov

**ON SOME ASPECTS OF IMMORALITY IN THE LIFE
OF AN ELECTRONIC NOMAD** 413

Yana S. Pisachkina

**SANITY AND SOCIAL CONTROL IN THE SYSTEM OF SOCIO-PHILOSOPHICAL
KNOWLEDGE** 422

Irina V. Emelkina

**COSMO-PSYCHO-LOGOS OF ORTHODOXY IN THE CONTEXT OF MODERN
CHALLENGES** 441

Natalia V. Zhadunova

**MARRIAGE AND PARTNERSHIP IN MODERN PROTESTANT DENOMINATIONS:
FROM CHRISTIAN CANONS TO NEW NORMS** 450

PSYCHOLOGY

Nadezhda N. Morozova, Sergey N. Nikishov, Irina S. Osipova, Sergey I. Balyaev

**THE PECULIARITIES OF PSYCHOLOGICAL ADAPTATION OF TEENAGERS
TO DIFFICULT LIFE SITUATIONS** 459

Zhanna G. Garanina, Natalia E. Kuleshova

**PSYCHOLOGICAL FEATURES OF THE RELATIONSHIP BETWEEN MANIPULATIVE
INCLINATIONS AND INTERPERSONAL RELATIONS OF STUDENTS** 477

CONDITIONS AND ORDER OF ACCEPTANCE OF MANUSCRIPTS 488

УДК 94(470.345) «1941» 015

Э. Д. Богатырев¹ С. В. Кистанов²

*^{1,2} Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия)*

¹ e-mail: edbog@mail.ru

² e-mail: kistanov-viz@yandex.ru

Эвакуация сотрудников НКВД в Мордовскую АССР в 1941 г.: качественный анализ руководящего состава

Аннотация

Введение. Статья посвящена номенклатурному анализу командного руководящего состава органов внутренних дел и государственной безопасности, эвакуированных из республик СССР в Мордовскую АССР в 1941 г.

Материалы и методы. В рамках данного исследования были использованы материалы, находящиеся в Центральном государственном архиве Республики Мордовия (ЦГА РМ). Для анализа материалов, представленных в исследовании, были использованы общенаучные методы анализа и систематизации и конкретно-исторические методы: историко-генетический и историко-типологический.

Результаты исследования. Было проведено условное разделение командного состава эвакуированных сотрудников органов внутренних дел и государственной безопасности, затем был проведен их анализ по должностям на предыдущем месте службы. Внутри подкатегорий проведена дифференциация сотрудников по группам схожих должностей и сделаны выводы о значимости данных сотрудников в условиях военного времени. Следует отметить, что значительное число руководящих сотрудников прибыло в Мордовскую АССР из Сумской области УССР, что было предусмотрено планом эвакуации.

Обсуждение и заключение. Исследование позволило подтвердить значимость высокопоставленных эвакуированных сотрудников силовых органов, что подтверждалось коротким сроком их пребывания в эвакуации (1–2 месяца). Более подробная раскладка руководящих сотрудников по должностям позволила выделить закономерности по наиболее важным эвакуированным «специальностям» силовиков.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, эвакуация, Народный комиссариат внутренних дел, рабоче-крестьянская милиция, отдел, союзная республика.

Для цитирования: Богатырев Э. Д., Кистанов С. В. Эвакуация сотрудников НКВД в Мордовскую АССР в 1941 г.: качественный анализ руководящего состава // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2022. Т. 22, № 4. С. 373–386. DOI: 10.15507/2078-9823.060.022.202204.373-386.

Eduard D. Bogatyrev¹, Sergey V. Kistanov²

National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia)

¹ e-mail: edbog@mail.ru

² e-mail: kistanov-viz@yandex.ru

Evacuation of PCIA Officers to the Mordovian ASSR in 1941: Qualitative Analysis of the Management Team

Introduction. The article is devoted to the nomenclature analysis of the command leadership of the internal affairs and state security bodies evacuated from the Union Republics of the USSR to the Mordovian ASSR in 1941.

Materials and Methods. Within the framework of this study, materials located in the Central State archive of the Republic of Mordovia were used. To analyze the materials presented in the study, general scientific methods of analysis and systematization and specific historical methods were used: historical-genetic and historical-typological.

Results. As part of the study, a conditional separation of the command staff of the evacuated employees of the internal affairs and state security bodies was carried out, then their analysis was carried out by positions at the previous duty station. Within the subcategories, the differentiation of employees by groups of similar positions was carried out and conclusions were drawn on the significance of these employees in wartime conditions. It should be noted that a significant number of senior staff arrived in the Mordovian ASSR from the Sumy region of the Ukrainian SSR, which was provided for by the evacuation plan.

Discussion and Conclusions. The study has allowed us to confirm the importance of high-ranking evacuated law enforcement officers, which was confirmed by the short period of their stay in evacuation (1-2 months). A more detailed layout of senior staff by position allowed us to identify patterns for the most important evacuated “specialties” of the security forces.

Keywords: The Great Patriotic War, evacuation, People’s Commissariat of Internal Affairs, workers’ and peasants’ militia, department, Union Republic.

For citation: Bogatyrev E. D., Kistanov S. V. Evacuation of PCIA officers to the Mordovian ASSR in 1941: qualitative analysis of the management team. *Gumanitarian: aktual’nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2022; 22(4): 373–386. (In Russ.). DOI: 10.15507/2078-9823.060.022.202204.373-386.

Введение

Неудачное начало Великой Отечественной войны поставило Советский Союз перед угрозой потери огромного промышленного и человеческого потенциала вместе с потерями западных территорий государства. Уже в первые месяцы войны были потеряны Белоруссия, Прибалтика и большая часть Украины. На этих территориях располагались сотни промышленных предприятий, в основном построенных в годы пер-

вых пятилеток (1928–1941 гг.), проживали несколько миллионов человек. Поэтому одной из главнейших задач начального периода Великой Отечественной войны стала задача спасения и сохранения данных ресурсов от наступающих врагов.

С этой целью в Советском Союзе была проведена масштабная программа эвакуации, планы которой стали разрабатываться руководством страны еще до начала войны [2]. Уже на третий день Великой Отече-

ственной войны совместным постановлением ЦК ВКП(б) и Совета народных комиссаров СССР был создан Совет по эвакуации при Совете народных комиссаров СССР. С начала войны этот орган должен был осуществлять оперативное руководство проведением эвакуации населения, партийных и советских учреждений и промышленных предприятий из местностей, которые находились под угрозой занятия войсками Германии и ее союзников (прежде всего Румынии и Финляндии).

Эвакуации подлежали в первую очередь промышленные объекты, потеря которых приводила бы к сокращению оборонного потенциала Советского Союза в период ведения военных действий, а в перспективе – к сокращению шансов на успешный исход войны. Поэтому к эвакуации производства было приковано наибольшее внимание. Однако стоит отметить, что советское руководство активно занималось и эвакуацией населения с территорий страны, которые неминуемо попадали в оккупацию из-за катастрофического начала Великой Отечественной войны. Стоит отметить, что в эвакуацию направлялись работники тех промышленных объектов, которые эвакуировались из западных районов СССР, т. е. советское руководство стремилось сохранить кадровый потенциал данных объектов.

По такому же принципу проводилась эвакуация и кадрового состава органов внутренних дел и государственной безопасности СССР. Наступление германских войск привело к захвату западных территорий страны. Сотрудники Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) и Народного комиссариата государственной безопасности (НКГБ) представляли собой достаточно ценный актив, поэтому их либо оставляли на оккупированных территориях для создания структур активного сопротивления оккупантам, либо вывозили в тыл. Интересующие нас в данном исследовании руко-

водящие сотрудники органов внутренних дел могли в недалекой перспективе стать тем остовом, на котором можно было проводить формирование новых структурных единиц органов взамен разгромленным или просто прекратившим, по объективным причинам, свое функционирование в оккупированных республиках СССР. Соответственно, советское руководство было заинтересовано в эвакуации сотрудников органов внутренних дел и государственной безопасности для их использования в ближайшем будущем по прямому назначению.

Следует отметить, что проблемы, связанные с осуществлением плана эвакуации в годы Великой Отечественной войны, являлись предметом исследования в советской и новейшей российской историографии, причем исследования по данной тематике начались практически сразу же после завершения войны. Однако следует учесть, что на переднем плане историографии по данной тематике находились вопросы, связанные именно с эвакуацией промышленных объектов на восток страны и их дальнейшей работой в новых местах расположения. При этом большое внимание уделялось деятельности партийных органов, что было объективной реальностью историографической ситуации в стране до середины 1980-х гг. [4; 7; 9]. Со второй половины 1980-х гг. в связи с общим изменением историографической ситуации в стране, а также с увеличением числа введенных в научный оборот источников произошло расширение спектра исследования по рассматриваемой проблеме. В круг работ по проблемам эвакуации вошли исследования, связанные с вопросами социальной истории, а также рассмотрение аспектов эвакуации сквозь призму человека и его судьбы, т. е. элементов микроистории [5; 8; 11].

В региональной и мордовской историографии исследование вопросов, связанных с процессом эвакуации в годы Великой Отечественной войны, началось несколько

позднее – в 1950-х гг. Оно шло в контексте историографических постулатов советской исторической науки – преимущественное внимание уделялось роли партийных органов, а процесс эвакуации рассматривался в контексте объективных изменений в советской экономике 1941–1945 гг. Расширение перечня исследуемых вопросов на региональном уровне также относится ко второй половине 1980-х гг., что объясняется новыми веяниями в советской историографии.

Вопросы, связанные с эвакуацией сотрудников органов внутренних дел, региональная историография не рассматривала, уделяя внимание лишь общим тенденциям функционирования органов в период войны и их практической деятельности в рамках борьбы с преступностью и помощи фронту и тылу [1; 3; 6]. Связано это было в том числе с проблемой доступности источников, так как многие материалы по истории и деятельности органов внутренних дел и государственной безопасности до сих пор находятся под грифом «секретно». В связи с этим следует отметить, что расширение круга исторических источников, позволяющих устранить очередное «белое пятно» в исторической науке, более чем актуально. Соответственно, рассмотрение вопросов, связанных с эвакуацией сотрудников НКВД в МАССР в 1941 г. и их качественного состава, позволит внести свой вклад в изучении истории Республики Мордовия периода великой Отечественной войны, а также истории органов внутренних дел СССР и МАССР.

Материалы и методы

При проведении исследования были использованы как общенаучные методы – анализ и систематизация, так и конкретно-исторические методы: историко-генетический и историко-типологический при неукоснительном соблюдении основных принципов исторической науки – принципов объективности и историзма. Источниковой базой исследования послужили

материалы фонда Р-526 ЦГА РМ, содержащие материалы по истории Народного комиссариата внутренних дел по Мордовской АССР. В исследовании нами был применен микроисторический подход, позволяющий максимально пристально рассматривать события, протекающие в рассматриваемый период в СССР, через призму одного отдельно взятого региона страны – Мордовской АССР.

Результаты исследования

В годы Великой Отечественной войны Мордовская АССР оставалась тыловым регионом Советского Союза и, в соответствии с этим положением, стала одним из регионов, на территорию которого велась эвакуация промышленных объектов и населения из оккупированных районов СССР. При этом следует отметить, что, согласно планам эвакуации, Мордовская АССР являлась базой для эвакуации из Сумской области Украинской ССР, что и объясняет факт самого большого числа эвакуированных сотрудников именно из этой области страны [10].

В течение первых четырех месяцев Великой Отечественной войны с территории семи союзных республик (Молдавской, Украинской, Белорусской, Литовской, Латвийской, Эстонской и Карело-Финской) в Мордовскую АССР были эвакуированы 557 сотрудников НКВД и НКГБ с семьями. Соответственно, 250 сотрудников эвакуированы из Украинской ССР, 147 – из Белорусской ССР, 121 – из Литовской ССР, 14 – из Эстонской ССР, 12 – из Карело-Финской ССР, 7 – из Молдавской ССР и 6 – из Латвийской ССР. К сожалению, документы 1941 г., которыми мы располагаем, содержат неточности, так как в них представлена картина состояния союзных республик на момент вхождения новых территорий в состав Советского Союза и не учтены дальнейшие территориальные изменения в период нахождения новых союзных республик в составе СССР. Например, сотрудни-

ки Измаильской области УССР, эвакуированные в МАССР, по-прежнему прописаны в качестве сотрудников, служивших в Молдавской ССР, а сотрудники, работавшие в Вилейской области, числятся в качестве сотрудников НКВД Белорусской ССР, хотя часть области в 1940 г. была передана в состав Литовской ССР.

Среди 557 сотрудников органов внутренних дел и государственной безопасности большинство представляло эвакуированных служащих среднего и низшего звена (от оперуполномоченных до секретарей-машинистов), однако существенной была и доля руководящих работников. Эта категория сотрудников НКВД и НКГБ представляла собой определенную ценность в процессе эвакуации: они могли стать тем костяком, опираясь на который можно будет воссоздавать структуры органов внутренних дел вместо уничтоженных во время стремительного наступления армий Германии и ее союзников либо использовать в перспективе в освобождаемых районах СССР на прежних

должностях или как подмену сотрудников подобного ранга.

Из союзных республик в Мордовскую АССР были эвакуированы 167 руководящих работников органов внутренних дел и государственной безопасности. Для удобства анализа мы произвольно разделим их на три группы, согласно статусу занимаемых ими служебных должностей. К первой (наименьшей по численности) группе мы отнесем сотрудников НКВД и НКГБ, служивших на командных должностях, т. е. в структуре республиканских аппаратов НКВД, которых будем именовать «командный состав». Во вторую группу включим так называемый руководящий состав, к которому отнесем сотрудников, работающих на должностях руководителей районных и городских отделов НКВД. Третью группу составят так называемые должностные работники – сотрудники, несшие службу начальниками или заместителями начальников структурных отделов и подразделений НКВД. Соответственно, к первой группе среди эвакуированных в МАССР относи-

Таблица 1

Распределение эвакуированных в МАССР руководящих сотрудников по предыдущему месту службы* /
Table 1
Distribution of senior staff evacuated to MASSR by previous duty station

№	Союзная республика / Union Republic	Командный состав / Command staff	Руководящий состав / Administration staff	Должностные работники / Official employees
1	Украинская ССР / Ukrainian SSR	2	29	53
2	Белорусская ССР / Belorussian SSR	7	13	32
3	Литовская ССР / Lithuanian SSR	3	2	16
4	Эстонская ССР / Estonian SSR	–	–	–
5	Карело-Финская ССР / Karelo-Finnish SSR	1	2	1
6	Молдавская ССР / Moldavian SSR	2	1	–
7	Латвийская ССР / Latvian SSR	1	1	1
8	Всего / Total	16	48	103

* Составлена по: ЦГА РМ. Ф. Р-526. Оп. 2. Д. 36. Л. 6–42.

лись 16 чел., ко второй – 48, к третьей – 103 чел. Таким образом, общее число эвакуированных в МАССР руководящих сотрудников НКВД и НКГБ из семи союзных республик составило 30,1 %.

Непосредственная градация высокопоставленных сотрудников органов внутренних дел и государственной безопасности в разрезе их прежнего места службы по республикам СССР представлена в табл. 1.

Представленные данные свидетельствуют о том, что руководящие сотрудники НКВД и НКГБ были эвакуированы в Мордовскую АССР из шести союзных республик, в то время как рядовые сотрудники были представлены службой в семи союзных республиках. Исключение составила лишь Эстонская ССР, откуда было эвакуировано всего 14 сотрудников.

На территорию Мордовской АССР в июне-октябре 1941 г. было эвакуировано 16 чел., которых мы можем отнести к руководящему составу НКВД шести республик СССР. К этой категории, как нами уже упоминалось, мы относим сотрудников центральных аппаратов НКВД союзных республик уровня не менее руководителей отделов республиканских структур органов внутренних дел.

К самому высшему звену представителей командного состава НКВД, эвакуированных в МАССР в 1941 г., мы отнесем прежде всего единственного сотрудника, имевшего должность заместителя народного комиссара внутренних дел союзной республики, – Антона Антоновича Мацкевича, занимавшего до эвакуации должность заместителя народного комиссара внутренних дел по кадрам¹.

К той же категории мы относим и руководителей республиканских отделов НКВД,

которых в МАССР в 1941 г. прибыло семеро. Из Белорусской ССР были эвакуированы начальник административно-хозяйственного отдела НКВД Григорий Васильевич Кринитов, начальник тюремного отдела НКВД Евгений Петрович Степанов, а также заместители начальников финансового отдела НКВД Владимир Акимович Дулькейт и отдела кадров НКВД Иосиф Филиппович Хоняк. Из Литовской ССР были эвакуированы начальники отделов НКВД (к сожалению, названия отделов в документах не указаны) – Израил Лазаревич Зайденвурн и Петр Васильевич Шепелев. Из Молдавской ССР был эвакуирован заместитель начальника тюремного отдела НКВД Генрих Умерович Нусимович².

Ко второму слою командных работников, эвакуированных из союзных республик в Мордовскую АССР, мы отнесем прежде всего сотрудников отделов управлений республиканских НКВД. В его состав можно включить троих эвакуированных сотрудников, двое из которых служили ранее в Украинской ССР и один – в Белорусской ССР. Из УССР в эвакуацию прибыли два начальника отделов Управления пограничных войск НКВД – Николай Петрович Юрин и Николай Захарович Ахметжанов, причем Юрин служил непосредственно в Киеве, а Ахметжанов ближе к границе – во Львове. Из БССР в МАССР был эвакуирован начальник стройотдела административно-хозяйственного отдела НКВД Василий Александрович Андреев³. По статусу с ними вполне сопоставимы и эвакуированный из Молдавской ССР заместитель начальника секретариата НКГБ Владимир Иванович Печенов, и эвакуированный из Латвийской ССР начальник следственной части НКГБ Леонид Петрович Левянович⁴.

¹ ЦГА РМ. Ф. Р-526. Оп. 2. Д. 36. Л. 29.

² Там же. Л. 22–24, 29, 31, 42.

³ Там же. Л. 10, 25.

⁴ Там же. Л. 40, 42.

Из Белорусской ССР и Карело-Финской ССР в Мордовскую АССР были эвакуированы сотрудники командного состава управления республиканской милиции. Из Минска в МАССР прибыли начальник отдела кадров Управления рабоче-крестьянской милиции (УРКМ) Иван Васильевич Митенный и начальник автоинспекции УРКМ Иосиф Моисеевич Купсельный, из Петрозаводска – заместитель начальника отдела службы Иван Кузьмич Дылочкин⁵.

Следует отметить, что вышеуказанные эвакуированные сотрудники НКВД и НКГБ достаточно быстро были переведены из Мордовской АССР к новому месту службы. Документы свидетельствуют, что двое из 16 эвакуированных сотрудников, отнесенных нами к категории «командный состав», прибыли в эвакуации лишь 1 месяц (т. е. получили денежное пособие за один месяц – это может означать, что они были в Мордовской АССР лишь считанные дни), двое – 2 месяца, пятеро – 3 месяца. Лишь И. М. Купсельный и Л. П. Левянтovich продолжали оставаться в Мордовской АССР на протяжении четырех месяцев, т. е. до момента отправки документов по эвакуированным сотрудникам начальнику ЦПФО НКВД СССР Л. И. Берензону. Эта статистика говорит о значимости, которая придавалась сотрудникам в ранге «командного состава». Поистине, это был штучный состав, которому долго оставаться без дела не давали, привлекая работников подобного статуса к новому месту службы. Все это подтверждает основу советской кадровой политики предвоенного времени, когда специалисты были востребованы и не могли надолго быть отставлены от служебных обязанностей.

Ко второй группе эвакуированных в МАССР сотрудников НКВД и НКГБ союз-

ных республик мы относим начальников и заместителей начальников районных отделов НКВД, начальников и заместителей начальников районных отделов милиции и начальников структур НКВД и НКГБ городов. Также к этой категории мы отнесем начальников стратегических объектов: структур железных дорог и системы лагерей.

Непосредственное распределение эвакуированных сотрудников НКВД и НКГБ по данным должностям представлено в табл. 2.

Наибольшее число представителей так называемого руководящего состава среди эвакуированных сотрудников НКВД в МАССР приходится на Украинскую ССР – 29; среди них 16 чел. до эвакуации работали в Сумской области. Данная цифра легко объяснима: по эвакуационному плану Мордовская АССР и должна была стать одним из регионов, куда должна была проводиться эвакуация из этой украинской области.

Из Сумской области в МАССР было эвакуировано семь начальников районных отделений НКВД: самих Сум (В. Ф. Курило) и шести районов области – Шалыгинского (И. С. Карпейкин), Синитского (А. С. Николаев), Хоменского (М. В. Гунько), Бурынского (Х. Г. Харченко), Роменского (Г. Э. Спичка) и Лебединского (В. А. Дедов). Второй по численности среди этой категории руководящего состава (5 чел.) представлена Киевская область: Васильковский район (Л. Я. Гранберг), Воронежский (И. П. Путней), Овручский (И. А. Стельмашенко), Переяславский (З. А. Шевчук) и Барышский (А. С. Антонец). По одному начальнику районного отделения НКВД были эвакуированы в МАССР из Савинского района Харьковской области (П. К. Кабанов) и Градинского района Полтавской области (Р. М. Михайлов)⁶.

⁵ ЦГА РМ. Ф. Р-526. Оп. 2. Д. 36. Л. 19, 22, 34.

⁶ Там же. Л. 6–16.

Таблица 2

Распределение эвакуированных в МАССР руководящих работников органов внутренних дел и безопасности по предыдущему месту службы* /
Table 2
Distribution of senior employees of internal affairs and security bodies evacuated to the MASSR by their previous duty station

№	Союзная республика / Union Republic	Начальники РО / Heads of DD	Начальники РОМ / Heads of DDM	Начальники ГО / Heads of CD	Иные руководители / Other heads
1	Украинская ССР / Ukrainian SSR	14	13	2	–
2	Белорусская ССР / Belorussian SSR	5	3	5	–
3	Литовская ССР / Lithuanian SSR	1	–	1	–
4	Карело-Финская ССР / Karelo-Finnish SSR	–	–	–	2
5	Молдавская ССР / Moldavian SSR	1	–	–	–
6	Латвийская ССР / Latvian SSR	–	–	–	1
7	Всего / Total	21	16	8	3

* Составлена по: ЦГА РМ. Ф. Р-526. Оп. 2. Д. 36. Л. 6–42.

Пять районных начальников НКВД были эвакуированы из Белорусской ССР. Из Петриковского района Полесской области – А. П. Жуков; из Догжицкого района Вилейской области – В. К. Приходько и из Молодечно (административный центр области) – Д. С. Артамошкин. Двое ранее служили в Барановичской области на должности заместителя начальника райотделений: в Новогрудском (А. Г. Баранов) и Ивьевском районах (В. С. Васильев)⁷.

По одному начальнику районных отделов НКВД было эвакуировано в МАССР из Литовской ССР – Д. В. Шустарев (Каунасский уезд) и Молдавской ССР – И. И. Пинчук (Сорокинский уезд)⁸.

По служебному положению к начальникам районных отделений НКВД максимально приближены начальники городских от-

делов НКВД, которых в Мордовскую АССР из союзных республик было эвакуировано 8 чел.

«Лидером» в данном перечне стали сотрудники, эвакуированные из Белорусской ССР (5 из 8 чел.). В Мордовской АССР оказались комендант НКВД Гомеля Н. И. Гаврилин, заместитель начальника городского отдела НКВД Волковыска П. А. Чегодаев, начальник городского отдела НКГБ Орши А. П. Максименко и его заместители И. И. Сорокин и Ф. М. Павлюченко⁹. Из Украинской ССР были эвакуированы начальник городского отдела НКВД г. Изюма Харьковской области Е. Н. Сидоренко и помощник коменданта УНКВД г. Сумы И. Г. Ковалев; из Литовской ССР в эвакуацию прибыл комендант НКГБ г. Каунаса И. Ф. Березицкий¹⁰.

⁷ ЦГА РМ. Ф. Р-526. Оп. 2. Д. 36. Л. 1827.

⁸ Там же. Л. 30, 42.

⁹ Там же. Л. 1827.

¹⁰ Там же. Л. 6, 11, 30.

Руководящие структуры милиции в эвакуации в Мордовской АССР были представлены 16 сотрудниками, служившими ранее в Украинской и Белорусской ССР. Наибольшее представительство в этой группе эвакуированных сотрудников НКВД вновь принадлежит Сумской области (8 из 3 чел.). В МАССР был эвакуирован начальник районного отделения милиции из Сум С. К. Самотой и 7 начальников областных районов: Старо-Буденского (Г. Л. Монарчук), Хоменского (М. М. Ляшко), Буринского (Х. Г. Харченко), Ромненского (Ф. А. Кубрик), Талалаевского (И. А. Назин), Силезского (А. Д. Шевелев) и начальник Ромненского железнодорожного отдела милиции Н. Н. Лазнев. Милиция пяти областей УССР представлена начальником Порецкого райотдела милиции Волынской области П. А. Дейнеко, Станиславского Каменец-Подольской области И. Ф. Шишко, Миропольского Житомирской области С. Д. Шеховцем, Градинского Полтавской области М. П. Вялых и Андреевского Сталинской области П. Ф. Зубковым¹¹.

Лишь три милицейских начальника были эвакуированы в Мордовскую АССР из Белорусской ССР – начальник УРКМ Минской области И. Н. Чистяков, комендант УРКМ Минска Т. П. Парахин и начальник районного отдела милиции Несвижского района Барановичской области Ф. Г. Филипович¹².

Также к категории руководящих работников, как мы считаем, стоит отнести двух эвакуированных сотрудников Вятлага из Карело-Финской ССР – начальника 1-го лагерного пункта Н. И. Глазуна и начальника железнодорожной ветки при управлении Вятлага В. П. Башанова, а также начальника железнодорожного отделения

НКВД на станции Либава (нельзя забывать стратегическую важность данного порта к началу Великой Отечественной войны) Н. С. Зыка¹³.

И вновь анализ данных позволяет нам говорить о желании властей и руководства НКВД как можно скорее использовать сотрудников, находившихся в эвакуации, по их прямому назначению. Об этом красноречиво говорит время их нахождения в эвакуации в МАССР. Однако при анализе данного критерия возникает одна объективная проблема: мы не можем делать подобных выводов по сотрудникам НКВД, эвакуированным из Украинской ССР, поскольку большинство из них прибыли в сентябре-октябре. В связи с тем, что сведения, поданные в ЦПФО НКВД СССР, ограничиваются октябрём 1941 г., мы не можем утверждать, что сотрудники НКВД УССР находились в эвакуации только 1 месяц, поэтому из данного анализа их удалим. Что же касается сотрудников НКВД и НКГБ руководящего звена, эвакуированных из Белорусской, Литовской, Латвийской, Карело-Финской и Молдавской ССР, то 6 из 19 чел. прибыли в эвакуации лишь 1 месяц (лишь один из них в октябре 1941 г. находился в МАССР, т. е. условно мог продолжить нахождение в эвакуации), 8 прибыли в эвакуации 2 месяца (двое из них находились в МАССР в октябре) и лишь 5 сотрудников находились в эвакуации 3–4 месяца (четверо еще находились в МАССР в октябре). И вновь это подтверждает наш тезис о значимости для НКВД такого «штучного» материала, как руководящие работники, которые в максимально короткие сроки возвращались к несению службы на новых участках и в новых подразделениях НКВД или НКГБ.

¹¹ ЦГА РМ. Ф. Р-526. Оп. 2. Д. 36. Л. 616.

¹² Там же. Л. 18, 20, 21.

¹³ Там же. Л. 34, 40.

К третьей категории, так называемых должностных работников, мы относим сотрудников НКВД и НКГБ, которые по старому месту службы занимали должности начальников отделов органов внутренних дел и государственной безопасности, начальников тюремных структур, руководителей структур рабоче-крестьянской милиции. Всего в 1941 г. из союзных республик в Мордовскую АССР были эвакуированы 103 таких сотрудника.

К высшему эшелону этой группы мы отнесем начальников и заместителей начальников областных структурных подразделений (отделов) НКВД/НКГБ. Из Украинской ССР было эвакуировано 16 чел., которые представляли следующие отделы областных НКВД: СПО, АХО, ХОЗО, КРО, АТО, ФИНО, ЭКО, ОПО, а также отдел связи и тюремный. Из Белорусской ССР таких сотрудников было четверо, они представляли до эвакуации отделы АХО, ФИНО, НИБО и ИТК. Из Литовской ССР в эвакуацию в МАССР прибыли начальник следственного и транспортного отделов, начальник КРО, а также два начальника неназванных отделов НКГБ и один – НКВД. Из Латвийской ССР в МАССР был эвакуирован заместитель начальника оперативного отдела НКГБ¹⁴.

Достаточно широко среди эвакуированных в Мордовскую АССР были представлены сотрудники НКВД, ранее служившие в тюрьмах (9 чел.). В МАССР в эвакуации оказались начальники тюрем Белостока, Воложина (Барановичская область, БССР), Сум и Свенцян, помощники (заместители) начальников тюрем в Гродно, Вильно (Вильнюса) и Каунаса, начальник хозяйственной части тюрьмы в Ошмянах (Вилейская область, БССР), а также начальник санитарной части тюрьмы № 1 по Полтавской области¹⁵.

В Мордовскую АССР также были эвакуированы руководящие сотрудники Управления рабоче-крестьянской милиции и сотрудники подразделений РКМ в количестве 36 чел., причем ранее они проходили службу в Украинской и Белорусской ССР.

Прежде всего стоит отметить эвакуацию руководителей важнейших отделов рабоче-крестьянской милиции, актуальность которых всегда возрастает в период испытаний, выпадающих на долю страны, – отдела уголовного розыска и отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности. Несомненно, борьба с преступностью и бандитизмом в годы войны – это важная социально-политическая функция государства, обеспечивающая стабильность общества военного времени и дающая гарантию неотвратимости наступления наказания за совершенное преступление. Актуализация работы ОБХС в годы войны также несомненна, так как в период проведения масштабных эвакуационных мероприятий и разноречивости с отчетностью соблазн совершения экономического преступления многократно возрастает. Из Украинской ССР в МАССР было эвакуировано 10 начальников и заместителей начальников данных отделов, из Белорусской ССР – 1. Вновь наиболее широко были представлены начальники данных отделов Сумской области. В частности, в МАССР были эвакуированы начальники отдела БХС Ф. М. Меденцев и отдела УР из Сум В. А. Ходаркевич, а также начальник ОУР из Шостки И. А. Неруш. Кроме того, начальник отдела уголовного розыска В. И. Мадрыга прибыл из Ровно, заместитель начальника ОУР РКМ Н. Д. Чудаков – из Киева. Белорусские сотрудники были представлены начальником отдела уголовного розыска Белостокской области¹⁶.

¹⁴ ЦГА РМ. Ф. Р-526. Оп. 2. Д. 36. Л. 616, 1827, 3032, 40.

¹⁵ Там же. Л. 8, 13, 2122, 3032.

¹⁶ Там же. Л. 616, 28.

«Богато» в эвакуации в Мордовской АССР была представлена транспортная милиция, причем как железнодорожная, так и автоинспекция. Из Белорусской ССР были эвакуированы начальник отдела ГАИ УРКМ Минска Г. А. Драгун, старший госавтоинспектор г. Августов И. С. Овсянников, а также начальник железнодорожной милиции г. Лида А. П. Курилов и заместители начальников железнодорожной милиции Белорусской железной дороги Е. Ф. Ахромченко и И. И. Леоненко, железнодорожной станции Белосток А. В. Гавриков¹⁷.

Наконец, в Мордовскую АССР в эвакуацию прибыли сотрудники отделов НКВД областного подчинения. Номенклатура отделов соответствует представителям командного состава (ОК, ФИНО, АХО, СО и др.). Вновь наибольшее число сотрудников данного должностного ряда прибыли из Сумской области (что, в принципе, совершенно понятно). Следует отметить, что, кроме Сумской области, в эвакуации в МАССР были широко представлены Минск (3 сотрудника), Могилев (3 сотрудника), Витебск (3 сотрудника), Орша (2 сотрудника)¹⁸.

Отдельно стоит отметить лишь двух сотрудников этой категории сотрудников НКВД и НКГБ, эвакуированных не из Украинской или Белорусской ССР. Так, в июле 1941 г. в МАССР прибыли начальник ПВО г. Зес Карело-Финской ССР и заместитель начальника НКГБ станции Либавы Латвийской железной дороги¹⁹. Соответственно, первый высокопоставленный явно принадлежал к структурам войск НКВД, а второй – вновь представитель руководящих служб железнодорожных структур НКВД.

Обсуждение

Таким образом, анализируемые материалы могут отнести 167 эвакуированных

сотрудников органов внутренних дел и государственной безопасности из Украинской, Белорусской, Литовской, Латвийской, Карело-Финской и Молдавской республик СССР к высшей должностной категории сотрудников. Соответственно, для простоты анализа и сближения должностей мы их условно делим на «командный состав», «руководящий состав» и «должностных работников».

Первая и вторая категории эвакуированных сотрудников НКВД и НКГБ представляли собой поистине «дефицитных» сотрудников, должности которых были подкреплены многолетним стажем работы в силовых структурах. Соответственно, их значимость для государства в условиях военных поражений первых месяцев Великой Отечественной войны подкрепляется фактом их недолгого нахождения в эвакуации (на примере Мордовской АССР). Значительное число сотрудников, выделенных нами в данные высшие номенклатурные категории, находились в эвакуации месяц или два, после чего вновь направлялись на службу, становясь своего рода костяком для создаваемых или уже существующих структурных подразделений органов внутренних дел и государственной безопасности СССР.

Количественные показатели высокопоставленных сотрудников органов полностью коррелируют с общими показателями по эвакуации, наибольшее число начальствующего состава представлено эвакуированными из Украинской ССР, а в ней – из Сумской области. Также большое число командного и руководящего состава представляют Белорусскую и Литовскую ССР. Значительная доля сотрудников, эвакуированных из Украинской ССР, прибыли в Мордовскую АССР в сентябре-октябре

¹⁷ ЦГА РМ. Ф. Р-526. Оп. 2. Д. 36. Л. 1827.

¹⁸ Там же. Л. 616, 1827.

¹⁹ Там же. Л. 34, 40.

1941 г. (это связано с боевыми действиями на востоке Украинской ССР в августе-сентябре 1941 г.), что несколько затрудняет полноценный анализ длительности нахождения этих сотрудников в эвакуации в МАССР.

Заключение

Итак, в июле-октябре 1941 г. из западных и северо-западных республик СССР в эвакуацию в Мордовскую АССР прибыли 167 высокопоставленных сотрудников НКВД и НКГБ СССР. Из них 16 чел. представляли командный состав НКВД союзных республик республиканского уровня, начиная от должности заместителя народного комиссара НКВД и заканчивая заместителями начальников республиканских структур органов внутренних дел и государственной безопасности. Необходимо отметить, что 9 из 16 (56 %) представителей командного состава провели в эвакуации 1–2 месяца, а затем были отозваны к новому месту службы, что подтверждает их значимость для дела борьбы против захватчиков.

48 эвакуированных в МАССР сотрудников были отнесены нами к категории «руководящий состав». К ним относятся прежде всего руководители районных и

городских отделов НКВД и руководители районных отделений милиции (РОМ). Наибольшее представительство среди них (29 чел. – 60,4 %) имеет Украинская ССР, а в ней – Сумская область (16 чел.), для которой Мордовская АССР была одной из баз эвакуации. Среди 48 эвакуированных руководителей областных структур НКВД 21 являлись руководителями РО, 8 прибывших руководителей возглавляли или являлись заместителями руководителей городских отделов НКВД, 16 сотрудников были руководителями или помощниками руководителей РОМ.

Третий эшелон эвакуированного руководства НКВД и НКГБ – «должностные работники» – имел самый пестрый номенклатурный состав. В него вошли руководители прежде всего областных отделов силовых ведомств, начиная от руководителей областных отделов НКВД и НКГБ и заканчивая заместителями начальников подразделений транспортной милиции и таких специализированных отделов УРКМ, как БХС и УР. Всего к категории «должностные работники» нами было отнесено 103 эвакуированных сотрудника НКВД и НКГБ.

Список источников

1. Бычков В. Ф. Закона и порядка верный щит: Очерки истории советской милиции Мордовии. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1982. 151 с.
2. Вечная Отечественная. Фильм 3. Эвакуация как сверхпроект. URL: https://www.youtube.com/watch?v=NBgtzOF_pHQ (дата обращения: 10.03.2022).
3. Два века на страже правопорядка: МВД Республики Мордовия: история и современность / авт.-сост. О. В. Корчиганов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2002. 336 с.
4. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945: в 6 т. / ред. комис. П. Н. Поспелов (пред.) и др. М.: Воениздат, 1960–1965.
5. Кабинова А. Ш. Эвакуация гражданского населения в Татарскую АССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета: электрон. науч. журн. 2016. № 2. С. 132–141.
6. Кечайкина Е. М. Милиция Мордовии в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2003. 179 с.
7. Колесник А. Д. РСФСР в годы Великой Отечественной войны: Проблемы тыла и всенародной помощи фронту. М.: Наука, 1982. 28 с.
8. Кошкина О. А. Эвакуация населения в Марийскую АССР в годы Великой Отечественной войны // Марийский археографический вестник. 2015. № 25. С. 17–23.

9. Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. М.: Наука, 1977. 727 с.
10. Сумская область в период Великой Отечественной войны (1941–1945): сб. док. / отв. ред. В. М. Полохов. Харьков: Харьков. кн. изд-во, 1963. 455 с.
11. Тимофеев В. В. Эвакуация промышленных предприятий в республики Волго-Вятского региона в годы Великой Отечественной войны // Отечественная история. 2005. № 2. С. 75–81.

References

1. Bychkov V. F. The Right Shield of Law and Order: Essays on the History of the Soviet militia of Mordovia. Saransk, 1982, 151 p. (In Russ.)
2. Eternal Domestic. Film 3. Evacuation as a superproject [Electronic resource]. Available at: https://www.youtube.com/watch?v=HBgtzOF_pHQ (accessed 10.03.2022).
3. Two centuries on the guard of law and order: the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Mordovia: history and modernity. Saransk, 2002, 336 p. (In Russ.)
4. History of the Great Patriotic War of the Soviet Union. 1941–1945: In 6 vol. Moscow, 1960–1965. (In Russ.)
5. Kabirova A. S. Evacuation of the civilian population to the Tatar ASSR during the Great Patriotic War. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* = Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University. Electronic scientific journal. 2016; 2(18): 132–141. (In Russ.)
6. Kechaykina E. M. Militia of Mordovia during the Great Patriotic War: 1941–1945: Cand. Sci. (Hist.) Dissertation. Saransk, 2003, 179 p. (In Russ.)
7. Kolesnik A. D. RSFSR during the Great Patriotic War: Problems of the rear and national assistance to the front. Ed. A. D. Kolesnik. Moscow, 1982, 328 p. (In Russ.)
8. Koshkina O. A. Evacuation of the population to the Mari ASSR during the Great Patriotic War. *Marijskij arheograficheskij vestnik* = Mari Archeographic Bulletin. 2015; 25: 17–23. (In Russ.)
9. The Soviet Union during the Great Patriotic War. 1941–1945. Moscow, 1977, 727 p. (In Russ.)
10. Sumy region during the Great Patriotic War (1941–1945). Collection of documents. Ed. Polokhov V. M. Kharkiv, 1963, 455 p. (In Russ.)
11. Timofeev V. V. Evacuation of industrial enterprises in the Republics of the Volga-Vyatka Region during the Great Patriotic War. *Otechestvennaya istoriya* = National History. 2005; 2: 75–81. (In Russ.)

Поступила 28.03.2022.

Сведения об авторах

Богатырев Эдуард Дмитриевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия). Область научных интересов: история России периода феодализма, экономическая история. Автор более 100 научных и учебно-методических работ. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2613-4958>.

E-mail: edbog@mail.ru

Кистанов Сергей Васильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия). Сфера научных интересов – политическая история России конца XIX – первой четверти XX в. Автор около 90 научных и учебно-методических публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2214-1341>.

E-mail: kistanov-viz@yandex.ru

About the authors

Eduard D. Bogatyrev – Doctor of History, Professor, Department of History of Russia, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia). Research interests: Russian history of the period of feudalism, economic history. The author of more than 100 scientific and educational works. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2613-4958>.

E-mail: edbog@mail.ru

Sergey V. Kistanov – Candidate of History, Associate Professor, Department of History of Russia, National Research Ogarev Mordovia State University. Research interests: political history of Russia in the late 19th – the first quarter of the 20th century. The author of about 90 scientific and educational publications. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2214-1341>.

E-mail: kistanov-viz@yandex.ru

*А. Г. Пашкин**Государственный архив новейшей истории Ульяновской области,
Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова
(Ульяновск, Россия), e-mail: pashkin.ag@mail.ru*

К вопросу о деятельности органов прокуратуры и суда в условиях введения уголовной ответственности за нарушения трудовой дисциплины в предвоенный период (на материалах Среднего Поволжья)

Аннотация

Введение. Изучение деятельности прокуратуры и суда по поддержанию трудовой дисциплины является важным для понимания механизмов подготовки СССР к Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Цель статьи заключается в реконструкции процессов, протекавших в судебно-следственных органах Среднего Поволжья в свете совместного постановления Совета народных комиссаров СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС от 28 декабря 1939 г. «Об укреплении трудовой дисциплины» и Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений».

Материалы и методы. Исследование построено на анализе документальных комплексов партийных организаций, органов прокуратуры и суда из фондов Государственного архива Российской Федерации и трех региональных архивов, что предопределило использование конкретно-исторических методов, необходимых для детального изучения взаимосвязанных процессов возникновения новых судебных практик при переходе деяний из сферы административного в сферу уголовного права.

Результаты исследования. Несмотря на тенденции ужесточения последствий нарушений трудового распорядка, наблюдавшиеся в партийно-государственной политике СССР в конце 1930-х гг., органы суда и прокуратуры Среднего Поволжья не были подготовлены к ее реализации. С июля 1940 г. за счет поступления уголовных дел по указу от 26 июня 1940 г. объемы работы народных судов возросли в среднем в 6 раз. Низкая правовая культура руководителей предприятий и учреждений приводила к небрежному оформлению документов на нарушителей, что требовало от работников прокуратуры и суда качественного предварительного расследования. В то же время Куйбышевское управление Народного комиссариата юстиции в течение нескольких месяцев не направляло судьям каких-либо разъяснений, исключительно требуя соблюдения пятидневного срока рассмотрения дел. Фактически народные судьи были предоставлены сами себе, не имели обобщенной практики судебных процессов, в силу чего приговоры и меры уголовного преследования по однотипным преступлениям разнились.

Обсуждение и заключение. Как в Среднем Поволжье, так и в масштабах СССР прогул и самовольное оставление места работы стали самым массовым уголовно наказуемым деянием. В СССР на долю данных преступлений во втором полугодии 1940 г. приходилось свыше 60 % осужденных, на территории Среднего Поволжья, отличавшегося достаточно высокой долей промышленности, – более 75 %. Результатом отсутствия подготовительной работы стал вынужденный отказ от предварительного расследования, а затем и от очного судебного заседания, что привело к снижению качества работы судов на территории Среднего Поволжья.

© Пашкин А. Г., 2022

Ключевые слова: суд, прокуратура, уголовная преступность, трудовая дисциплина, Среднее Поволжье.

Для цитирования: Пашкин А. Г. К вопросу о деятельности органов прокуратуры и суда в условиях введения уголовной ответственности за нарушения трудовой дисциплины в предвоенный период (на материалах Среднего Поволжья) // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2022. Т. 22, № 4. С. 387–401. DOI: 10.15507/2078-9823.060.022.202204.387-401.

Andrey G. Pashkin

State Archive of the Contemporary History of the Ulyanovsk region, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov (Ulyanovsk, Russia), e-mail: pashkin.ag@mail.ru

On the Issue of the Activities of the Prosecutor's Office and the Court in the Context of the Introduction of Criminal Liability for Violations of Labor Discipline in the Pre-War Period (Based on the Materials of the Middle Volga Region)

Abstract

Introduction. The study of the activities of the prosecutor's office and the court to maintain labor discipline is important for understanding the mechanisms of preparation of the USSR for the war of 1941–1945. The purpose of the article is to reconstruct the processes that took place in the judicial and investigative bodies of the Middle Volga region in the light of the joint resolution of the Council of People's Commissars of the USSR, the Central Committee of the CPSU(b) and the All-Union Central Council of Trade Unions of December 28, 1939 "On strengthening labor discipline" and the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of June 26, 1940. "On the transition to an eight-hour working day, to a seven-day working week and on the prohibition of unauthorized departure of workers and employees from enterprises and institutions".

Materials and Methods. The study is based on the analysis of documentary complexes of party organizations, prosecutor's offices and courts from the funds of the State Archive of the Russian Federation and three regional archives, which predetermined the use of concrete historical methods necessary for a detailed study of the interrelated processes of the emergence of new judicial practices during the transition of acts from the sphere of administrative to the sphere of criminal law.

Results. Despite the tendencies of tightening the consequences of violations of labor regulations observed in the party-state policy of the USSR in the late 1930s, the organs of the court and prosecutor's office of the Middle Volga region were not prepared for its implementation. Since July 1940, due to the receipt of criminal cases under the Decree of June 26, 1940, the volume of work of the people's courts has increased by an average of 6 times. The low legal culture of the heads of enterprises and institutions led to careless registration of documents for violators, which required high-quality preliminary investigation from the staff of the prosecutor's office and the court. At the same time, the Kuibyshev Department of the People's Commissariat of Justice has not sent any explanations to the judges for several months, solely demanding compliance with the five-day deadline for the consideration of cases. In fact, people's judges were left to themselves, did not have a generalized practice of trials, which is why sentences and measures of criminal prosecution for the same type of crimes differed.

Discussion and Conclusions. Both in the Middle Volga region and on the scale of the USSR, absenteeism and unauthorized abandonment of a place of work have become the most widespread criminal offense. On average, in the USSR, the share of these crimes in the second half of 1940 accounted for over 60 % of convicts, in the Middle Volga region, which had a fairly high share of industry – more than 75 %. The result of the lack of preparatory work was the forced refusal of a

preliminary investigation, and then of an in-person court session, which led to a decrease in the quality of work of courts in the territory of the Middle Volga region.

Keywords: motivation, foreign languages, innovative approaches and methods, students of not language faculties, educational and speech activity, communication, language practice.

For citation: Pashkin A. G. On the issue of the activities of the Prosecutor's office and the court in the context of the introduction of criminal liability for violations of labor discipline in the pre-war period (based on the materials of the Middle Volga region). *Gumanitarian: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2022; 22(4): 387–401. (In Russ.). DOI: 10.15507/2078-9823.060.022.202204.387-401.

Введение

Бесперебойное функционирование промышленных предприятий стало залогом победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Сегодня, когда по решению Президента Российской Федерации В. В. Путина ряду городов Среднего Поволжья присвоено почетное звание «Город трудовой доблести», изучение вклада промышленности в приближение победоносного завершения войны приобретает особую актуальность. Ряд законодательных актов, послуживших обеспечительными мерами по снабжению промышленности рабочей силой, в том числе Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений», до настоящего времени вызывает интерес исследователей. Основным элементом дискуссии остается целесообразность введения уголовной ответственности за нарушение трудовой дисциплины. Одним из первых проблему реализации указа от 26 июня 1940 г. рассмотрел О. В. Хлевнюк, дав весьма негативную оценку переводу трудовых отношений в сферу уголовного права [15, с. 95]. Впоследствии определенная часть исследователей, в частности В. Н. Земсков [1, с. 23], А. К. Соколов [12, с. 75], В. Н. Мамяченков [6, с. 173], на основе подсчета числа осужденных отнесли реализацию указа от 26 июня 1940 г. к кампаниям массовых

репрессий. Согласно выводам Р. Е. Романова, с июля 1940 по декабрь 1941 г. в СССР за нарушение трудовой дисциплины было осуждено 6,7 % рабочих и служащих [11, с. 327]. Другие исследователи, например В. И. Масюк, позиционируют данный шаг Советского государства с положительной стороны, как необходимую меру, позволившую форсировать темпы работы оборонной промышленности в условиях надвигавшейся войны [7, с. 156].

Проблема деятельности органов суда и прокуратуры по поддержанию трудовой дисциплины в предвоенное время изучена весьма фрагментарно. Так, П. Соломон отмечал, что ускоренное судопроизводство сделало невозможным соблюдение установленных норм процессуального законодательства. С другой стороны, в труде не указана ни степень наказания, ни количество оправдательных приговоров и прекращенных дел [13, с. 294]. В свою очередь И. В. Пыхалов изучил данную статистику, что позволило ему выделить количество так называемого брака в работе судебных следственных органов. Согласно заключению исследователя, более четверти судебных приговоров по делам данной категории являлись оправдательными [10, с. 311]. В. А. Печерский указывал, что в рамках исследуемого им Красноярского края надзор за исполнением указа от 26 июня 1940 г. с момента его принятия был одним из наиболее массовых направлений работы прокуратуры, но механизмы ее работы, особен-

но в первые месяцы реализации кампании, исследователем также указаны не были [8, с. 30]. А. Ш. Кабирова привела объемы работы народных судов Татарской АССР по рассмотрению нарушений трудовой дисциплины, а также доказала, что прокуратура республики регулярно проводила обобщение и изучение следственной и судебной практики по делам о нарушениях трудовой дисциплины [3, с. 176–177]. А. А. Кабуркин отметил замешательство народных судей в первые месяцы рассмотрения дел о нарушениях трудовой дисциплины. Весьма важным является вывод автора о том, что деятельность судов по пресечению нарушений трудовой дисциплины способствовала укреплению и развитию народного хозяйства [4, с. 55–56]. К аналогичному выводу пришел и А. А. Иванов, отметив, что в первое время прокуратура и суды допускали различный подход к квалификации уголовного деяния, а соответственно, и к ведению следствия, и к вынесению приговоров [2, с. 14].

В границах Среднего Поволжья проблему применения уголовного законодательства частично рассмотрел И. В. Пономаренко [9, с. 481]. При этом, если в целом аспекты правоприменения указа от 26 июня 1940 г. изучены достаточно подробно, то вопрос изменений в системе работы судебно-следственных органов исследован фрагментарно, а в отношении Среднего Поволжья не изучен. В то же время Среднее Поволжье, к которому относятся территории современных Самарской и Ульяновской областей, являлось одним из крупнейших промышленных районов СССР. Изучение аспектов деятельности органов прокуратуры и суда в условиях изменения уголовного законодательства и значительного увеличения объема уголовных дел в крупном промышленном районе необходимо для целостного понимания процессов подготовки СССР к предстоящей

войне. Хронологические рамки исследования охватывают период с января 1939 по декабрь 1940 г. как время перехода трудовых отношений из сферы административного в сферу уголовного права.

Методы

Методологическая база исследования включает общенаучные методы и приемы формальной логики, диалектический подход, а также сравнительно-исторический метод. Принцип историзма и проблемно-хронологический метод позволили изучить проблему изменения в деятельности судебно-следственных органов в ее развитии. Для проведения исследования автором были привлечены архивные документы из одного федерального и трех региональных архивов. Большой пласт материалов, в который вошли отчеты прокуратуры и юстиции, партийных организаций, обусловил также применение методов источниковедческой критики и взаимной проверки данных.

Результаты

Деятельность органов суда и прокуратуры по обеспечению трудовой дисциплины на предприятиях промышленности активизировалась в начале 1939 г., что было связано с принятием 28 декабря 1939 г. совместного постановления СНК СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС «Об укреплении трудовой дисциплины». Предполагалось, что судебно-следственные органы возьмут на себя обязанность по осуществлению надзора за исполнением постановления и по уголовному преследованию нарушителей. В Среднем Поволжье одним из первых стало судебное разбирательство в отношении трех начальников цехов завода № 15 г. Чапаевска, которые проигнорировали новые требования к соблюдению трудового распорядка. Они заменили прогульщикам увольнения на выговоры, замечания и общественное порицание, пытались запутать следствие, подделав табели и выдав нарушителей за вновь принятых на работу. Свои

действия начальники цехов объясняли отсутствием разъяснительной работы со стороны руководства, партийной и профсоюзной организаций завода, а также боязнью допустить перегибы. Рассмотрение дела завершилось показательным судебным процессом, который прошел с 5 по 7 февраля 1939 г. в Чапаевском городском доме культуры. Решением суда все трое были приговорены к лишению свободы условно¹. Более суровые меры наказания применялись лишь к тем ответственным работникам, которые не просто покрывали нарушителей, но и сами не соблюдали установленные нормы трудового распорядка. Например, 27 января 1939 г. перед судом предстал директор одного из промышленных предприятий Инзенского района Н.² Согласно обвинительному заключению прокуратуры, Н. не увольнял прогульщиков, а 24 января 1939 г. сам по причине пьянства совершил прогул. Суд согласился с квалификацией данного преступления по ст. 111 УК РСФСР – «преступное бездействие должностного лица» и приговорил Н. к одному году лишения свободы³.

Работа органов прокуратуры показала, что проведение проверочных мероприятий не приводило к каким-либо существенным результатам в силу повсеместного небрежного заполнения табелей учета рабочего времени либо вообще отсутствия таковых. Поэтому проверки заканчивались не возбуждением уголовных дел, а выставлением требований к руководству предприятий и

учреждений упорядочить ведение документов. Кроме того, осуществление надзора занимало весьма большое количество времени даже в организациях с небольшим числом сотрудников⁴. Как таковая кампания по борьбе с прогульщиками была свернута к лету 1939 г. по инициативе низовых следственных работников. На совместном совещании работников Ульяновской городской прокуратуры и народных судей в ноябре 1939 г. было отмечено, что работа по проверке соблюдения трудовой дисциплины перестала проводиться с июля 1939 г., а до этого силами прокуратуры из 20 предприятий города было проверено всего 4. Каких-либо мер, кроме усиления надзорной работы, на совещании озвучено не было⁵. Говорить о каких-либо существенных изменениях в работе судебно-следственных органов не приходится, так как в границах Среднего Поволжья в 1939 г. за укрывательство прогульщиков было осуждено 15 чел., в первом полугодии 1940 г. – 12 чел., что в целом составляло менее 0,1 % от числа лиц, представших перед судом⁶. Уголовное наказание в отношении руководителей предприятий и организаций, покрывавших нарушителей, нередко стало заменяться административными мерами. Например, в апреле 1940 г. за попустительство к работникам, не соблюдавшим трудовую дисциплину, без возбуждения уголовного дела был снят с должности директор Инзенского крахмало-терочного завода⁷.

¹ СОГАСПИ (Самарский областной архив социально-политической истории). Ф. 656. Оп. 17. Д. 13. Л. 8–10, 13.

² Здесь и далее из этических соображений фамилии, имена и отчества лиц, подвергшихся уголовному преследованию, сокращены до первой буквы фамилии.

³ ГАНИУО (Государственный архив новейшей истории Ульяновской области). Ф. 1507. Оп. 1. Д. 419. Л. 9.

⁴ ЦГАСО (Центральный государственный архив Самарской области). Ф. Р-2972. Оп. 4. Д. 9. Л. 46–47.

⁵ ГАНИУО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1758. Л. 28.

⁶ СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 18. Д. 14. Л. 49 об.

⁷ ГАНИУО. Ф. 1507. Оп. 1. Д. 469. Л. 19.

Постановление от 28 декабря 1938 г. не сыграло положительной роли в пресечении текучести рабочих кадров в промышленности, а наоборот, усиливало ее в связи с увольнением по причине прогулов. Руководство предприятий и организаций было менее всего заинтересовано в потере квалифицированных рабочих, допустивших разовые нарушения. Начальники цехов, мастера, контролеры проходных отмечали явку по спискам, не проверяя наличие людей. Достаточно быстро отсутствие каких-либо негативных последствий для себя осознали и рядовые работники. В результате даже на крупных промышленных предприятиях Среднего Поволжья весной 1940 г. ежегодная сменяемость трудовых коллективов достигала 70–90 %⁸. Кроме того, была упущена наиболее действенная мера по предотвращению самовольных уходов, так как социальная инфраструктура и снабжение населения городов и рабочих поселков ухудшились. В первом полугодии 1940 г. по сравнению с аналогичным периодом 1939 г. потребление рабочими картофеля, молока, рыбы, сахара, фруктов снизилось в 1,5–2,0 раза [5, с. 706–707].

Анализ материалов органов суда и прокуратуры за первое полугодие 1940 г. продемонстрировал, что проблема выстраивания работы по надзору за соблюдением трудовой дисциплины на повестке дня не стояла. Последовавший 26 июня 1940 г. Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» внес радикальные изменения в темпы и систему работы надзорных и судебных инстанций.

Во-первых, указ обязал суды рассматривать материалы и выносить приговоры в пятидневный срок. Во-вторых, была усилена ответственность тех руководителей, которые как покрывали нарушения, так и принимали в штат лиц, незаконно покинувших предыдущее место работы. Разрешение же на увольнение руководитель мог дать в трех случаях – по заключению врачебной комиссии, по достижении пенсионного возраста, а также при поступлении работника в среднее специальное либо высшее учебное заведение⁹.

Органы прокуратуры Среднего Поволжья первыми столкнулись с резким увеличением количества уголовных дел. За первый месяц реализации нововведений в Куйбышевскую городскую прокуратуру поступили материалы на 1 369 прогульщиков, из которых 915 материалов были расследованы и направлены в суды. При этом в пятидневный срок было завершено лишь 560 уголовных дел. Именно прокурор Куйбышева первым обратил внимание на большое количество неграмотно оформленных материалов на нарушителей, так как только на стадии предварительной проверки городская прокуратура отказала в возбуждении 103 уголовных дел. Однако Куйбышевский горком ВКП(б) указал прокуратуре, что основная задача заключается в ускорении сроков расследования, так как при их затягивании терялась воспитательная роль суда¹⁰. В начале августа 1940 г. органы прокуратуры были освобождены от необходимости проведения предварительного расследования. Всего за 38 дней реализации указа от 26 июня 1940 г. следователями прокуратуры в рамках Среднего Поволжья в суды были переданы 3 143 дела¹¹.

⁸ ЦГАСО. Ф. Р-2972. Оп. 1. Д. 32. Л. 39.

⁹ Ведомости Верховного Совета СССР. 1940. № 20.

¹⁰ СОГАСПИ. Ф. 714. Оп. 1. Д. 723. Л. 9.

¹¹ ЦГАСО. Ф. Р-2972. Оп. 1. Д. 30. Л. 169; Д. 32. Л. 106.

Работа народных судов в городах и рабочих поселках Среднего Поволжья также была парализована резким увеличением количества материалов. Так, менее чем за месяц в каждый судебный участок Чапаевска поступило по 70 дел, в Сызрани – до 40, в Куйбышеве, Ульяновске и Мелекесе – по 20, во все остальные участки – от 2 до 10 дел. Народные судьи, не имея опыта в рассмотрении большого количества дел в короткие сроки, стали назначать в день по несколько заседаний, чем еще более усугубили свое положение и запутали процессы. Путаница приводила к тому, что подсудимым не вручались повестки, обвинительные заключения, в результате чего судебные заседания приходилось переносить на следующий день. К 1 августа по 101 судебному участку Куйбышевской области количество рассмотренных уголовных дел достигло 2 479, в том числе 2 285 дел о прогулах. Более 80 % подсудимых составляли рабочие. Тем не менее Управление наркомата юстиции по Куйбышевской области было озабочено не выстраиванием работы нарсудов, а требовало от них постоянного освещения приговоров в печати и увеличения количества показательных процессов. Что касается взаимодействия с газетами, то суды в сельских районах за июль 1940 г. опубликовали в местных газетах свыше 100 публикаций, в то время как в областной газете «Волжская коммуна» вышло всего шесть заметок. Это вполне объяснимо загруженностью судов Куйбышева. Выполняя требования управления, суды провели 29,5 % заседаний в форме выездных показательных процессов. Последние требовали от судей не только большой организационной подготовки, но и качественного изучения материалов дела, чем работники юстиции

в силу кратких сроков рассмотрения были вынуждены пренебрегать¹².

Весьма наглядно иллюстрирует процесс ситуацию, которая сложилась в народном суде 2-го участка г. Мелекесса, куда за июль и август 1940 г. поступило 156 дел на прогульщиков и самовольно покинувших место работы. Народный судья Котельников, отмечая небрежность в оформлении документов, был вынужден вернуть на исследование городской прокуратуре 38 дел только в июле. По его словам, на качественное судебное расследование материалов дела в среднем уходило от 10 до 15 дней, в ином случае исход судебного заседания был непредсказуем. Однако Мелекесский горком настоял на организации судьей 21 показательного процесса, расследование дел по которым он должен был осуществить в пятидневный срок. В результате 13 процессов, проходивших при большом стечении людей в домах культуры и залах собраний промышленных предприятий, закончились вынесением оправдательных приговоров¹³.

После освобождения от необходимости расследования дел на нарушителей трудовой дисциплины органы прокуратуры сосредоточились на осуществлении судебного надзора, что привело к взаимным упрекам между прокурором Куйбышевской области К. Болдыревым и начальником Управления наркомата юстиции по Куйбышевской области Шестаковым. Основываясь на том, что нарсудами было рассмотрено менее 70 % дел, переданных в июле 1940 г. городскими и районными прокуратурами, К. Болдырев 12 августа писал первому секретарю обкома ВКП(б) Игнатьеву: «Закон от 26.06.1940 г. судебными органами Куйбышевской области исполняется совершенно неудовлетворительно. Уполномоченный

¹² СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 18. Д. 17. Л. 140–141, 151–154, 156; ЦГАСО. Ф. Р-660. Оп. 1. Д. 27. Л. 9.

¹³ ГАНИУО. Ф. 919. Оп. 1. Д. 79. Л. 74.

НКЮ по области тов. Шестаков и председатель областного суда тов. Девяткин не приняли и не принимают должных решительных мер к тому, чтобы устранить беззаконие, допускаемое рядом народных судей, которые иногда судебными приговорами дискредитируют закон, ослабляют борьбу с дезорганизаторами производства, создают недопустимую волокиту с разбором дела»¹⁴. К письму был приложен достаточно большой перечень оправдательных приговоров, которые, по мнению сотрудников облпрокуратуры, были вынесены неосновательно, а также случаи вынесения условного осуждения, которое не было предусмотрено законодательством. Особое опасение у областного прокурора вызывало дальнейшее увеличение сроков рассмотрения дел, которое он связывал с изъятием функций предварительного расследования у прокуратуры¹⁵.

Статистические данные позволяют в определенной степени найти основание словам прокурора Куйбышевской области. Так, в народных судах Куйбышева в июле – августе 1940 г. в срок свыше пяти дней было рассмотрено более 50 % дел, в судах Ульяновска от поступления дела в суд до вынесения приговора проходило более 15 дней¹⁶. Причины сложившейся тенденции несоблюдения сроков рассмотрения уголовных дел 18 августа 1940 г. обосновал в письме обкому ВКП(б) начальник управления Наркомата юстиции по Куйбышевской области: «После издания Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. наркоматы юстиции СССР и РСФСР вместе с Прокуратурой Союза сво-

ими неправильными приказами и массовым потоком телеграмм буквально дезориентировали Управление НКЮ и народные суды, которые, не имея ясной установки, создавали излишнюю процессуальную процедуру, этими самым удлиняя сроки рассмотрения дел»¹⁷. В действительности говорить о каких-либо четких указаниях не приходится. Например, народный судья Майнского района Гаврикова за период с 1 июля по 20 августа 1940 г. рассмотрела 43 дела на нарушителей трудовой дисциплины, в том числе 15 дел находились в суде более 1 месяца. В объяснительной записке она указывала, что самостоятельно не разобралась в сроках рассмотрения дел, а каких-либо конкретных рекомендаций и указаний от управления Наркомата юстиции не получала¹⁸. С другой стороны, ожидать каких-либо разъяснений от областного Управления наркомата юстиции было беспочвенно, так как Верховный суд СССР приступил к обобщению и анализу судебной практики по делам о нарушениях трудовой дисциплины только в августе 1940 г. [14, с. 66–67].

Вероятно, информационный вакуум, затрагивавший народных судей, на территории Среднего Поволжья продлился до середины сентября, так как в материалах управления Наркомата юстиции по Куйбышевской области не удалось выявить какие-либо разъяснительные документы. Этот вывод подтверждает и содержание протокола заседания первичной партийной организации суда и прокуратуры г. Ульяновска от 15 сентября 1940 г. Негодование работников суда вызвал тот факт, что июньское постановление Пленума Верховного суда

¹⁴ СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 18. Д. 17. Л. 198.

¹⁵ Там же. Л. 199–200.

¹⁶ СОГАСПИ. Ф. 714. Оп. 1. Д. 723. Л. 11; ГАНИУО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1886. Л. 70.

¹⁷ СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 18. Д. 17. Л. 210 об.

¹⁸ ГАНИУО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 461. Л. 47 об.

СССР, регламентирующее работу по указу от 26 июня 1940 г., ими было получено лишь в конце августа. Не менее негативно они отреагировали и на поступившее из областного управления Наркомата юстиции указание осуществлять судопроизводство и вынесение приговора заочно. Также они высказались, что поставлены перед дилеммой – либо осуществлять следствие и судебное рассмотрение в установленный законом пятидневный срок, но допускать при этом большое количество брака, либо проводить реальные следственные действия, на которые требовалось не менее 10 суток, но нарушать сроки. В резолютивной части заседание решило ориентироваться на сроки рассмотрения дел, установленные указом, и отказаться от проведения каких-либо следственных действий¹⁹.

Здесь необходимо отметить, что вся тяжесть разъяснительной работы с руководством предприятий и организаций по указу от 26 июня 1940 г. также легла на плечи работников прокуратуры и суда. Скудный по содержанию текст указа, равно и отсутствие, как установлено выше, четких указаний приводили к достаточно некачественному оформлению материалов на нарушителей. Так, на скамье подсудимых оказалась охранник Ульяновского ликеро-водочного завода Н. Находясь на посту 20 июня 1940 г., она была уличена в распитии спиртных напитков. Руководство завода, посчитав, что действия Н. подпадают под нарушение трудовой дисциплины, собранные материалы 28 июня 1940 г. направило в народный суд 2-го участка г. Ульяновска. Последний, не разобравшись в сути дела, приговорил ее к четырем месяцам исправительно-трудовых работ и только спустя месяц отменил приговор²⁰. С другой

стороны, руководство небольших предприятий любыми путями старалось уклониться от принятия решений. Так, руководство станции Мелекесс железной дороги им. В. В. Куйбышева сбор и оформление материалов на прогульщиков возложило на первичную партийную организацию, указав, что это является ее прямой и главной обязанностью. На заводах объединения «Главмука» аналогичная задача была поставлена перед профсоюзной организацией. Тем не менее у руководства малых предприятий имелась еще одна причина избегать направления дел в суд. В июле 1940 г. на предприятиях регистрировалось снижение показателей производства: на Лынокомбинате выработка упала на 21 %, на литейном заводе № 1 – на 55 %. Руководители многих предприятий Мелекесса связали эту тенденцию с уголовным преследованием нарушителей, поэтому уже к началу августа стали затягивать оформление документов на прогульщиков на 10–15 дней с момента регистрации преступления, затем отдали устное указание готовить документы для передачи в суд исключительно на злостных нарушителей. Это негласное решение поддерживали начальники цехов и управленческий аппарат низового звена – именно те люди, на которых в итоге и был возложен контроль за явкой работников на производство. В итоге к концу августа 1940 г. в Мелекессе число уволившихся с работы по собственному желанию вдвое превосходило число лиц, на которых материалы были переданы в суд²¹.

Необходимость в качественной подготовке документов также служила поводом к прекращению реализации указа на предприятиях. Например, руководство суконной фабрики им. В. И. Ленина Барышского

¹⁹ ГАНИУО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1846. Л. 16–17 об.

²⁰ Там же. Д. 1886. Л. 70.

²¹ Там же. Д. 79. Л. 40–46.

района в июле 1940 г. направило в народный суд материалы на 20 прогульщиков, 14 из которых были возвращены судьей с требованием внесения исправлений. В первую декаду августа в суд были переданы материалы еще на 7 чел., и спустя неделю они вновь оказались в отделе кадров фабрики по причине неполноты сведений. После этого случая директор фабрики отдал распоряжение прекратить подготовку документов на нарушителей для передачи в суд и предпочел просто их увольнять. Свое решение он объяснил отсутствием воспитательной роли наказания как таковой. Соответствующее мнение было озвучено и секретарем фабричной парторганизации: «Прогульщики продолжают оставаться безнаказанными, расхаживают других работников, чем способствуют дальнейшему росту опозданий и прогулов»²².

Отсутствие разъяснительной работы, требование соблюдения сроков рассмотрения дел, снижения брака вкупе с некачественным оформлением документов на нарушителей поставили народных судей «между молотом и наковальней». Потому судьи предпочитали выносить оправдательные приговоры при малейшей возможности найти оправдательные факты. Так, народный суд 13-го участка г. Куйбышева в судебном процессе оправдал охранника строительной конторы Куйбышевского стройтреста А., который 29 июня 1940 г. самовольно покинул место работы по причине низкой заработной платы. Оправданием завершился и показательный судебный процесс над работницей толево-рубероидной фабрики Ж., которая, перепутав поезда, опоздала на смену на 10 ч. Суд признал доводы подсудимой законными. Прокурор Молотовского района Колесников, вы-

ступавший на заседании гособвинителем, также счел возможным признать причину прогула уважительной и отказался от обжалования приговора²³. 10 августа 1940 г. в показательном процессе народный суд 2-го участка Мелекесского района рассмотрел дело по обвинению гражданки Н. В ходе заседания было установлено, что она, имея на руках справку от колхоза им. Сталина об отпуске на отходничество, поступила на работу уборщицей на Лынокомбинат. Учитывая, что работа была временной, 28 июня 1940 г. Н. вернулась на работу в колхоз. Суд установил, что Н. была отпущена из колхоза только до начала уборочной кампании и в силу неграмотности не знала нового законодательства о запрещении самовольного оставления места работы. Результатом судебного разбирательства стал оправдательный приговор, что вызвало крайне негативную реакцию Мелекесского горкома ВКП(б)²⁴.

Система заочного рассмотрения дел приводила к большому количеству брака, т. е. неправомерному осуждению невиновных, и это были далеко не единичные случаи. 15 октября 1940 г. прокурор Куйбышевской области Болдырев обратился в Ульяновский горком ВКП(б) с просьбой повлиять на негативную ситуацию с неправомерным осуждением работников крупнейшего в Среднем Поволжье оборонного предприятия – патронного завода имени Володарского. В судебную коллегия Куйбышевского областного суда в течение августа-сентября поступило свыше 90 протестов прокурора Ульяновска на приговоры народных судов и необоснованное направление директором завода материалов о привлечении рабочих к уголовной ответственности за нарушение трудовой дисциплины.

²² ГАНИУО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 274. Л. 60.

²³ СОГАСПИ. Ф. 714. Оп. 1. Д. 723. Л. 21.

²⁴ ГАНИУО. Ф. 919. Оп. 1. Д. 88. Л. 13.

По мнению Болдырева, такая ситуация сложилась из-за распространившейся практики рассмотрения дел в заочном порядке. Например, по материалам дирекции завода была осуждена к четырем месяцам тюремного заключения работница А. Она имела положительную характеристику, работала на заводе в течение пяти лет, не подвергалась взысканиям, воспитывала малолетнего ребенка. Прокурор Ульяновска установил, что муж А. завершил обучение в Ульяновской военной школе командного состава и был переведен на другое место службы, в Казань, в связи с чем А. неоднократно просила руководство завода ее уволить. Получив отказ, А. самовольно покинула работу, за что ее и предали суду. В результате несправедливого осуждения А. вместе с малолетним ребенком свыше одного месяца провела под стражей и была освобождена только по протесту прокурора. 19 августа 1940 г. руководство завода направило в суд 6-го участка материал на якобы самовольно оставившую работу С. Спустя пять дней суд заочно приговорил ее к четырем месяцам лишения свободы, но 9 сентября С. самостоятельно явилась на завод и представила справку из роддома. Аналогичные случаи наблюдались в отношении еще 19 работниц завода. Приговоры были опротестованы прокурором города и отменены судебной коллегией Куйбышевского областного суда. Учитывая массовость нарушений, Болдырев поручил прокурору Ульяновска в срок до 25 октября 1940 г. привлечь к уголовной ответственности лиц, виновных в бюрократизме и формализме²⁵.

К концу осени 1940 г. стало наблюдаться ужесточение карательной политики. Так, если в июле 1940 г. к максимальному сроку исправительно-трудовых работ (6 месяцев) было приговорено 38 % осужденных, то в

ноябре 1940 г. – 78 %. Также к лишению свободы на срок 4 месяца за совершение самовольного ухода были приговорены 40 % осужденных в июле и 82 % – в ноябре. На ужесточении карательной политики настаивали как территориальные партийные комитеты, так и органы прокуратуры. Для сравнения следует отметить, что за 6 месяцев реализации указа надзорная организация подала 95 протестов на необоснованное предание суду и 1 556 протестов на излишнюю мягкость приговоров. Судебная коллегия Куйбышевского областного суда в свою очередь удовлетворила 86 % кассационных жалоб прокуратуры и только 14 % жалоб осужденных. Пик поступления материалов уголовных дел в суды Среднего Поволжья пришелся на август – сентябрь 1940 г. В среднем ежемесячное количество уголовных дел, рассматриваемых в 101 участке, составляло свыше 11,5 тыс. К январю 1941 г. ежемесячное поступление материалов снизилось до 4,1 тыс. Естественно, для проведения расследований и очных заседаний органы юстиции не располагали человеческими ресурсами. Вместе с тем при проведении выборочной проверки заочно рассмотренных судами уголовных производств за период с июля 1940 по февраль 1941 г. работники Куйбышевской областной прокуратуры выявили в 36 % дел случаи фальсификации фактов направления повесток подсудимым. Несомненно, это упрощало проведение процесса, но ощутимого результата не принесло, так как с нарушением сроков, т. е. свыше пяти дней, было рассмотрено 20 % дел²⁶.

В действительности работники судебно-следственных органов столкнулись с более чем шестикратным увеличением объемов работы. Если в 1938–1939 гг. ежегодно народными судами в Среднем Поволжье рас-

²⁵ ГАНИУО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1885. Л. 34–34 об.

²⁶ ЦГАСО. Ф. Р-2972. Оп. 2. Д. 11. Л. 26–27.

смаatrивалось не более 11 тыс. уголовных дел, то за второе полугодие 1940 г. только по указу от 26 июня 1940 г. поступили 37 394 уголовных дела (75,8 % от всех рассмотренных судами уголовных дел). В 10,3 % случаев речь шла о самовольном уходе с производства, что предусматривало реальные сроки лишения свободы. Из общего количества поступивших уголовных дел 11,5 % завершились прекращением судопроизводства за отсутствием состава преступления либо оправдательными приговорами. Однако за необоснованное привлечение к уголовной ответственности перед судом предстали лишь пять руководящих работников, в то время как по причине укрывательства нарушителей – 110²⁷.

В первом полугодии 1941 г. поступление уголовных дел снизилось на 46 % по сравнению с предыдущим периодом. Однако качество материалов, направляемых руководством предприятий и учреждений в судебные инстанции, равно как и распространение заочного разбирательства, осталось на прежнем уровне, что обусловило большое количество брака. Так, из 602 чел., осужденных народными судами Чапаевска за период с января по июнь 1941 г., приговоры были отменены в отношении 121 чел.²⁸

Обсуждение

Ситуация, в которой оказались руководство и работники судебно-следственных органов Среднего Поволжья, не находит отличий от большинства регионов страны. После принятия указа от 26 июня 1940 г. прогул и самовольное оставление места работы стали самым массовым уголовно

наказуемым деянием в СССР. Во втором полугодии 1940 г. за совершение таковых действий было осуждено 2 082 438 чел. (62,5 % от общего числа осужденных), в первом полугодии 1941 г. – 1 030 946 чел. (50,4 %)²⁹. Несмотря на важность предвоенной кампании по закреплению рабочих рук в народном хозяйстве, каких-либо подготовительных мероприятий в отношении модернизации деятельности системы органов суда и прокуратуры проведено не было. Заместитель прокурора СССР Г. Н. Сафонов, основываясь на фактах несоблюдения сроков расследования прочих уголовных преступлений в июле – ноябре 1940 г., сделал вывод о чрезмерной перегрузке народных судов делами по указу от 26 июня 1940 г.³⁰ Действенных мер по улучшению работы органов суда и прокуратуры предпринято не было и впоследствии, о чем свидетельствовало увеличение брака. Так, если с июля по декабрь 1940 г. в масштабах страны количество оправдательных приговоров составило 11,3 %, то с января по май 1941 г. оно увеличилось до 19,3 %³¹.

Заключение

Попытка власти использовать потенциал судебно-следственных органов для поддержания трудовой дисциплины в 1939 – первом полугодии 1940 г. на территории Среднего Поволжья не имела успеха из-за незаинтересованности руководства предприятий и учреждений терять опытные кадры при незначительных нарушениях, с одной стороны, и отсутствии ресурсов у органов прокуратуры для проведения проверочных мероприятий – с другой. Указ от 26 июня 1940 г. создал прецедент шести-

²⁷ СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 19. Д. 30. Л. 41, 42 об.

²⁸ Там же. Оп. 5. Д. 70. Л. 27.

²⁹ ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 4408. Л. 15, 19; Ф. Р-8381. Оп. 37. Д. 31. Л. 5.

³⁰ Там же. Ф. Р-3181. Оп. 37. Д. 348. Л. 82.

³¹ Там же. Ф. Р-8131. Оп. 37. Д. 336. Л. 51.

кратного резкого увеличения количества уголовных дел, которые требовали расследования и рассмотрения в срок не свыше пяти дней. Территориальное управление Наркомата юстиции вместо выстраивания деятельности судебных органов в новых условиях из идеологических мотивов сосредоточилось на увеличении числа показа-

тельных судебных процессов. В то же время результатом необходимости соблюдения сроков стал вынужденный отказ народных судов сначала от предварительного расследования, а затем и от состязательности судебного процесса, что негативно влияло как на качество работы органов юстиции, так и на восприятие судебной власти населением.

Список источников

1. Земсков В. Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. № 6. С. 10–27.
2. Иванов А. А. «Вести решительную борьбу со всеми нарушителями трудовой дисциплины и правил внутреннего трудового распорядка, с прогульщиками, лодырями, рвачами» (о борьбе за дисциплину в предвоенные годы) // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 1. С. 13–15.
3. Кабирова А. Ш. Влияние правовых и социально-экономических факторов на трудовое поведение рабочих в промышленности Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2014. № 3. С. 169–180.
4. Кабуркин А. А. Деятельность судов Ханты-Мансийского автономного округа по укреплению трудовой дисциплины советского общества в начале 1940-х гг. // Вестник Чувашского государственного университета. 2021. № 4. С. 51–58.
5. Кирюшина Т. А. Организация торгового обслуживания в городах и рабочих поселках в 1938 – июне 1941 гг. (по материалам Среднего Поволжья) // Известия ПГПУ им. В. Г. Беллинского. 2012. № 27. С. 706–707.
6. Мамяченков В. Н. Политика советского государства в сфере трудовых отношений в 1940-х начале 1950-х: как заставить людей работать (На материалах Свердловской области) // Научный диалог. 2017. № 4. С. 168–187.
7. Масюк В. И. Трудовое законодательство СССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Кузбасского института. 2015. № 2. С. 155–160.
8. Печерский В. А. Деятельность прокурорских органов Красноярского края в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарный вектор. Серия: История, политология. 2016. № 4. С. 25–34.
9. Пономаренко И. В. Оборонная промышленность «малых городов» Куйбышевской и Ульяновской областей в довоенный период и перевод оборонной индустрии на военный лад в 1941 году // Известия Самарского научного центра РАН. 2014. Т. 16, № 2–3. С. 479–485.
10. Пыхалов И. В. Великий оболганный Вождь. Ложь и правда о Сталине. М.: Яуза-пресс, 2010. 480 с.
11. Романов Р. Е. Советское государство и рабочие Сибири в годы Второй мировой войны: принудительная стратегия социально-трудовой коммуникации // Историко-экономические исследования. 2018. № 3. С. 303–329.
12. Соколов А. К. Принуждение к труду в советской промышленности и его кризис (конец 1930-х – середина 1950-х) // Экономическая история. Ежегодник. 2003. М., 2004. С. 74–99.
13. Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М.: РОССПЭН, 1998. 462 с.
14. Сомов В. А. Потому что была война...: внеэкономические факторы трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Н. Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии гос. службы, 2008. 234 с.
15. Хлевнюк О. В. 26 июня 1940 г.: иллюзии и реальность администрирования // Коммунист. 1989. № 9. С. 86–96.

References

1. Zemskov V. N. GULAG (historical and sociological aspect). *Sociologicheskie issledovaniya* = Sociological research. 1991; 6: 10–27. (In Russ.)
2. Ivanov A. A. “To wage a decisive struggle against all violators of labor discipline and internal labor regulations, with truants, loafers, hoochers” (about the struggle for discipline in the pre-war years). *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015; 1: 13–15. (In Russ.)
3. Kabirova A. S. The influence of legal and socio-economic factors on the labor behavior of workers in the industry of the Tatar ASSR during the Great Patriotic War (1941–1945). *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* = Bulletin of the Leningradsky State University named after A.S. Pushkin. 2014; 3(4): 169–180. (In Russ.)
4. Kaburkin A. A. Activity of the courts of the Khanty-Mansi Autonomous district on strengthening the labor discipline of the Soviet state in the early 1940s. *Vestnik Chuvashskogo Gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of the Chuvash State University. 2021; 4: 51–58. (In Russ.)
5. Kiryushina T. A. Organization of trade services in cities and working settlements in 1938 – June 1941 (based on the materials of the Middle Volga region). *Izvestiya Penzenskogo Gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. G. Belinskogo* = Bulletin of the Penza State Pedagogical University named after V. G. Belinsky. 2012; 27: 706–707. (In Russ.)
6. Mamyachenkov V. N. The policy of the Soviet state in the sphere of labor relations in the 1940s – early 1950s: how to make people work (based on materials of the Sverdlovsk region). *Nauchnyy dialog* = Scientific Dialogue. 2017; 4: 168–187. (In Russ.)
7. Masyuk V. I. Labor legislation of the USSR during the Great Patriotic War. *Vestnik Kuzbasskogo instituta* = Bulletin of the Kuzbass Institute. 2015; 2 (23): 155–160. (In Russ.)
8. Pechersky V. A. Activity of the prosecutor’s bodies of the Krasnoyarsk Territory during the Great Patriotic War. *Gumanitarnyy vektor. Seriya: istoriya, politologiya* = Humanitarian vector. Series: history, political science. 2016; 4 (11): 25–34. (In Russ.)
9. Ponomarenko I. V. The defense industry of “small towns” of the Kuibyshev and Ulyanovsk regions in the pre-war period and the transfer of the defense industry to a military way in 1941. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk* = Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2014; 16. 2–3: 479–485. (In Russ.)
10. Pykhalov I. V. The Great slandered Leader. Lies and the truth about Stalin. Moscow, 2010, 480 p. (In Russ.)
11. Romanov R. E. The Soviet state and the workers of Siberia during the Second World War: a forced strategy of social and labor communication. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya* = Historical and economic research. 2018; 3(19): 303–329. (In Russ.)
12. Sokolov A. K. Forced labor in Soviet industry and its crisis (late 1930s – mid-1950s). *Ekonomicheskaya istoriya. Ezhegodnik. 2003* = Economic History. Yearbook. 2003. Moscow, 2004: 74–99 (In Russ.)
13. Solomon P. Soviet criminal justice under Stalin. Moscow, 1998, 462 p. (In Russ.)
14. Somov V. A. Because there was a war...: non-economic factors of labor motivation during the Great Patriotic War (1941–1945). *Nizhniy Novgorod*, 2008, 234 p. (In Russ.)
15. Khlevnyuk O. V. June 26, 1940: illusions and the reality of administration. *Kommunist* = Communist. 1989; 9: 86–96 (In Russ.)

Поступила 22.06.2022.

Сведения об авторе

Пашкин Андрей Геннадьевич – кандидат исторических наук, директор, Государственный архив новейшей истории Ульяновской области; докторант, кафедра истории, Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова (Ульяновск, Россия).

Сфера научных интересов – история партийных организаций и органов государственной власти советского периода. Автор более 50 научных публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2602-1806>.

E-mail: pashkin.ag@mail.ru

Submitted 22.06.2022.

About the author

Andrey G. Pashkin – Candidate of History, Director, State Archive of the Modern History of the Ulyanovsk Region; Doctoral Student, Department of History, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov (Ulyanovsk, Russia). Research interests: history of the organizations of the CPSU(b) and state authorities of the Soviet period. The author of more than 50 scientific publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2602-1806>.

E-mail: pashkin.ag@mail.ru

Социально-философский анализ коммуникативных преобразований в ракурсе реалий XXI в.

Аннотация

Введение. XXI в., справедливо именуемый эпохой глобального захвата цифрой человечества в мировом масштабе, характеризуется существенными трансформациями в сфере коммуникации. Проблема коммуникативных преобразований неизбежно вызывает становление принципиально другой реальности, репрезентирующей фундаментальность цифрового общества, широчайший размах которого спроецирован как на отдельную личность, так и на весь социум. Ведущую роль в повседневном бытии общества информационных технологий занимает многогранная реализация коммуникативных отношений «индивидуальное – коллективное», предполагающая интенцию субъекта в полярных терминах «свой – чужой». Особый смысл в разворачивании нового типа коммуникации усматривается в движении от понимания отдельного субъекта как части нового предметного мира к пониманию мира как целого. Цель статьи заключается в осмыслении коммуникации и ее приоритетных аспектов под философским углом интерпретации сложных реалий современности, меняющих представление о мире и месте человека в нем.

Материалы и методы. Теоретико-методологической основой исследования выступает социокультурный подход, реализация которого в сочетании с диалектическим методом способствует объективному обоснованию ключевых смыслов коммуникативных преобразований. Важным положением методологической базы исследования являются теории «множественного модерна» (Ш. Эйзенштадт, В. Г. Федотова), обладающие разнообразием способов выражения сегодняшней цивилизации.

Результаты исследования. Выявлены и интерпретированы тенденции медийных реализаций новейшего времени, которые, хотя и побуждают человека к пониманию окружающего мира как совокупности реального и ирреального в каждый отдельный момент исторического витка, но все же до сих пор не поняты в полной мере. Современные реалии не просто ускоряют трансформацию коммуникативного пространства, перетекающего из мира видимого в мир невидимого, из реального в виртуальное, а в значительной мере возлагают важную задачу взаимодействия между ними на самого субъекта происходящих метаморфоз – коллективного субъекта поколения Z. Установлено, что коммуникативные преобразования социокультурных практик отличаются преломлением ценностей, вариативность которых порождает множественность путей вхождения в прогрессивную модель развития социума.

Обсуждение и заключение. Сверхплотность сегодняшних коммуникативных потоков трансформировала привычную коммуникацию к гибридной форме, смешав языки различных видов, где зрительные образы физической реальности трудно отделить от виртуальных образов. Встроенность цифровизации во все сферы жизнедеятельности человека породила не только очередной виток информационного модуса существования мира, но и сразу же выявила противоречивость новой коммуникативной активности. В первую очередь речь идет об оппозиции традиционного и нового, которая придает оппозиции «видимое – невидимое» яркое аксиологическое звучание, стимулирует переосмысление границ между субъектом, машиной и обществом. Сделан вывод о расколе между цифровой культурой и субъектами ее воспроизводства, что может привести к разрушению общества.

Ключевые слова: коммуникация, цифровая культура, социокультурная реальность, «свой – чужой», субъект современных реалий, философская интерпретация, понимание мира.

Для цитирования: Рябова М. Э. Социально-философский анализ коммуникативных преобразований в ракурсе реалий XXI в. // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2022. Т. 22, № 4. С. 402–412. DOI: 10.15507/2078-9823.060.022.202204.402-412.

Marina E. Ryabova

Moscow City University (Moscow, Russia), e-mail: ryabovame@mail.ru

Socio-philosophical Analysis of Communicative Transformations From the Perspective of the Realities of the 21st century

Abstract

Introduction. The 21st century, rightly called the era of global digital capture of mankind on a global scale, is characterized by significant transformations in the field of communication. The problem of communicative transformations inevitably causes the formation of a fundamentally different reality, representing the fundamental nature of the digital society, the widest scope of which is projected both on an individual and on the whole society. The leading role in the everyday life of the information technology society is occupied by the multifaceted implementation of the communicative relations “individual – collective”, suggesting the intention of the subject in polar terms “own or alien”. A special meaning in the deployment of a new type of communication is seen in the movement from understanding a separate subject (as part) of a new objective world to understanding the world as a whole. The purpose of the article is to comprehend communication and its priority aspects from a philosophical angle of interpretation of the complex realities of modernity, which change the idea of the world and the place of a person in it.

Materials and Methods. The theoretical and methodological basis of the study is the sociocultural approach, the implementation of which, in combination with the dialectical method, contributes to the objective substantiation of the key meanings of communicative transformations. An important position of the methodological basis of the study is the theory of “multiple modernity” (Sh. Eisenstadt, V. G. Fedotova), which has a variety of ways to express today’s civilization.

Results. The tendencies of media implementations of the newest time are revealed and interpreted, which, although they encourage a person to understand the world around him as a combination of the real and the unreal at every single moment of the historical turn, but still not fully understood. Modern realities do not just accelerate the transformation of the communicative space flowing from the visible world to the invisible world, from the real to the virtual, but to a large extent assign the important task of interaction between them to the subject of ongoing metamorphoses – the collective subject of Generation Z. It has been established that the communicative transformations of sociocultural practices are distinguished by the refraction of values, the variability of which generates a plurality of ways to enter the progressive model of the development of society.

Discussion and Conclusions. The super-density of today’s communicative streams has transformed habitual communication into a hybrid form, mixing languages of various kinds, where

visual images of physical reality are difficult to separate from virtual images. The embeddedness of digitalization in all spheres of human life gave rise not only to another round of the information mode of the existence of the world, but also immediately revealed the inconsistency of the new communicative activity. First of all, we are talking about the opposition of the traditional and the new, which gives the opposition “visible – invisible” a bright axiological sound, stimulates a rethinking of the boundaries between the subject, machine and society. The conclusion is made about the split between digital culture and the subjects of its reproduction, which can lead to the destruction of society.

Keywords: communication, digital culture, socio-cultural reality, “own – alien”, the subject of modern realities, philosophical interpretation, understanding of the world.

For citation: Ryabova M. E. Socio-philosophical analysis of communicative transformations from the perspective of the realities of the 21st century. *Gumanitarian: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2022; 22(4): 402–412. (In Russ.). DOI: 10.15507/2078-9823.060.022.202204.402-412.

Введение

Сегодняшний мир характеризуется усиленным вниманием к тем фундаментальным процессам, которые, хотя и не существовали чисто в латентном виде, но, безусловно, не имели прежде столь ярких проявлений. Масштабные события последних лет, происходящие в политике и экономике многих стран, миграции, резком нарастании конфликтности, создают коммуникативную среду, категориальный смысл которой фиксируется дихотомией «свой – чужой». Преобразования во всех сферах общества сопровождаются стремительным развитием асимметрии коммуникационного пространства, сочетающего в себе разнонаправленные тенденции, маркирующие реалии современности, заставляя пересматривать устоявшиеся приоритеты. Значимость коммуникации растет и устойчиво позиционируется в социальной реальности, изоморфно преобразуясь в мультимедийном поле нелинейного и непредсказуемого бытия человека. Любые глобальные трансформации вызывают количественные и качественные изменения (в том числе срывы) индивидуального и коллективного субъектов, деятельность которых институционализируется преимущественно коммуникационной составляющей.

Развитие цивилизации ведет к усложнению представлений о мире и неизбежности

смены ведущих трендов. Безусловно, каждая магистраль обладает собственной спецификой, но наблюдается и общая черта, заключающаяся в изменении границ коммуникативного пространства. Новые перспективы социокультурной реальности порождают немало проблем, к которым можно отнести отсутствие единого мнения о сущности коммуникации, ее видов и типов, форм, этапов ее развития; принципах и способов взаимодействия между собой и влияния на личность и общество в целом, и т. д. Ведь, по сути, коммуникация в цифровом обществе есть феномен социокультурной эволюции во многих отношениях иного свойства, чем коммуникация в общепринятом смысле.

Насущный вызов человеческому сообществу – принципиальные отличия коммуникации последних десятилетий и характер ее воздействия на развитие человека – актуализируют заявленную проблематику и представляют ее как многогранную реализацию отношений между полюсами «свой» и «чужой». Особый смысл в разворачивании нового типа активности усматривается в движении от понимания отдельного субъекта как части нового предметного мира к пониманию мира как целого.

Настоятельная необходимость осмысления коммуникативных преобразований под философским углом интерпретации сложных реалий XXI столетия, меняющих

представление о мире и месте человека в нем, составляет основную цель данного исследования.

Обзор литературы

Чтобы очертить контуры современной коммуникации, следует взглянуть на ее прошлые характеристики, которые находились в поле зрения мыслителей и ученых с древних времен. Уже в древнегреческой философии коммуникативный аспект определялся в качестве фундаментального. В частности, Аристотель пишет, что «всякое государство представляет собой общение, всякое же общение организуется ради какого-либо блага (ведь всякая деятельность имеет в виду предполагаемое благо), то, очевидно, все общения стремятся к тому или иному благу» [2, с. 376]. Утверждение Аристотеля направлено на понимание концептуальной значимости коммуникации. Фразу «все общения стремятся к тому или иному благу» нужно понимать именно как создание определенного формата коммуникации, направленного на каждого индивида, т. е. коммуникация стабильно актуализирует благо, добродетель в рамках социальной практики субъекта коллективного опыта. Можно утверждать, что исторический генезис коммуникации тесно связан с другими рациональными и ментально-когнитивными формами мироосвоения, прежде всего с историей искусства, культуры, торговли и рекламы, демонстрируя извечное противостояние «своего» и «чужого».

Отличительным свойством сегодняшней коммуникации является ее визуализация, которая настолько прочно встроилась в бытие всех и каждого, что задает новые алгоритмы познания окружающей социальной реальности. В исследованиях, посвященных значимости визуализации для человека, объясняются его генетически обусловленная близость к визуальным событиям, т. е. к изображению [21, S. 49]. Вначале человек пытался визуализировать зрительные

впечатления. Рисунки пещер свидетельствуют о том, что изобразительная практика является одним из древнейших культурных форм коммуникации человека, стремящегося передать в наскальных образах суть окружающей его реальности. Это визуальное оформление означало значительный шаг в становлении человека как личности. Хотя функции пещерных рисунков однозначно трудно сформулировать корректно, можно предположить, что эти изображения создавались в культовом и магическом контекстах. Визуальное сопровождение гарантировало человеку успех и активировало в его представлениях магические силы. Как утверждает П. Шлук-Верзиг, первые свидетельства графических представлений (контурные рисунки) относятся к верхнему палеолиту (около 30 тыс. лет до н. э.) [21, S. 55]. Центральными темами древней исторической иконографии являются воспроизводство (визуализированные мужчиной и женщиной), и охота (визуализируются лошадью и бизоном). «Из-за их необычайной плавности и тонкости затенения, трудно представить эти изображения грубыми или примитивными. Они являются базовыми, первичными и создаются несложными методами, такими, как смешивание краски во рту и ее нанесение на стену. Тем самым, неровная поверхность стен пещеры придает изображению трехмерность и также включена в произведение искусства» [17, р. 75].

Период применения рисунка в качестве устной формы представления сообщения знаменуется возникновением пиктографического письма. Иконическая форма пиктограмм, передающая предметы визуально, делала их доступными для восприятия людьми, говорящими на разных языках. Как бы ни были просты изображения, в них уже был заложен элемент условности их толкования, что достаточно сильно размывало границы между «своим» и «чужим». Следует согласиться с А. Вильден: «Лю-

бая картина мира располагает собственной геометрией и психологией интерпретации действительности» [24, S. 49]. При этом отчуждение «чужого», преимущественно достраивалось до образа «врага».

С развитием мышления появилась всевозрастающая потребность выразить более сложные смыслы, что привело к возникновению зрительных символов [23]. Сохранение пиктографического письма можно наблюдать и в нынешнее время (изображение знаков дорожного движения, реклама на баннерах и пр.). Пиктография – общедоступный вид письма, идеально приспособленное средство международного общения, претендующее на адекватность понимания преобладающим большинством, невзирая на разность специфики культур и языков.

От этих первичных визуализированных представлений до сегодняшних дней сделан огромный скачок. В результате развития искусства, печати выполненные вручную уникальные наскальные рисунки были заменены визуализированными образами, массово воспроизводимыми средствами коммуникации. Иначе говоря, отдельное сообщение человека было заменено, благодаря техническим средствам, массово тиражируемой информацией, и, соответственно, вербальная коммуникация вытеснилась визуальной доминантой. Известную поговорку «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать» можно подкрепить цитатой П. М. Лестера: «Что-то происходит. Мы становимся визуально-опосредованным обществом. Многие люди воспринимают информацию не при помощи слов, а глядя на изображение» [20, р. 239]. К этой позиции присоединяются психологи (А. Меграбян), указывая, что коммуникация на 93 % является невербальной [9]. Такой вывод тяготеет к эволюционной точке зрения, согласно которой невербальное общение возникло раньше вербального, представляет собой

примитивную коммуникацию, которой наделены и человек, и животные.

Рассматривая социальную реальность как реализацию коммуникативных отношений «индивидуальное-коллективное», всю историю визуальной коммуникации в условиях интенсивной цифровизации можно интерпретировать как историю постепенного сдвига границ между видимым и невидимым, запутывающим мировосприятие, трансформирующим его. По меткому замечанию К. Шваба, технический прогресс меняет «не только то, что и как мы делаем, но и то, кем мы являемся» [16, с. 19].

Публикации последних лет, посвященные коммуникативным исследованиям, можно достаточно четко распределить на две альтернативные группы. Одни выделяют теоретический уровень коммуникативных преобразований [1; 12; 15; 18], а другие рассматривают их в прикладном ключе [4; 5; 22]. Также появилось много критических работ, связанных с коммуникативными аспектами, мотивированными экстраординарными причинами, в которых оказался социум в 2020 г. [7; 19]. Перечень тем, связанных с проблематикой коммуникаций и ее существования в технологическом укладе, бесконечен. В связи с этим представляется, что фокус научных изысканий в сфере коммуникативных преобразований должен быть перенесен к попытке понять, как концептуализируется исходная гипотеза исследования, касающаяся когерентности и детерминированности «своего» и «чужого».

Методы

Сверхплотность визуальных коммуникативных потоков в пространстве современности, смешавшая визуальные языки различных видов, где зрительные образы физической реальности трудно отделить от виртуальных образов, представляет огромную методологическую трудность. Привычных методов описания и анализа оказывается недостаточно для рефлексии

современного визуального континуума. Результатом становится возникновение новых проблем, сущность которых можно выразить оппозицией «видимое – невидимое». Воспринимать и понимать невидимое предполагает склонность к логическому обоснованию нового мироощущения, однако все в тех же полюсах между «своим» и «чужим». Нарастание точек бифуркаций в формирующейся информационной парадигме как коммуникативной реальности актуализировало классический философский метод дуальных оппозиций.

Представления о «чужом» базируются на переплетении осознанного рационального знания и бессознательного, артикулируемого в общекультурных практиках. Основной методологический вопрос в контексте заявленной проблематики хотелось бы обозначить словами К. Поппера: «Какие уроки на будущее можно извлечь из прошлого?» [11, с. 486]. Анализ итогов исторического опыта показывает, что в обществе устойчиво прослеживается запрос на перемены, «преобразования в экономике, социальной и политической сфере, утверждение социальной справедливости». Утверждая это, А. В. Костина подчеркивает, что ориентация на будущее однозначно связана с четким представлением о доминантной идее и цели развития, способах ее достижения [6, с. 52].

Исследование реалий современности потребовало обращения к социокультурному подходу, реализация которого в сочетании с диалектическим методом способствует объективному обоснованию ключевых смыслов коммуникативных преобразований. Расширение спектра проблем, возникающих на фоне меняющихся аксиологических ориентаций, делает очевидной утрату универсальных ценностей, что приводит к неожиданным поведенческим моделям индивидуумов. Погружение в условия гибридного существования, в действительную и цифровую реальность

влечет за собой неопределенность идентификации личности, формирует маргинальные качества, состояние социальной аномии. Для полноты бытия субъект должен являться частью социокультурной системы, его действия должны соответствовать социокультурным практикам, иначе общество перестанет обладать стабильностью. Согласно А. С. Ахиезеру, человек с точки зрения социокультурного подхода есть «общественный субъект и носитель определенной культуры и социальных отношений» [3, с. 58]. Поэтому осмысление механизмов гибридной культуры и ее потенциала в отношениях «индивидуальное – коллективное» выступает базисным методологическим ориентиром, чтобы найти новые смыслы, отражающие восприятие реалий современности.

Важным положением методологической базы исследования являются теории «множественного модерна» (Ш. Эйзенштадт, В. Г. Федотова), обладающие разнообразием способов выражения сегодняшней цивилизации. Согласно Ш. Эйзенштадту, источником современной эпохи «является множество индивидуальных целей и интересов, ведущих к признанию множественных интерпретаций» [18, р. 24]. В. Г. Федотова подчеркивает, что «концепция Ш. Эйзенштадта привела к пониманию того, что имеются различные социокультурные контексты, которые влияют на характер модернизации каждого общества и впадают в достигнутый результат в совокупный итог цивилизации модерна, возникшей первоначально в Западной Европе» [15, с. 230]. Социокультурные характеристики разных обществ широко варьируются. При этом та или иная модель общества является своеобразным способом рефлексии на вызовы времени. В. С. Мартынов подчеркивает, что «успешное развитие Модерна возможно и вопреки культурно-политической гегемонии Европы (европейской цивилизации), будь то примеры Японии, Китая, Индии, «азиатских тигров», ОАЭ

и т. д.» [8, с. 51]. Говоря о множественности современности, следует учитывать характерные черты «культурных программ» (в терминологии Ш. Эйзенштадта). К их числу относится обязательное наличие «чужого», который противопоставляется «своему» во всех смыслах.

Результаты

Понимание того, что коммуникация играет все более главенствующую роль в электронной цивилизации, появилось еще в начале 1970-х гг., когда акцентировалось внимание на перспективе повышения эффективности научной деятельности. Встроенность цифровизации во все сферы жизнедеятельности человека не только породила очередной виток интеграционного модуса существования мира, но и сразу же выявила противоречивость новой коммуникативной активности. Несмотря на то что массовое распространение цифровых технологий осуществляет сам человек, осмысление их сущности происходит по принципу догоняющего понимания. Коллективный субъект обладает определенными координатами настоящего, которые задают параметры будущего. Реальная действительность и ее бесчисленные виртуальные отражения причудливо переплетаются в непрерывно дополняемой реальности, создавая иллюзию масштабного пространства новой, совершенно другой жизни. В подобном искаженном коммуникативном поле формируются точки сбоя, которые влияют на мышление и поведение человека. Человек совершает ошибку за ошибкой, оказываясь в плену собственных заблуждений, забывая, что его бытие есть не просто бытие «своих» среди «Других», но и бытие среди «Чужих», несущее в себе значительную коммуникационную нагрузку, закладывающую сегодня противоречие между ее внутренними и внешними проявлениями в ближайшем будущем. Диалектика этого противоречия определяется уже созревшими тенденциями медийных реализаций но-

вого типа, оставляя за кадром формирующиеся. Анализ этого вопроса, включая точки сбоя, практически сводится к известной схеме «новое – старое».

Во-первых, следует констатировать максимальную ощутимость разворачивающейся динамической целостности коммуникативных процессов, цель которых – выполнение определенной функции в изменившихся условиях. Однако в массовом сознании еще не наступил качественный перелом в отношении к инструментализму электронной коммуникации. Утилитарный мир вещей, имманентный привычной реальности, пытается найти прибежище в жизни новых реалий, однако неизбежно выходит за пределы предметного мира. Факт увеличения информации и интенсификации коммуникации и, что немаловажно, доступности коммуникации каждому субъекту, очевиден, а вот ее качество, смысловое содержание начинает работать иначе. Зададимся вопросом: если вполне бесспорно увеличение информационных объемов и скорость доставки информационных материалов невиданно велика, зависимость от расстояния и территориального расположения нивелирована, то как сказалось это на общем уровне образованности? Особых прорывов не ощущается. Учитывая, что сетевые технологии предлагают избыточную информацию любого содержания, которая соответствует вкусам и предпочтениям субъекта, степень доверия к ее достоверности снижается. К большинству вопросов можно найти противоречивые ответы на любой вкус. Сказанное ведет не только к обесцениванию смысловой составляющей коммуникации, но и к снижению качества работы с информацией. Не так давно для поиска необходимых сведений индивид физически перемещался в библиотеки, каталоги и т. д., выполняя определенную деятельность, отбирая и выискивая нужные сведения. Сейчас любую информацию можно получить,

не прикладывая усилий, что ведет к утрате навыков работы с информацией. Примеров коммуникационных парадоксов можно приводить множество, однако обобщенно суть их можно свести к выводу, что субъект, осуществляя деятельность в коммуникативном пространстве, переносит привычные навыки общения из классической физической реальности на виртуальную, не задумываясь, что полученные данные могут быть ложными, недостоверными и ориентированы на предпочтения коммуниканта. Сетевая коммуникация, построенная на искусственном интеллекте, схватывает интересы субъекта и под них подбирает и даже интерпретирует информацию. В литературе уже отмечалось, что «возрастающая роль визуальной коммуникации в восприятии мира на всех уровнях ведет к новому типу личности» [13, с. 10].

Во-вторых, отталкиваясь от тривиального понимания электронной коммуникации как некоего информационного средства, ускоряющего передачу содержания, коллективный субъект непрерывно подвергает пересмотру то, что подразумевается под коммуникацией. Этот вывод подкрепляется утилитарным рассмотрением коммуникации как пространства для переплетения и конструирования сущностей, трансформирующих большую часть жизненного опыта человека, в частности практикуемого в период COVID-19 в форме изоляции, заставляя пересмотреть свои экзистенциальные стратегии и ценностные иерархии. Существовавшие ранее и воспринимавшиеся как основополагающие качества коммуникации перестают работать, предъявляя требования к пониманию новых условий бытия. С погружением в виртуальное общение с субъектами сформированной искусственным интеллектом медиасреды, редуцирующими «живую» коммуникацию с реальными «чужими» к нулю, происходит перестраивание «своего» на основе новых практик. Пере-

живание бытия, проживание в коммуникативной активности, отвечающей на вызовы времени, ведет к изменению субъекта. Тем самым взаимодействие замкнутого в своей национальной культуре субъекта с миром оказывается двунаправленным процессом.

В-третьих, пересмотр ценностей обострил новое мироощущение, когда в деятельности коллективного субъекта спонтанно обнаруживаются незапланированные (неподконтрольные) результаты. Современные реалии играют существенную роль в ускоренной трансформации коммуникативного пространства, перетекающего из мира видимого в мир невидимого, из реального в виртуальное, возлагая важную задачу взаимодействия между ними на субъекта происходящих метаморфоз – коллективного субъекта поколения Z.

Обсуждение и заключение

В цифровой реальности субъекты оппозиции «свой – чужой» столь разномыслны, что порождают множество ментальных идентичностей. В литературе отмечается, что «две или несколько различных картин мира, систем ценностей становятся представлены синхронно» [14, с. 92]. Многополярный дигитализированный социум – это реальность особого типа, которая одновременно находится и вокруг субъекта, и внутри него, и между субъектами. В рамках социальных взаимодействий человек подвергается дополнительной нагрузке, затрагивающей ментальные, психологические, социокультурные и другие аспекты.

Шаг за шагом определялись новые пределы «приемлемой визуализации», обнаруживая все большую связь этого понятия с актуальными коммуникативными практиками. Тотальная визуализация привела к развитию визуальной культуры, в основу которой заложены отношения человека с невидимым. Сегодня индивид пользуется возможностями и преимуществами проникновения визуального во все те области, которые еще вчера

составляли территорию невидимого. Например, в диснеевской классике «Красавица и Чудовище» один из героев, Гастон, высмеивает привычки Белль к чтению. Он спрашивает, как она может прочесть то, к чему нет фотографий. В ответ следует, что некоторые люди используют воображение. Приведенный пример иллюстрирует, что для многих понимание мира достигается не вербальной коммуникацией, а путем чтения изображений. Тем самым визуальная культура заменяет слова, что следует рассматривать в качестве важного фактора современности.

Ключевой чертой сегодняшнего мира становится дуальность традиционного и нового, которая придает оппозиции «видимое – невидимое» яркое аксиологическое звучание, наполняя противопоставление «свой – чужой» новыми смыслами. Преимущество видимого связано с тем, что бытие по существу является визуальным. Однако еще М. Мерло-Понти обращал внимание [10, с. 123], что приоритет видимого по отношению к другим модусам восприятия остается непроясненным и сомнительным. Имея в виду эту сложность, выделим лишь то, что обе стороны оппозиции тесно связаны между собой как единое целое потому, что в их основе лежат принципы повтора и возвратного движения, что скрепляет и объединяет их между собой. Например, если один субъект обращается к другому вербально, то общение происходит в системе «свой – чужой», в которой этот другой субъект, как правило, сопровождает ответное послание и по визуальному каналу либо с помощью мимики, жестов, смайликов и т. д. При этом обратная связь может быть одновременной, создавая качественно иной тип коммуникации. Тем самым можно сде-

лать вывод, что видимое и невидимое – это условность, что между ними зыбкая амбивалентная грань, которая при определенных условиях переводит одну сторону в другую и наоборот. Несомненно, существование полюсов видимого и невидимого взаимодополняет друг друга. Схватывая визуальную коммуникацию, они коррелируют друг с другом и переопределяют свою субстанциальность, а потому включены в состав современности в равной мере. Следовательно, противопоставление «видимое – невидимое» в динамике опыта коллективного субъекта производно от оппозиции «свой – чужой» и отражает изменения, происходящие в обществе. Создание образов будущего, в котором происходят коммуникативные преобразования, превратилось в реальность сегодняшнего дня.

Сказанное позволяет сделать следующие выводы. Жизнь человека наполнена отношениями с миром, включающими большой спектр направлений, от общекультурных закономерностей естественного до аксиологических оснований искусственного. Понимание окружающего мира как совокупности реального и ирреального в каждый момент времени побуждает человека осмыслять его как бы заново, раскрывая то общее и особенное, смысловая нагрузка которого представляется чрезвычайно важной в осуществлении взаимопонимания между «своим» и «чужим». Очевидно, что преобразования, привнесенные цифровой коммуникацией, оказывают неоднозначное влияние на бытие человека, погружая его в состояние нестабильности, нарушая тем самым традиционную картину мира, перестраивая ее. Множественность выбора дезорганизует самореализацию субъекта, делая его уязвимым.

Список источников

1. Аллард Э. Сомнительные достоинства концепции модернизации // Социологические исследования. 2002. № 9. С. 60–66.
2. Аристотель. Политика // Аристотель. Собрание сочинений: в 4 т. М., 1983. Т. 4. С. 376–644.
3. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. Т. 1. 804 с.

4. *Исхаков А. Ф., Китова Е. Т.* Влияние научно-технического прогресса на общество // Непрерывное профессиональное образование: теория и практика. Новосибирск, 2020. С. 137–141.
5. *Конева А. В., Лисенкова А. А.* Матрица идентичности в цифровую эпоху: социальные вызовы преодоления анонимности // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2019. № 35. С. 14–28.
6. *Костина А. В.* Идея прогресса и образ будущего: трансформации в условиях пандемии // Знание. Понимание. Умение. 2021. № 3. С. 45–57.
7. *Марков Б. В.* Человек и общество в цифровую эпоху // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 143–148. DOI: 10.18500/1819-7671-2020-20-2-143-148.
8. *Мартыанов В. С.* Один модерн или «множество»? // Полис. Политические исследования. 2010. № 6. С. 41–53.
9. *Меграбян А.* Психодиагностика невербального поведения. СПб.: Речь, 2001. 256 с.
10. *Мерло-Понти М.* Видимое и невидимое / пер. с фр. О. Н. Шпарага. Минск: Логвинов, 2006. 400 с.
11. *Поппер К.* Открытое общество и его враги. В 2 т. Т. 2. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. М.: Феникс; Междунар. фонд «Культурная инициатива», 1992. 528 с.
12. *Пржиленская И. Б.* Информационное общество и социальная модернизация // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2006. № 4. С. 22–29.
13. *Рябова М. Э.* Визуальная коммуникация в социокультурной реальности интернета // Современная коммуникативистика. 2019. Т. 8, № 6. С. 9–13.
14. *Таратута Е. Е.* Философия виртуальной реальности. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 147 с.
15. *Федотова В. Г.* Роль модернизации в цивилизационном проекте для России // Вопросы социальной теории. 2020. Т. 12. С. 222–236.
16. *Шваб К.* Четвертая промышленная революция / пер. с англ.; под ред. А. Меркурьевой. М.: Эксмо, 2016. 208 с.
17. *Barry A. M.* Visual Intelligence. Perception, Image, and Manipulation in Visual Communication. Albany/NY: State University of New York Press, 1997. 440 p.
18. *Eisenstad S. N.* Multiple Modernities // Daedalus: Winter. 2000. Vol. 129, No. 1. P. 1–29.
19. *Kaur N., Bhat M. S.* The Face of Education and the Faceless Teacher Post COVID-19 // Journal of Humanities and Social Sciences Research. 2020. No. 2. P. 39–48. DOI: 10.37534/bp.jhssr.2020.v2.nS.id1030.p39.
20. *Lester P. M.* Visual Communication Images with Messages. 4th Ed. Belmont, CA: Wadsworth Publishing Company, 2006. 450 p.
21. *Schuck-Wersig P.* Expeditionen zum Bild. Beiträge zur Analyse des kulturellen Stellenwerts von Bildern. Frankfurt/Main [u. a]: Peter Lang, 1993. 247 S.
22. *Tomasello M.* The Role of Roles in Uniquely Human Cognition and Sociality // Journal for the Theory of Social Behavior. 2020. Vol. 50. P. 2–19.
23. *Werner H., Kaplan B.* Symbol formation: An organismic development approach to language and the expression of thought. New York: Wiley, 1963. 530 p.
24. *Wilden A.* Die Konstruktion von Fremdheit. Eine interaktionistisch-konstruktivistische Perspektive. Münster: Waxmann Publishing, 2013. 300 S.

References

1. *Allardt E.* The questionable merits of the modernization concept. *Sociologicheskie issledovaniya* = Sociological research. 2002; 9: 60–66. (In Russ.)
2. *Aristotel'.* Politics. Moscow, 1983; 4: 376–644. (In Russ.)
3. *Ahizeer A. S.* Russia: Criticism of Historical Experience. Novosibirsk, 1997, 804 p. (In Russ.)
4. *Iskhakov A. F., Kitova E. T.* The impact of scientific and technological progress on society. *Nepreryvnoe professional'noe obrazovanie: teoriya i praktika* = Continuing Professional Education: Theory and Practice. Novosibirsk, 2020: 137–141. (In Russ.)
5. *Koneva A., Lisenkova A.* Identity matrix in the digital age: social challenges to Overcome the anonymity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye* = Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History. 2019; 35: 14–28. (In Russ.)

6. *Kostina A.* The idea of progress and the vision of the future: Transformations under the conditions of the pandemic. *Znanie. Ponimanie Umenie* = Owledge. Understanding. Skill. 2021; 3: 45–57. (In Russ.)
7. *Markov B. V.* A Man and Society in the Digital Age. *Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Filosofija. Psihologija. Pedagogika* = *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy.* 2020; 20, iss. 2: 143–148. DOI: 10.18500/1819-7671-2020-20-2-143-148. (In Russ.)
8. *Mart'janov V. S.* One modern or “many”? *Polis. Politicheskie issledovanija* = *Polis. Political Studies.* 2010; 6: 41–53. (In Russ.)
9. *Megrabjan A.* Psychodiagnostics of non-verbal behavior. Saint Petersburg, 2001, 256 p. (In Russ.)
10. *Merleau-Ponty M.* Visible and invisible, transl. from French by O. N. Shparaga. Minsk, 2006, 400 p. (In Russ.)
11. *Popper K.* The open society and its enemies. Moscow, 1992: 528. (In Russ.)
12. *Przhilenskaja I. B.* Information society and social modernization. *Gumanitarnye i social'no-jeconomicheskie nauki* = *Humanities and socio-economic sciences.* 2006; 4(44): 22–29. (In Russ.)
13. *Ryabova M. E.* Visual Communication in the Socio-Cultural Reality of the Internet. *Sovremennaja kommunikativistika* = *Modern communication science.* 2019; 8; 6: 9–13. (In Russ.)
14. *Taratuta E. E.* Philosophy of virtual reality. Saint Petersburg, 2007, 147 p. (In Russ.)
15. *Fedotova V. G.* The Role of Modernization in the Civilizational Project for Russia. *Voprosy social'noj teorii* = *Questions of social theory.* 2020; XII: 222–236. (In Russ.)
16. *Shvab K.* Fourth industrial revolution. Moscow, 2016: 208. (In Russ.)
17. *Barry A. M.* Visual Intelligence. Perception, Image, and Manipulation in Visual Communication. Albany/NY: State University of New York Press, 1997, 440 p. (In Eng.)
18. *Eisenstad S. N.* Multiple Modernities. *Daedalus: Winter.* 2000; Vol. 129; 1: 1–29. (In Eng.)
19. *Kaur N., Bhat M. S.* The Face of Education and the Faceless Teacher Post COVID-19. *Journal of Humanities and Social Sciences Research.* 2020; 2: 39–48. DOI: 10.37534/bp.jhssr.2020.v2.nS.id1030.p39 (In Eng.)
20. *Lester P. M.* Visual Communication Images with Messages. 4th ed. Belmont, CA, 2006, 450 p. (In Eng.)
21. *Schuck-Wersig P.* Expeditionen zum Bild. Beiträge zur Analyse des kulturellen Stellenwerts von Bildern. Frankfurt/Main [u. a], 1993, 247 p. (In Germ.)
22. *Tomasello M.* The Role of Roles in Uniquely Human Cognition and Sociality. *Journal for the Theory of Social Behavior.* 2020; Vol. 50: 2–19. (In Eng.)
23. *Werner H., Kaplan B.* Symbol formation: An organismic development approach to language and the expression of thought. *N. Y., 1963,* 530 p. (In Eng.)
24. *Wilden A.* Die Konstruktion von Fremdheit& eine interaktionistisch-konstruktivistische Perspektive. Münster, 2013, 300 p. (In Germ.)

Поступила 18.05.2022.

Сведения об авторе

Рябова Марина Эдуардовна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры германистики и лингводидактики. «Московский городской педагогический университет (Москва, Россия). ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8728-3629>; Researcher ID WoS P-4104-2015. Scopus Author ID: 57202190324. eLibrary SPIN-код: 3234-1749.

E-mail: ryabovame@mail.ru

Submitted 18.05.2022.

About the author

Maina E. Ryabova – Doctor of Philosophy, Full Professor, Department of German Studies and Linguistic Didactics, Moscow City University (Moscow, Russia). ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8728-3629>. Researcher ID WoS P-4104-2015. Scopus Author ID: 57202190324. eLibrary SPIN-код 3234-1749.

E-mail: ryabovame@mail.ru

Э. В. Дарчинов*Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова (Казань, Россия),
e-mail: darchinovev@ieml.ru*

О некоторых аспектах безнравственности в бытии электронного кочевника

Аннотация

Введение. Объектом исследования выступает электронный кочевник. Многие аспекты его жизни носят безнравственный характер, не замечаемый им. Цель статьи заключается в исследовании нравственного аспекта в бытии электронного кочевника.

Материалы и методы. Методом исследования является аналитический. Он позволяет глубже понять рассматриваемую проблему в контексте современных трансформаций цифрового общества.

Результаты исследования. Показано, что кочевник одинок и нередко этому способствует отсутствие навыка коммуникации, но он не способен признать себе в этом, прячась за контактами в социальных сетях. Позиционирование себя посредством мифодизайна в виртуальной среде, избыточность информации и контактов приводят к отчужденности, лживости и лицемерию. Отсутствие рефлексивного и критического восприятия происходящего позволяет манипулировать электронным кочевником. Исследование проблемы позволило заключить, что электронный кочевник оказывается безнравственным в первую очередь по отношению к себе. Конструируя несуществующее, он вносит раскол в свое бытие.

Обсуждение и заключение. Перечисленное актуализирует внедрение норм нравственности в электронную среду и следование им. Но для этого кочевник должен признать собственную безнравственность в отношении себя и позаботиться о минимализации лжи в своем бытии. Предлагаемые положения и выводы создают предпосылки для дальнейшего изучения феномена электронного кочевничества для решения экзистенциальных проблем электронного кочевника и избегания индивидуального кризиса.

Ключевые слова: этика, высокие технологии, социальные сети, электронный кочевник, нómád, мифодизайн, безнравственность, ложь, лицемерие, инновационный продукт.

Для цитирования: Дарчинов Э. В. О некоторых аспектах безнравственности в бытии электронного кочевника // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2022. Т. 22, № 4. С. 413–421. DOI: 10.15507/2078-9823.060.022.202204.413-421.

Edgar V. Darchinov*Kazan Innovation University named after V. G. Timiryasova (Kazan, Russia),
e-mail: darchinovev@ieml.ru*

On Some Aspects of Immorality in the Life of an Electronic Nomad

Abstract

Introduction. The object of the research is the electronic nomad. Many aspects of his life are immoral in nature, which he does not notice. The purpose of the article is to study the moral aspect of being an electronic nomad.

Materials and Methods. The research method is the analytical method. It allows a deeper understanding of the problem under consideration in the context of modern transformations of the digital society.

© Дарчинов Э. В., 2022

Research Results. It is shown that the nomad is lonely and often this is facilitated by the lack of communication skills, but he is not able to admit this to himself, hiding behind contacts on social networks. Positioning oneself through myth-design in a virtual environment, redundancy of information and contacts lead to alienation, deceit and hypocrisy. The lack of reflective and critical perception of what is happening allows you to manipulate the electronic nomad. The study of the problem made it possible to conclude that the electronic nomad turns out to be immoral in the first place in relation to himself. By constructing something that does not exist, he introduces a split in his being.

Discussion and Conclusion. The listed above actualizes the introduction of moral norms into the electronic environment and adherence to them. But for this, the nomad must admit his own immorality in relation to himself and take care of minimizing lies in his being. The proposed provisions and conclusions create the prerequisites for further studying the phenomenon of electronic nomadism in order to solve the existential problems of an electronic nomad and avoid an individual crisis.

Keywords: ethics, high technologies, social networks, electronic nomad, nomad, myth design, immorality, lies, hypocrisy, innovative product.

For citation: Darchinov E. V. On some aspects of immorality in the life of an electronic nomad. *Gumanitarian: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2022; 22(4): 413–421. (In Russ.). DOI: 10.15507/2078-9823.060.022.202204.413-421.

Введение

Этические отношения подразумевают определенные правила поведения людей, что особенно важно при взаимодействии внутри социальных групп. Человек может следовать нравственным правилам либо нарушать их, объясняя свое поведение несоответствием этических норм с его мировоззренческой позицией. В современности развитие высоких технологий актуализирует некоторые этические проблемы и вопросы. Анализ работ, затрагивающих проблему этики цифрового общества, показал: сегодня происходят интенсивные трансформации в области нравственности (Р. Каппуро (Германия) [9], Й. Беккер (Австрия/Германия) [1], Ж.-П. Дюпюи (Франция) [6], А. Х. Эйвазов [23], Т. В. Яровава и Д. Ю. Сидяков [28], Н. А. Личак [13]). Они отражаются в бытии общества, социальных групп и конкретного индивида (М. А. Большаков [3], М. Г. Бреслер [4], Л. В. Занина [8], Н. А. Личак [13], В. В. Кашин [11], Ю. В. Назарова [16]) и личности (О. В. Труфанова [20], Е. П. Каргаполов [10], Е. Л. Яковлева, Э. В. Дарчинов [27],

Я. Кэмпбелл [12]). В связи с этим целью исследования является нравственный аспект в бытии электронного кочевника. Для достижения цели необходимо решить следующие задачи: охарактеризовать специфику бытия современного электронного кочевника и выявить в нем безнравственные аспекты.

Материалы и методы

Методом исследования избран аналитический, так как он позволяет понять и оценить причины, лежащие в основе электронного кочевничества, которое быстрыми темпами развивается в век высоких технологий. Статьи для анализа отбирались в Научной электронной библиотеке Elibrary.ru на основе поисковой выдачи по запросам: «этика высоких технологий», «нравственность», «цифровизация», «пандемия», «цифровой кочевник».

Результаты исследования

При выборе ключевого слова «этика» в Elibrary.ru Российский индекс научного цитирования предлагает 2 383 словосочетания и слова. Среди них можно найти такие, как «цифровая этика учителя», «этика техники», «этика цифры», «этика электронной

бюрократии», «этика пропаганды», «этика новой жизни», «этика компьютерная», «этика высоких технологий» и др. Если искать статьи с ключевым словом «этика высоких технологий», то можно найти довольно интересные исследования.

Так, по мнению И. В. Пустоваловой, этические принципы могут помочь в решении проблем воздействия высоких технологий на жизнь человека. При этом они могут обладать как конструктивным, так и деструктивным потенциалом [19]. В. А. Поликарпова и Е. В. Поликарпова актуализируют вопрос разработки этических норм для цифрового общества [18]. Они пишут, что «одним из фундаментальных вызовов наступившего столетия являются проблемы, порожденные неоднозначным, зачастую двойственным характером социокультурных последствий применения на практике достижений новейших технологий» [18, с. 3]. Также подчеркивают, что «успехи новейших технологий» требуют создания новой «этической теории, адекватной динамике развивающегося общества знания» [18, с. 90].

В свою очередь Е. Л. Яковлева объясняет появление новой формы идентичности – электронного кочевника. Он оказывается продуктом века высоких технологий, массовой компьютеризации культуры и манипуляционного воздействия современных медиа. Перечисленное приводит к «все большему пребыванию индивида в информационно-виртуальном мире» [24]. Рассматривая влияние медиасферы на личность, Е. Л. Яковлева приходит к выводам, имеющим этическое измерение. Электронный кочевник постепенно и незаметно для себя теряет смысл жизни, перестает различать реальность действительную и виртуальную, что становится источником его непредсказуемых проявлений, в том числе аморального характера [24].

Аморальный аспект существования сегодня оказывается наглядным и даже ти-

ражируемым, что признается в качестве нормы в современности. Дело в том, что электронные кочевники предпочитают выставлять значительные/незначительные эпизоды собственной жизни в социальных сетях. Данная тенденция относится к числу актуальных и модных. Но что скрывается за подобным демонстративным тиражированием? Реальна или иллюзорна привлекательность жизни, которую показывает кочевник в социальных сетях?

Электронные кочевники перемещаются в виртуальных/реальных пространствах, меняя образ жизни и работу, но довольно часто остаются одинокими. Нередко кочевники не успевают заводить друзей и/или не умеют коммуницировать. При этом кочевник не желает сознавать себе в одиночестве, пытаясь убежать от проблемы. Компенсацией данному факту является их номадизм, позволяющий в социальных сетях присоединиться к разнообразным сообществам. Человеку свойственно принадлежать к какой-либо социальной группе, где он чувствует себя в безопасности. Опроблемей цифровых сообществ С. А. Мельков, М. В. Салтыкова, А. Ю. Лябах пишут: «В цифровом обществе формируются новые социальные группы» [15]. Сегодня можно выделить множество групп электронных кочевников и среди них сообщества, которые помогают наладить связи и найти поддержку (по гендерным/национальным/конфессиональным/профессиональным и прочим признакам), обрести наставника, выбрать работу (например, Global Digital Nomad Network), коворкинг (например, Nomad Cruise and Homebase Global), по месту нахождения (в Будапеште – Budapest Digital Nomads, на Бали – Digital Nomads Bali, в Испании – Digital Nomads Spain и др. [5]). Общение в данных группах оказывается нередко анонимным, дистанционным, отчужденным, что не решает проблему одиночества кочевника. Его иллюзия

относительно дружбы оказывается ложью, в первую очередь по отношению к себе.

Усугубляет ситуацию безнравственной лжи и еще один фактор. Особую роль при позиционировании себя в сообществе кочевников играет мифодизайн. Данная техника, основанная на конструировании мифов, искажает бытие и личность кочевника, что является показателем нездоровых отношений к себе и другим. Электронные кочевники являются жертвами собственных мифов о привилегированности своего положения. Электронный кочевник посредством мифодизайна создает нового улучшенного себя, демонстрируя результат в Сети. Подчеркнем, возник даже неологизм, созданный из двух слов – «хвастовство» и Instagram¹, – хвастограмма. При этом кочевник превращает себя в товар, режиссируя несуществующие эпизоды жизни и собственный образ, считая, что данная техника поможет его продвижению в социокультурном пространстве. Кочевник как сценарист увлекает себя в фантазмагорию, жертвой которой оказывается он сам [2, с. 121]. Е. Л. Яковлева в статье «К проблеме фрагментарности бытия электронного кочевника» справедливо подчеркивает, что «техника мифодизайна, к которой прибегает электронный кочевник при позиционировании себя в социальных сетях» приводит к фрагментарности бытия, разбивая его цельность [25]. Миф создает иллюзию успешности, являющуюся ложью. Электронный кочевник буквально похищает у себя действительность и искажает идентичность. Кочевник посредством мифодизайна способен сконструировать любой образ и ситуацию, оказываясь жертвой чрезмерной инаковости (Ж. Бодрийяр) [2]. Перечисленное обнажает его одиночество и свидетельствует о неумении коммуницировать.

Вследствие распространения техники мифодизайна в сообществах электронных кочевников появляются новые критерии измерения успешности в соцсетях. Они связаны с количеством подписчиков, просмотров и лайков. Но данные просмотры поверхностны и нередко носят характер взаимного лицемерия, что также указывает на их безнравственный характер. Огромное количество социальных платформ и личных страничек кочевников современности приводит к «избыточности восприятия» и «вызывает привыкание, а привыкание ведет к зависимости, к визуальной булимии и в конечном итоге к “перееданию” визуальной информации» [14, с. 78]. Данное «переедание» влечет за собой условную вовлеченность кочевника в процесс коммуникации, позволяя ему осуществлять френдинг (добавление в «друзья») и оставлять жест «лайк». Это поверхностно-отчужденное выражение симпатии без непосредственного контакта и эмоций, без критического отношения к ситуации и объяснений своего жеста. Парадоксально, но «лайки создают взгляд, который может ранить лишь своим отсутствием» [14, с. 259].

Иллюзия коммуницирования кочевника в социальных сетях делает его отчужденным. Он начинает скользить взглядом по образам и информации, не вникая в суть: «экранная фактичность актуального не приводит к осознанности» [14, с. 81]. Жизнь начинает протекать в выключенном формате, без осознания происходящего. Заметим, у электронного кочевника нет иного выбора. Он оказывается рабом технических устройств, превращая себя на социальных страницах из субъекта в товар и не понимая собственной аморальности. Характеризуя электронного кочевника как кибернетического человека, Э. Фромм подчеркивает: «Он живет в таком отчужденном состоя-

¹ Деятельность Meta (соцсети Facebook и Instagram) запрещена в России как экстремистская.

нии, что он и тело-то свое собственное воспринимает исключительно как инструмент (средство) для достижения успеха» [21, с. 481].

Электронные кочевники игнорируют реальную жизнь и проводят большую часть времени в виртуальном мире. Социальные сети как цифровые монстры, хранящие базы больших данных, становятся складом личной информации, контактов, документов, фотографий и многого другого, делая пользователей зависимыми от них. По мнению Е. Л. Яковлевой, профили пользователей соцсетей являются видом «современного дневника, в котором утрачивается интимность и рефлексивность. На первый план выводятся мифичность, дизайнерская постановочность и эмоциональность, приобретающие без интеллектуального компонента поверхностный характер» [25]. Перечисленное приводит к кризису экзистенциального бытия кочевника. Подтверждает данную мысль журналист из Великобритании К. Пайн. Он пишет, что люди, работая в Кремниевой долине, часто выгорают на работе, у многих развивается депрессия. Основная причина заключается в бесконечности «рабочего дня и культуры, которая не подразумевает свободного времени на семью или обычный отдых» [17].

О том, что цифровые номады все время живут в режиме онлайн, «при любой возможности сбега из реальности в виртуальность» и постепенно «отчуждаясь от происходящего в реальности», пишет и философ Е. Л. Яковлева. Как и предыдущий автор, она подчеркивает, что жизнь или работа в интернете способствуют «рассеянности внимания и хронической усталости», что в свою очередь приводит к тому, что электронный кочевник становится «объектом всевозможных манипуляций, в том числе со стороны социальных сетей. Копируя в жизни увиденные в социальных сетях сегменты, кочевник начинает продуцировать

подобные. Проводя большую часть времени в социальных сетях, кочевник буквально теряет самого себя» [25]. Данная потеря себя – показатель патологии современного общества, в котором люди оказываются безнравственными, в первую очередь по отношению к себе. Но ввиду прозрачности зла (Ж. Бодрийяр), олицетворяемого функционированием в электронных сетях, данная аморальность оказывается незамечаемой, воспринимаясь в качестве нормы. Таков парадокс современного общества, живущего под знаком цифры.

Безусловно, социальные сети облегчают людям жизнь, решая множество проблем и вопросов (например, инклюзивным и одиноким людям помогают в их жизнедеятельности, специалистам – в осуществлении рабочего процесса, учащимся/студентам – в получении образования, женщинам – в нахождении советов по ведению домашнего хозяйства, воспитанию детей и т. д.). Однако следует задуматься и о последствиях, в том числе этического характера, которые вызывают гиганты медиасферы. Человечество в скором будущем может забыть о приватности, а кочевник потеряет индивидуальность. На это указывает американский исследователь Т. Хофманн, который утверждает, что в цифровую эпоху сильно изменяется представление о неприкосновенности частной жизни [22]. У пользователей соцсетей часто нарушается конфиденциальность, они могут стать объектами хейтерских атак, у них могут скопировать и использовать текст под другим авторством и т. д.

Кроме того, что размывается личное пространство электронного кочевника и он перестает быть неприкосновенным, у него появляется зависимость от технологических инновационных продуктов или услуг. Е. Л. Яковлева в статье «Электронный кочевник как трансформированный фаустовский тип личности» подчеркивает:

«Кочевник, стремясь воплотить волю к власти, оказывается пленником техноновинок и виртуальной среды» [26].

Проблемную ситуацию усугубляет постепенное превращение человека в определенное подобие робота. Возможно, такие гигантские социальные сети, как Facebook², стремятся создать сообщества людей – электронных кочевников, похожих на роботов. «В виртуальной среде кочевник функционирует в техном мире, в котором отсутствует жизнь и ее импульсы» [26]. Не случайно В. Елкина предупреждает, что в скором будущем человек сможет «подключить к своему мозгу миниатюрную версию Google» [7]. Подобным кочевником, лишенным самостоятельности и самодостаточности, становится легко управлять, в том числе в соцсетях. Главные инвесторы в технологии – Amazon, Intel, Apple, Microsoft и др. – часто манипулируют пользователями, навязывая определенную информацию, устанавливая фильтры и отслеживая страницы, на которых они бывают, и навязчиво предлагая «нужные» новости, информацию, товары или услуги. Выходом из сложившейся ситуации в бытии электронных кочевников может стать обращение «к классическому искусству и медитациям», чтобы «восстановить целостность личности и ее сознания» [25].

Заключение

Жизнь людей значительно изменилась за последние десятилетия и особенно за последние 1,5–2 года с вынужденным переходом на удаленный режим работы. Чело-

вечество вошло в новый технологический уклад бытия, который является следствием научно-технического прогресса с основной ставкой на высокие технологии. Современный мир и жизнь электронных кочевников в нем сложно назвать этическими. Электронная среда для кочевника одновременно выступает в качестве блага и зла. Чтобы высокие технологии не оставили электронных кочевников в одиночестве без друзей, без средств к существованию, без самодостаточности, чтобы жизнь «не привела к этическим проблемам» [17], чтобы избежать выгорания, необходимо адаптировать этические нормы к современным реалиям и внедрять их принципы в виртуальное сообщество. Золотое правило нравственности («Не делай другим того, чего не желаешь себе») не потеряло актуальности и в современном мире. Электронный кочевник должен понять, что он безнравственен, в первую очередь по отношению к себе, чтобы свести к минимуму ложь о себе в социальных сетях. Посредством алгоритмов мифодизайна этические образцы в цифровом мире могут стать безусловной нормой сосуществования кочевников, выстраивающих корректные отношения друг с другом. Создание привлекательного, мифически грамотно сформированного образа жизни, основанного на этических принципах, и его масштабная популяризация в различных сообществах смогут решить многие экзистенциальные проблемы электронного кочевника и избежать индивидуального кризиса.

Список источников

1. Беккер Й. Информационная революция пожирает своих детей. Международная медиаполитика в условиях террора, милитаризации и тотального стирания границ // Фонарь Диогена: человек в многообразии практик. 2021. № 5–6. С. 121–149.
2. Бодрийяр Ж. Совершенное преступление. Заговор искусства. М.: РИПОЛ классик, 2019. 250 с.
3. Большаков М. А. Проблема нравственности и духовности в современном обществе // Человек и образование. 2007. № 1–2. С. 66–69.
4. Бреслер М. Г. Специфика формирования этики цифрового общества // Медиа в современном мире. 60-е Петербургские чтения: сб. материалов 60-го Междунар. науч. форума: в 2 т. СПб., 2021. С. 147–148.

² Деятельность Meta (соцсети Facebook и Instagram) запрещена в России как экстремистская.

5. *Гайд А.* Подключение к сообществу цифровых кочевников – онлайн и офлайн. 2019. 27 марта. URL: <https://www.oberlo.com/blog/digital-nomad-community> (дата обращения: 25.10.2021).
6. *Дююи Ж.-П.* Этика технологии в преддверии Апокалипсиса // *Фонарь Диогена: человек в многообразии практик*. 2021. № 5–6. С. 73–91.
7. *Елкина В.* Как Кремниевая долина убивает индивидуальность / RB (RUSBASE). 2017. 21 сентября. URL: <https://rb.ru/story/silicon-valley-kills-individuality/> (дата обращения: 27.10.2021).
8. *Занина Л. В.* Язык и нравственность в эпоху цифровизации: психолого-педагогический подход // *Гуманитарные и социальные науки*. 2020. № 6. С. 252–260.
9. *Капулло Р.* Информационная этика // *Информационное общество*. 2010. № 5. С. 6–15.
10. *Каргаполов Е. П.* Соотношение морали и нравственности: актуальные вопросы теории // *Вестник Академии энциклопедических наук*. 2020. № 4. С. 9–16.
11. *Кашин В. В.* Учение Гегеля о нравственности // *Вестник Оренбургского государственного университета*. 2005. № 7. С. 29–33.
12. *Кэмпбелл Я.* Информационная безопасность в контексте прав человека, новых технологий и свободы человека // *Идеи и новации*. 2018. Т. 6, № 4. С. 11–23.
13. *Личак Н. А.* Этика цифрового общества // *Современное российское общество: социально-политические тренды и вызовы: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 30-летию факультета соц.-полит. наук ЯрГУ им. П. Г. Демидова*. Ярославль, 2021. С. 31–33.
14. *Медиареальность: концепты и культурные практики* / гл. ред. В. В. Савчук. СПб.: Фонд развития конфликтологии, 2017. 388 с.
15. *Мельков С. А., Салтыкова М. В., Лябах А. Ю.* «Цифровые кочевники»: проблематизация появления и влияния на развитие современного общества // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки*. 2019. Вып. 1. С. 76–94.
16. *Назарова Ю. В.* Парадоксы философии зла Л. Н. Толстого и современная цифровая этика // *Духовное наследие Л. Н. Толстого в контексте мировой литературы и культуры: материалы XXXVII Междунар. Толстовских чтений*. Тула, 2020. С. 249–253.
17. *Пайн К.* Живи, вкалывай, сдохни. Репортаж с темной стороны Кремниевой долины / пер. Кати Казбек и Ильи Мельникова. М.: Individuum, 2019. 304 с.
18. *Поликарпова В. А., Поликарпова Е. В.* Философская этика и современные технологии: моногр. / Южный федеральный университет. Ростов н/Д; Таганрог: Изд-во Южн. федер. ун-та, 2017. 91 с.
19. *Пустовалова И. В.* Этика как способ оптимизации воздействия высоких технологий на жизнедеятельность человека // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2011. № 2–2. С. 164–166.
20. *Труфанова О. В.* Социально-философские и этические аспекты самоопределения в цифровую эпоху // *Вестник Новгородского филиала РАНХиГС*. 2020. Т. 10, № 1. С. 32–37.
21. *Фромм Э.* *Анатомия человеческой деструктивности*. М.: АСТ, 2009. 635 с.
22. *Хофманн Т.* Airbnb в Нью-Йорке: чьи права на неприкосновенность частной жизни нарушает сбор информации со стороны правительства? // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2019. Т. 13, № 4. С. 1684–1709. DOI: 10.21202/1993-047X.13.2019.4.1684-1709.
23. *Эйвазов А. Х.* Право и нравственность в условиях техногенной цивилизации: этика трансгуманизма // *Динамика и проблемы воздействия современного общества на представления молодежи о морали и праве: сб. науч. ст. по материалам Всерос. круглого стола*. СПб., 2020. С. 293–299.
24. *Яковлева Е. Л.* Антиномичность электронного кочевника: опыт философской рецепции посредством метафор // *Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования*. 2019. № 1. С. 58–68. DOI: 10.15507/2078-9823.045.019.201901.058-068.
25. *Яковлева Е. Л.* К проблеме фрагментарности бытия электронного кочевника // *Вектор развития управленческих подходов в цифровой экономике: материалы III Всерос. науч.-практ. конф. Казань, 2021*. С. 522–528.
26. *Яковлева Е. Л.* Электронный кочевник как трансформированный фаустовский тип личности // *Достоинство человека: основания, перспективы, угрозы: материалы Всерос. науч.*

- конф. с междунар. участием (Нижний Новгород, 24–25 апр. 2021 г.): в 2 ч. Н. Новгород, 2021. Ч. 1. С. 217–225.
27. Яковлева Е. Л., Дарчинов Э. В. Попытка философского осмысления метафизики электронного кочевника // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2021. Т. 10, № 2. С. 399–402.
 28. Ярлова Т. В., Сидяков Д. Ю. Социальные последствия пандемии новой коронавирусной инфекции в контексте качественного развития современного российского общества // Евразийский союз ученых. 2020. № 7–6. С. 56–64.

References

1. Becker J. The information revolution is eating its children. International media policy in the conditions of terror, militarization and total erasure of borders. *Fonar' Diogena: chelovek v mnogoobrazii praktik* = Lantern of Diogenes: a person in a variety of practices. 2021; 5–6: 121–149. (In Russ.)
2. Baudrillard J. A perfect crime. Conspiracy of art. Moscow, 2019, 250 p. (In Russ.)
3. Bolshakov M. A. The problem of morality and spirituality in modern society. *Chelovek i obrazovanie* = Man and education. 2007; 1–2: 66–69. (In Russ.)
4. Bresler M. G. The specificity of the formation of the ethics of the digital society. *Media v sovremennoy mire* = Media in the modern world. 60th Petersburg Readings: Sat. materials of the 60th Intern. scientific Forum: in 2 vols. St. Petersburg, 2021, P. 147–148. (In Russ.)
5. Guide A. Connecting to the digital nomad community – online and offline. March 27, 2019. Available at: <https://www.oberlo.com/blog/digital-nomad-community> (accessed 25/10/2021). (In Russ.)
6. Dupuis J.-P. Ethics of technology on the eve of the Apocalypse. *Fonar' Diogena: chelovek v mnogoobrazii praktik* = Lantern of Diogenes: a person in a variety of practices. 2021; 5–6: 73–91. (In Russ.)
7. Elkina V. How Silicon Valley kills individuality / RB (RUSBASE). 2017. September 21. Available at: <https://rb.ru/story/silicon-valley-kills-individuality/> (accessed 10/27/2021). (In Russ.)
8. Zanina L. V. Language and morality in the era of digitalization: a psychological and pedagogical approach. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* = Humanitarian and social sciences. 2020; 6: 252–260. (In Russ.)
9. Capurro R. Information ethics. *Informatsionnoe obshchestvo* = Information society. 2010; 5: 6–15. (In Russ.)
10. Kargapolov E. P. Correlation of morality and morality: topical issues of theory. *Vestnik Akademii entsiklopedicheskikh nauk* = Bulletin of the Academy of Encyclopedic Sciences. 2020; 4: 9–16. (In Russ.)
11. Kashin V. V. Hegel's doctrine of morality. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of the Orenburg State University. 2005; 7: 29–33. (In Russ.)
12. Campbell J. Information security in the context of human rights, new technologies and human freedom. *Idey i novatsii* = Ideas and innovations. 2018; V. 6, 4: 11–23. (In Russ.)
13. Lichak N. A. Ethics of the digital society. *Sovremennoe rossiyskoe obshchestvo: sotsial'no-politicheskie trendy i vyzovy* = Modern Russian society: socio-political trends and challenges: materials of the All-Russia. scientific conf. with international participation, dedicated 30th anniversary of the faculty of social and political. sciences YarGU im. P. G. Demidov. Yaroslavl, 2021, P. 31–33. (In Russ.)
14. Media reality: concepts and cultural practices. Ed. V. V. Savchuk. St. Petersburg, 2017, 388 p. (In Russ.)
15. Melkov S. A., Saltykova M. V., Lyabakh A. Yu. “Digital nomads”: problematization of the emergence and influence on the development of modern society. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki* = Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences. 2019; Iss. 1: 76–94. (In Russ.)
16. Nazarova Yu. V. Paradoxes of the philosophy of evil by L. N. Tolstoy and modern digital ethics. *Dukhovnoye nasledie L. N. Tolstogo v kontekste mirovoi literatury i kul'tury* = Spiritual heritage of L. N. Tolstoy in the context of world literature and culture: materials of the XXXVII International. Tolstoy readings. Tula, 2020, P. 249–253. (In Russ.)
17. Pine K. Live, work hard, die. Reporting from the dark side of Silicon Valley. Moscow, 2019, 304 p. (In Russ.)

18. Polikarpova V. A., Polikarpova E. V. Philosophical ethics and modern technologies: monograph. Rostov on Don; Taganrog, 2017, 91 p. (In Russ.)
19. Pustovalova I. V. Ethics as a way to optimize the impact of high technologies on human life. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* = Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. 2011; 2–2: 164–166. (In Russ.)
20. Trufanova O. V. Socio-philosophical and ethical aspects of self-determination in the digital era. *Vestnik Novgorodskogo filiala RANEPa* = Bulletin of the Novgorod branch of the RANEPa. 2020; 10(1): 32–37. (In Russ.)
21. Fromm E. Anatomy of human destructiveness. Moscow, 2009, 635 p. (In Russ.)
22. Hofmann T. Airbnb in New York: Whose privacy rights are violated by government data collection? *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava* = Actual problems of economics and law. 2019; 13(4): 1684–1709. DOI: 10.21202/1993-047X.13.2019.4.1684-1709. (In Russ.)
23. Eyvazov A. Kh. Law and morality in conditions of technogenic civilization: the ethics of transhumanism. *Dinamika i problemy vozdeistviya sovremennogo obshchestva na predstavleniya molodezhi o morali i prave* = Dynamics and problems of the impact of modern society on the ideas of youth about morality and law: Sat. scientific Art. based on the materials of the All-Russian round table. St. Petersburg, 2020, P. 293–299. (In Russ.)
24. Yakovleva E. L. Antinomy of the electronic nomad: the experience of philosophical reception through metaphors. *Gumanitarii: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniya* = Humanist: actual problems of the humanities and education. 2019; 1: 58–68. DOI: 10.15507/2078-9823.045.019.201901.058-068. (In Russ.)
25. Yakovleva E. L. On the problem of fragmentation of the existence of an electronic nomad. *Vektor razvitiya upravlencheskikh podkhodov v tsifrovoy ekonomike* = Vector of development of managerial approaches in the digital economy: materials of the III All-Russia. scientific-practical. conf. Kazan, 2021, P. 522–528. (In Russ.)
26. Yakovleva E. L. Electronic nomad as a transformed Faustian personality type. *Dostoinstvo cheloveka: osnovaniya, perspektivy, ugrozy* = Human Dignity: Foundations, Perspectives, Threats: Materials of All-Russia scientific conf. with international participation (Nizhny Novgorod, April 24–25, 2021): in 2 p. Nizhny Novgorod, 2021. P. 1, P. 217–225. (In Russ.)
27. Yakovleva E. L., Darchinov E. V. Attempt of philosophical understanding of the metaphysics of the electronic nomad. *Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya* = Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology. 2021; 10(2): 399–402. (In Russ.)
28. Yarovova T. V., Sidiyakov D. Yu. Social consequences of the pandemic of a new coronavirus infection in the context of the qualitative development of modern Russian society. *Evrasiyskiy soyuz uchyoniy* = Eurasian Union of Scientists. 2020. No. 7–6. P. 56–64. (In Russ.)

Поступила 28.12.2021.

Сведения об авторе

Дарчинов Эдгар Вадимович – аспирант, кафедра философии и социально-политических дисциплин, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова (Казань, Россия). Сфера научных интересов: социальная философия, философская антропология. Автор 6 научных публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7721-9612>.

E-mail: darchinovev@ieml.ru

Submitted 28.12.2021.

About the author

Edgar V. Darchinov – Postgraduate Student, Kazan Innovation University named after V. G. Timiryasov (Kazan, Russia). Research interests: social philosophy, philosophical anthropology. The author has 6 scientific and educational publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7721-9612>.

E-mail: darchinovev@ieml.ru

УДК 1. 130.3

Я. С. Писачкина

*Политехнический техникум № 47 им. В. Г. Федорова (Москва, Россия),
e-mail: iana_lipkina_91@mail.ru*

Здравомыслие и социальный контроль в системе социально-философского знания

Аннотация

Введение. Здравомыслие является важнейшим приоритетом становления современной эпохи в условиях переформатирования однополярного мира на рубеже тысячелетий и перехода к многополярному миру в решении переживаемых человечеством глубоких кризисов и катастроф, войн и пандемий. Цель статьи заключается в моделировании форм социального контроля, интегрированного в жизненное пространство социума на основе синтеза потенциалов, и единении базисных констант в картине мира.

Материалы и методы. В качестве теоретико-методологической стратегии исследования рассматривается интегративный подход, реализация которого во взаимосвязи с системным, личностно-деятельностным, компетентностным, синергетическим подходами обеспечивает объединение различных структур, звеньев, компонентов довузовского образования и его выход на более высокий качественный уровень.

Обсуждение и заключение. Возникновение социального контроля связано с когнитивной революцией, обусловленной генетической мутацией. Источником внутренней энергии этого процесса служит спонтанность как условие познания всех процессов мира в их самодвижении. Здравомыслие в социальной философии базируется на единстве и единении базисных констант в картине мира: когнитивной, жизненной, духовной, технологической, экономической, социологической, антропологической, коммуникационной.

Результаты исследования. Представлена разработанная модель здравомыслия как базового, фундаментального ядра в структуре оценки форм и качества мышления. Разумность людей обусловлена практической целесообразностью и жизненно оправданным поведением. В этом плане идеалы и нормы здравомыслия не абсолютны, но они контролируются и санкционируются состоянием укорененности в повседневной жизни.

Ключевые слова: когнитивная революция, спонтанность мышления, здравомыслие, социальный контроль, здравый смысл, практический смысл, топологический смысл, патологический смысл, кризисное сознание.

Для цитирования: Писачкина Я. С. Здравомыслие и социальный контроль в системе социально-философского знания // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2022. Т. 22, № 4. С. 422–440. DOI: 10.15507/2078-9823.060.022.202204.422-440.

© Писачкина Я. С., 2022

Yana S. Pisachkina

Polytechnic College No. 47 named after V. G. Fedorov (Moscow, Russia),
e-mail: iana_lipkina_91@mail.ru

Sanity and Social Control in the System of Socio-Philosophical Knowledge

Abstract

Introduction. Sanity is the most important priority in the formation of the modern era in the context of reformatting the unipolar world at the turn of the millennium and the transition to a multipolar world in solving the deep crises and catastrophes experienced by mankind, wars and pandemics. The purpose of the article is to model the forms of social control integrated into the living space of society based on the synthesis of potentials, and to unite the basic constants in the picture of the world.

Materials and Methods. As a theoretical and methodological research strategy, an integrative approach is considered, the implementation of which, in conjunction with a systemic, personal-activity, competence-based, synergistic approach, ensures the unification of various structures, links, components of pre-university education and its output to a higher quality level.

Discussion and Conclusion. The emergence of social control is associated with a cognitive revolution caused by a genetic mutation. The source of the internal energy of this process is spontaneity, as a condition for the cognition of all the processes of the world in their self-movement. Sanity in social philosophy is based on the unity and unity of the basic constants in the picture of the world: cognitive, vital, spiritual, technological, economic, sociological, anthropological, communication.

Results. The developed model of sanity as a basic, fundamental core in the structure of assessment of the forms and quality of thinking is presented. The rationality of people is due to practical expediency and vitally justified behavior. In this regard, the ideals and norms of sanity are not absolute, but they are controlled and sanctioned by the state of being rooted in everyday life.

Keywords: cognitive revolution, spontaneity of thinking, sanity, social control, common sense, practical sense, pathological sense, crisis consciousness.

For citation: Pisachkina Y. S. Sanity and social control in the system of socio-philosophical knowledge. *Gumanitarian: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2022; 22(4): 422–440. (In Russ.). DOI: 10.15507/2078-9823.060.022.202204.422-440.

Введение

Здравомыслие является важнейшим приоритетом становления современной эпохи в условиях переформатирования однополярного мира на рубеже тысячелетий и перехода к многополярному миру в решении переживаемых человечеством глубоких кризисов и катастроф, войн, травм и пандемий. Настоящая статья связана с исследованием проблем социального контроля в аспекте философии здравомыслия в условиях переживаемого человечеством глубокого кризиса и катастроф, эпохи войн и общечеловеческих проблем. Ма-

териалами данного исследования служат философские, социологические, социокультурные труды, составляющие методологическую основу здравомыслия в аспекте социального контроля. Представлены характеристики компетенций духа в онтологическом, гносеологическом и логическом планах. Они выражают проекции миростроения по законам истины, добра и красоты. В праксеологическом плане миростроения они реализуют (выражают) законы гуманизма, свободы и равноправия. В антропологическом плане они ориентируют архитеконику само-

устроения на внутренние инициации самоотдачи, доверия и солидарности, что полностью соответствует идеям данной статьи в анализе социального контроля в соответствии с его миссией.

Методы

Методологические основания исследования связаны с понятиями методологического мышления и методологической компетентности. В качестве теоретико-методологической стратегии исследования рассматривается интегративный подход, реализация которого во взаимосвязи с системным, личностно-деятельностным, компетентностным, синергетическим подходами обеспечивает объединение различных структур, звеньев, компонентов исследовательской деятельности. Компетентностный подход – важнейший компонент современной технологии научных исследований. В настоящем исследовании применены методы социальных, социокультурных наук и философии науки в сопоставлении видов социальной практики и контексте становления современных форм социального контроля в аспектах: парадигматики, аналитики, проблемологии, информатизации и гуманитаризации социальной среды. Конструктивная креативность как производство и сотворение «неестественного» предстает в качестве важного целеполагающего момента исследования. Компетентностный подход связан с применением методов прогноза и анализа результатов с оценкой логики выделения «болевых точек» и «точек роста», анализируемых в настоящей статье. Здравомыслие – это форма и качество мышления. В этом плане идеалы и нормы здравомыслия не абсолютны, но они контролируются и санкционируются состоянием укорененности в повседневной жизни. Разумность людей обусловлена практической целесообразностью и жизненно оправданным поведением.

Обсуждение

Когнитивная революция. По оценке современных авторов, это период между 70 и 30 тыс. лет назад, связанный с появлением новых способов думать и общаться. Современная теория утверждает, что случайные генетические мутации изменили внутреннюю «настройку» человеческого мозга. Сапиенсы обрели умение думать и общаться, используя словесный язык. Это состояние в науке и культуре ученые связывают с мутацией Древа познания. Данная особенность познания связана с новообретенным языком. Она позволила сапиенсу завоевать мир. Однако обретение уникальных способностей такого рода человеком и преимуществ, полученные им, были порождены когнитивной революцией [39, с. 30]. Для нее характерен ряд моментов, включающих аспекты, которые выражают способности передавать определенные объемы информации об окружающем мире и возможности планировать и осуществлять сложные действия. Например, спастись от хищников и охотиться на них, а также создавать большие и сплоченные группы до 150 чел. Возможность передавать большие объемы информации о несуществующих вещах, таких как духи племени, и возможность сотрудничества большого числа людей, незнакомых друг другу, создали эффект быстрой адаптации поведения [22, с. 102].

Начало развития мысли и слова, по теории Л. С. Выготского, связано с доисторическим периодом в существовании мышления, однако не обнаружило «никаких определенных отношений и зависимостей между генетическими корнями мысли и слова» [7, с. 275]. Поэтому внутренние отношения между словом и мыслью служат внутренними отношениями как предпосылка, основной и исходный пункт развития человеческого сознания. В целом когнитивная революция выражает момент, когда история расходится с биологией, при этом

в познании развития человечества на смену биологическим теориям приходят теории исторического содержания и культуры, которые связаны с появлением и передачей знаний в различных областях [33, с. 74]. Источник внутренней энергии этого процесса, по мысли философов, базируется на идее спонтанности. И. Кант характеризовал спонтанность как «восприимчивость нашей души, т. е. способность ее получать представления, поскольку она каким-то образом подвергается воздействию, мы будем называть чувственностью; рассудок же есть способность самостоятельно производить представления, т. е. спонтанность познания» [18, с. 129]. Человек – существо разумное. Разум, по мысли М. Хайдеггера, «развертывается в мышлении» [37, с. 134].

Спонтанность в определении современных авторов предстает в качестве «сверхфундаментального концепта» как конструктивное идейное комбинирование, питаемое синергийными процессами когнитальных самостимулирующих морфизмов. Инкорпорация этой идеи объясняется как момент «добавления мыслительного к созерцательному» (происходящий на базе конструирования новых сущностей, связанных с видоизменением смыслозначимостей). Это, по мысли В. В. Ильина, продуктивный синтез трансцендентализма [15, с. 46–79]. Описание явлений в их спонтанном выражении есть признание свободы и проявление воли. Однако при этом существует размытость описания, которая выражает характер вероятностного языка [28, с. 16].

В целом спонтанность предстает в качестве действующего условия познания всех процессов мира в их «самодвижении», в их спонтанном развитии, в их живой жизни, в единстве противоположностей. Современные философы рассматривают спонтанность в процессе «воспроизводства и самозарождения мысли», как рефлексию по поводу смысловых глубин (социаль-

ных, духовных), связанных с открытием и становлением смысла [28, с. 47]. Смысл в философии в самой общей форме трактуется как мысль, выраженная в словах или знаках, в той или иной форме. Смысл о многомерности семантического пространства обнаруживает связь с определенной вероятностной мерой. Многомерность личности предстает в форме реализации полноты ее проявлений [30, с. 659].

А. А. Зиновьев создает *логическую социологию* (ЛС) как науку о языке и методах исследования социальных объектов. Он считает, эта наука должна быть не описательной, а изобретательной. Поэтому основные методы (ЛС), используемые для определения понятий, это метод мысленного эксперимента и метод комбинаторики.

Смысл связан с постижением разумом внутреннего содержания (значения чего-либо), пониманием целей, разумных оснований, здравого смысла, добронравия и других форм. В аспекте содержания социального смысла А. А. Зиновьев выделяет две группы отношений: а) когда знание смысла присутствует как выражаемое в высказывании и является «элементарным высказыванием»; б) они входят хотя бы однажды в эти высказывания, – что является одинаково значимым [13, с. 25]. Философ использует моделирование как метод и активно применяет его в ЛС. Для этого он создает модель «человеиника». У А. А. Зиновьева человеиник – это мир людей как особая форма их объединения, в которой члены сообщества живут «совместной исторической жизнью». В таком сообществе, объединении, семье формируется определенная ментальная сфера. Смысловое содержание характеризует предполагающий акт, в котором человек связывает данную вещь со своим микрокосмом, придающим ей определенную ценность, обуславливающую отношения и действия.

В число функций этого сообщества (человека) автор включает:

- разработку, хранение и навязывание людям определенного мировоззрения и определенной системы ценностей (оценок);
- вовлечение людей в определенные действия, касающиеся их познания, призывы к этим действиям;
- контроль за мыслями и чувствами людей и их организацию на такой контроль в отношении друг друга [13, с. 56].

Современный мир динамичен и изменчив – это «жизненный мир». У Э. Гуссерля он предстает наполненным «смыслами». В них воспринимаются объекты бытия в потоке сознания, в котором человек конструирует мир в аспектах объективации времени и вещественности в рамках двух параллельных проблем: в конструировании «одного всеобщего пространства (All-Raum), которое воспринимается вместе и в каждом отдельном восприятии в той мере, в какой воспринимаемая вещь является в своей телесности (seinem Körper nach) как заключенная в нем, и конструирование одного времени, в котором заключается темпоральность вещи, в которое встраивается ее длительность всех принадлежащих к окружению вещей и вещественных процессов» [12, с. 38]. В этом многообразии особо важна такая смысловая доминанта формы мышления, как здравомыслие, жизненное значение которой характеризуется онтологическим, гносеологическим и аксиологическим измерениями [25, с. 402]. Здравомыслие в культуре, идеологии, политике, науке связано со здравым смыслом и спонтанностью как свойствами рассудка и рассудочной деятельностью. Одновременно история и культура имеет богатый опыт производства, воспроизводства и становления негативного синтеза идей в виде зла (в том числе сатанизма, бесовщины, нацизма, гитлеризма, фашизма и многих сущностей иного рода), форм и практик

злонамерения и ремиссии злонамеренных действий.

Социальный контроль и культура. Современные авторы подчеркивают важную особенность родового строя, в котором иерархический принцип организации общества действовал, но при этом претерпевал существенные изменения. Место индивида, определяемое в иерархии реальным противоборством сил, стало все более определяться оценкой общественного мнения. Российский философ А. П. Скрипник указывает на «загадочную природу стыда» как механизм, формируемый культурой. Если в философской традиции считалось, что человек стыдится своей материальной природы, естественных влечений и функций своего организма (И. Кант, Г. В. Ф. Гегель, В. С. Соловьев), то «на самом деле человек стыдится не своей телесности, а утраты контроля над нею», – обоснованно утверждает этот автор [35, с. 57].

Современный мир динамичен и изменчив. Он состоит не из «завершенных предметов и понятий», а представляет собой совокупность процессов, в которых предметы и понятия находятся в непрерывном изменении. В этом мире люди, благодаря языку и воображению, изобретают все более сложные игры, и каждое поколение дополняет их». Й. Хейзинга рассматривает игру в качестве культурного феномена, которому свойственны три отличительных признака. Во-первых, игра свободна, она есть свобода. Во-вторых, игра не есть обыденная жизнь, она предстает как выход из «обыденной» жизни в пространственном и временном плане. В-третьих, игру характеризуют замкнутость и ограниченность в пределах границ места и времени [41, с. 18]. Течение и смысл игры «заключены в ней самой». Важными функциями игры служат состязание как борьба или демонстрация, показ. Свойствами игры являются повторяемость, порядок и контроль.

Познавательная деятельность является важнейшим условием создания теории как формы когнитивной практики [27, с. 14]. Именно она обеспечивает «практичность теории для человеческой жизни в качестве инструмента для удовлетворения потребностей человеческого существования». Она служит целям «овладения природой, как источником средств жизни человека и созданию социальной организации человеческой деятельности, направленной на решение этих задач» [6, с. 117]. Эта деятельность многообразна, она представлена множеством форм: культурой, идеологией, политикой, наукой, технологией.

Когнитивная революция сформировала мозг Homo Sapiens – наших предков, сделала его пластичным и создала возможность африканским приматам стать властителями мира. Их обострившийся разум проник в intersubjective пространство, позволил создать богов, построить города, империи, изобрести деньги, расщепить атом, выйти в космос. Все это результат революции, позволившей благодаря «незначительным изменениям в ДНК сапиенсов и легкой перестройке их мозга» покорить планету. Одним из важнейших открытий начала III тысячелетия для человечества стало обуздание голода, мора и войны. Характеризуя это достижение, Ю. Н. Харари пишет: «Сейчас, когда голод, мор или война выходят из-под контроля, мы знаем, что где-то кто-то прокололся, мы создаем комиссии по расследованию происшествий и обещаем себе быть начеку. И это работает... так как бедствия из-за роковой троицы случаются все реже и реже» [40, с. 117]. Иными словами, контроль с помощью массовых коммуникаций устанавливают определенные силы. Увы, это президент США и «золотой миллиард» (Евросоюз, НАТО и приспешники), это творцы и клиенты офшорных зон, структур на «островах сокровищ» с низкими налогами в налоговых убежищах

и других труднодоступных пространствах, устанавливаемых «тайной властью» современной эпохи [36, с. 286].

По лекалам шаблонной практики такого рода данная «игра» получила опасные формы. Канадский социолог М. Маклюэн видит в этой игре особую технологию, применяемую для внешнего расширения границ человека в параметрах как «социального», так и «политического тела». Эта игра позволяет воспроизводить «вымышленные конструируемые ситуации для расширения группового сознания, дающие передышку от обычных паттернов. Это своего рода «разговор», представляемый в СМК от имени всего общества, с самим собой». Такие игры служат машиной или механизмом, они суть средства коммуникации. «Здесь мы смотрим на их роль как на средства коммуникации в обществе в целом» [24, с. 8] и одновременно видим действие спекулятивных подделок реальных фактов и массированного обмана мировой общественности. Массовые коммуникации предстают фактором, позволяющим лучше понимать динамику депрессий социума, а точнее, пытаться удерживать ее под контролем определенных заинтересованных сил.

На планете установилась и уверенно удерживается ситуация, в которой побеждает постмодернизм. Это посткультура, где мир – текст, а жизнь – дискурс и «риторика», утверждает В. А. Кутырев. Культура в таком варианте – тормоз действующего прогресса. Борьба с культурой осуществляется теоретическим постмодернизмом, а фактически ведется теми, кто им руководствуется, выполняя главную задачу современных реформ. Посткультура, по мысли автора, – «игра творцов смерти культуры». Они – имитаторы бытия, создатели симулякров [20, с. 179]. Они создают мир, в котором происходит ускоренная эволюция, связанная со сменой субстрата общественной жизни.

Социальный контроль и идеология. Идеология – это разновидность специфического сознания как особый род воспроизводства смыслозначимости. Это механизм и технология внедрения определенных идей, коммуникативных установок и подтасовки различных версий как векторов, предъявляемых в форме правды по характеру субъективных оснований и формированию убежденности в обоснованности ее справедливости, путем широкого применения ряда признаков тенденциозного, нарочитого, умышленного характера. Идеология это – это главный механизм социального контроля.

Национально-государственная идеология представлена «рядом репрезентативных комплексов», выражающих в прагматическом плане отношение «социума», народа и государства в занимаемом им «подлунном месте» в социальном мире. Социально-философская мысль всегда напрягала и напрягает интеллектуальные усилия в этом направлении. Философия либерализма последовательно обосновывает космополитический индивидуализм, который представлен в версиях либерального национализма, выражающего «дух народа», и либерализма консервативного, апеллирующего к «почвенническому» мессианизму как ответственной миссии служения, спасения, освобождения [8, с. 127].

В современном мире доминирует постмодернизм. В нем стихия смысла жизни предстает в качестве информации. Именно информация становится главным двигателем массового поведения. Именно «идея, овладевающая массами» становится мощной реальной силой (созидательной или разрушительной). Постмодернистская идеология нацелена на культурную революцию как радикальное изменение сознания. Эта идеология базируется на вариантах подмены одних принципов и идей другими. В этом плане опора на идею спонтанности

связана с ухищрением в применении манипулятивных действий и приемов, направленных на производство «фальсификатов» и подмену ценностей в истории и культуре, науке и технике.

Информационные войны стали реальностью современного информационного общества. Они связаны с ведением когнитивных войн и применением когнитивного оружия. Когнитивное оружие предполагает не прямое физическое уничтожение противника, а «внедрение в интеллектуальную среду, как отдельной страны, так и мирового сообщества, ложных научных теорий, парадигм, концепций стратегий, влияющих посредством новых – сфальсифицированных смыслов и ценностей на политическое развитие» [10, с. 141]. Идеологии национал-социализма, расизма, шовинизма, нордизма, фашизма культивируют идеи агрессивного покорения народов, закабаления, дискриминации одних и признания других в качестве высшей цивилизационной группы (голубая кровь, белая кость), а также другие формы утверждения концепций бытия, притязаний в мире, поддержания престижа, развитие панидей богоизбранности, обоснование идей политической целесообразности.

В арсенале идеологии постмодернизма спонтанность предлагается и используется как фактор, снимающий эффект усилий мысли. Вместо принципа ответственности она предлагает произвол, вместо регулятивных норм – консенсус, вместо ценностей – договоренности, не имеющие обязательного характера и не предполагающие доверие, вместо реальности – симулякры, вместо интенциональности – коммуникативность, вместо истины – убеждение [29, с. 9]. Эта идеология опирается на подмену спонтанности набором предлагаемых спекулятивным рынком информационных услуг, фальсификаты которых ведут общество к деградации и создают эффект, по-

ражающий интеллект личности и социума. Спонтанность мысли технологично подправляется особым изощренным механизмом ее высвобождения от напряжения и усилий.

Для нашей современности особо актуальна проблема «истончения источников смысла». Это обстоятельство связано с торговлей жизненными смыслами. Этот вид практики стал самым конкурентоспособным (по З. Бауману). В этом секторе духовного производства задействованы «поголовно все, как всеобщие актуально-потенциальные производители-потребители конечной символической продукции» [17, с. 140]. Богатство истолкований связано с множеством «референтных ценностей». В их числе вера, интеллект, мир, общество, народ, цивилизация, популяция, природа, европеизм и др.

Социальный контроль и наука. Колоссальное количество происходящих изменений бросает вызов современной науке. Социальные изменения обуславливают необходимость воспроизводства и совершенства социального контроля, связанного с современным этапом становления и модернизацией науки, культуры и техники. Современные философы обращаются к критике индустриального разума. Развитие «органа» критики философы связывают с изменением характера и смысловых форм языка, характером аргументации, направленности на идеологические и другие социальные институты [19, с. 112].

В этом плане исключительно важная роль принадлежит философии поступка М. М. Бахтина. В его концепции мысль «вплетена в ткань... моего (участного) живого действительного-эмоционально-волевого сознания... Действительно поступающее мышление есть эмоционально-волевое мышление, и эта интонация существенно проникает во все содержательные моменты мысли. Эмоционально-волевой тон об-

текает все смысловое содержание мысли в поступке и относит его к единственному бытию-событию [2, с. 107]. Человек, открытый миру, предстает в нем в качестве «своеобразной фабрики по переработке смысловых оценок». Жить в этом мире означает «расширение себя до большого мира так, как если бы он был моим миром и чтобы он стал моим миром, это значит “абсолютное себя исключение” [11, с. 16].

Наука является инструментом современных технологий, которые становятся не только инструментом, но и сутью человеческой органопроекции, нацеленной на усиление антропных возможностей, ориентированных на стратегию объединения материального морфогенеза в динамическом квинтете NBICS (Nano, Bio, Info, Cogno, Socio) [4, с. 24]. Современная трансформация науки и философии связана с креатологией и апологией технаучного инструментального разума [16, с. 23–27]. Наука содержит естественно-научный, гуманитарный, социальный, гуманитарный и технологический сегменты.

Современная креатология как наука о продуктивных процессах мыследеятельности изучает разумные потенции души. Важное место в современной креатологии занимает представление о толерантности, возникновение которой четко обозначилось в идеях о веротерпимости в XVIII в. Фиксацией толерантности как принципа стала максима, сформулированная Вольтером: «Мне ненавистны ваши убеждения, но я готов отдавать жизнь за ваше право высказывать их». Эта идея легла в качестве базовой в «теории мышления» в основе нравственной коммуникации, позволяющей «угадывать и предвидеть ход мыслей другого человека» [34, с. 551].

В современной науке понятие толерантности выстроено на когнитивном базисе естественно-научного знания, представленного в экологии, например закона толе-

рантности (В. Э. Шелфорд). А также оно служит лимитирующим фактором контроля – процветания организма и вида в природной среде, является фактором фиксации максимума экологического воздействия, с учетом точек допустимых пределов, точек кипения, в экологических, экономических и социальных системах. Подчеркивая это, российский эколог Н. Ф. Реймерс отмечал, что «экологическое и медицинское значение термина толерантность – противоположны» [33, с. 519]. Так, иммунологическая толерантность характеризуется как «строго специфический феномен по отношению к конкретному антигену – иммунитет наоборот». Феномен был обнаружен Р. Оуэном в 1945 г., а термин «иммунологическая толерантность» принадлежит П. Медовару. Это направление служит развитию «гибридных технологий» современной медицины в направлениях и версиях восприимчивости: как толерантности – к своему, а также и толерантности к чужеродному телу.

В социальных и гуманитарных отраслях теория толерантности заняла важное место в современной идеологии и коммуникационных технологиях. Когнитивные вирусы – это «кванты смысла». Они, как элементарные единицы информации, встраиваются в определенные «кирпичики сознания», обеспечивающие необходимость социального согласия (А. Бергсон) и терпимости: расовой, гендерной, национальной, политической, религиозной, межклассовой, сексуальной и др.

Положительное значение толерантности связано с ее свойствами побуждать и активизировать гуманность. Она задает векторы для понимания других людей и помогает преодолеть страх и предубеждения к людям иной культуры, способствует построению эффективной коммуникации во взаимоотношениях и взаимодействии людей с различными взглядами и позициями в аспектах как личного, так и общественного бытия и развития.

По критико-иронической мысли российского философа Ф. Гиренка, «Хайдеггер был огорчен тем, что бытие перестало быть событием. Чтобы защитить бытие, Хайдеггер построил онтологические бастионы, но эти бастионы никто не собирался штурмовать. Их просто не заметили. От бытия, увы, осталось лишь слово «есть» (имеется в наличии), которое теперь воспринимается вместо бытия, а точнее является одним из фальсификатов бытия фактического, реального. Для современного постмодернизма бытие теперь не факт, его не дают или не содержат так называемые лишь «достоверные» обещания, а за слово, как за факт, надо держаться, за него надо платить, за него надо отвечать, оно должно быть истинным. Но – увы, содержание сообщений перестало соответствовать фактам бытия, следовательно, оно... не достоверное, а лишь словесное, а, часто и голословное» [10, с. 144]. Это суждение объясняет механику широкого масштаба фальсификационных технологий в современных массовых коммуникациях.

Негативное значение толерантности выражают те ее недостатки, которые служат нездоровым и извращенным целям и ценностям. Они содержат признаки и проявления подмены истинных ценностей ложными – фальсификатами и извращениями. Так, терпение как важная церковная добродетель подменяется терпимостью к греху, а истина и правда подменяются ложью. Настоящее, «квалификаты», подменяются «фальсификатами», а фальшивые заявления и предложения «благих намерений» становятся практикой манипуляции сознанием людей, венчаемых «оранжевыми революциями». В этом состоят основы управления хаосом (по С. Манну, одному из главных авторов этой геополитической доктрины в рамках национальных интересов США), реализуемых в современных информационных технологиях и технологиях управления.

«Средства хаоса» направлены на содействие либеральной демократии. В основу управляемого хаоса положена идея перестройки массового сознания и мировоззрения как программа мировой информационно-психологической войны. Технологии управления хаосом, по оценке современных специалистов, – это новый вид оружия массового поражения для установления мирового порядка. Цели этой войны: сокращение численности населения и разрушения национальных государств; поддержка рыночных реформ; повышение жизненных стандартов у населения, прежде всего к элите; вытеснение ценностей и идеологии [23, с. 68–69].

В итоге воссоздается новый образ человека. Какой именно? Вот в чем вопрос. Контролирующая инстанция социума – это здравый смысл, он определяет меру разумного и бессмысленного, рационального и иррационального в суждении, за пределами которого начинаются процесс разрушения и деградация, и происходит «распад человечества» вследствие превращения вида *Homo sapiens* в состояние (и даже вид) *Homo debilis*. Модель дебильного мышления характеризуется разрушением целостности и реальности, распадом универсальности, отказом от истины, ее заменой на конвенции и когеренции. Примеры дебильного мышления характерны для различных аудиторий, подверженных наслаждению продукцией СМК. Комплекс системной редукции культур, цивилизаций осуществляется в насильственной рыночно-демократической деятельности западного человека (в механике универсализации культур и цивилизаций: поляризации, ассимиляции, изоляции, гибридизации глобализации и локализации, фрагментации и глокализации) [9, с. 363–376].

Кризисность на рубеже XIX–XX и XXI вв. философия рассматривает в аспекте разрушительных тенденций безоглядной

рационализации. Крушения возникают не на пустом месте, а там, где рациональная идея уходит из-под «демократического контроля» [36, с. 261]. Современная наука изучает природу кризисных явлений. Ученые констатируют антагонистические разрушительные явления в качестве следствия безоглядной рационализации. Разгул терроризма, насилия, вандализма, бедности, цифрового принуждения усиливаются буйством вируса и новыми видами социальной агрессии, свертыванием демократии и введением тоталитарного контроля и иными моментами. «Глобализация практико-преобразующей деятельности, превращение человека в *creator mundi* заставляют пересмотреть реперы рациональности. Рациональность человека в некоем вселенском масштабе должна конституироваться отнесением не к целям, но к ценностям» [16, с. 127].

Литературная фиксация опыта исторической самореализации гласит: «На каждого мудреца довольно простоты». Здравый смысл – это неформальное признание рациональности всякого познания, оценки, действия. Здравый смысл – это способ защиты и предостережение от очевидной и опасной несуразности, от глупости, нездорового, «непутевого дела» (В. И. Даль). По определению В. С. Барулина, мир здравого смысла – это важный момент духовности повседневности, практически бытовое сознание, руководствующееся определенными практическими интересами, практически ориентированными ценностями [1, с. 315]. По мысли В. А. Кутырева, здравый смысл служит «для защиты гуманизма как от технической, так и от “ангелической” агрессии. Он позволяет культивировать и активизировать сильный дух, который возможен при благополучии его почвы – человеческой телесности, биологической и географической среды обитания. Экология духа и экология природы неразрывно свя-

заны. Идеалом может быть не человек “разумный” и даже не “человек духовный”, а “человек целостный”» [20, с. 175].

Небезопасными формами для науки служат мифы, порождающие антинауку, лженауку, псевдонауку и другие формы мифотворчества и антиидеи. Поэтому здравомыслие в науке связано с преодолением мифологии, мистики. Истоки мифотворчества связаны со становлением социального на основе биологического, в том числе формированием научного мировоззрения. В этом плане актуальны идеи о том, что миф важен, ибо дает человеку ощущение психологической защищенности и смысла бытия. Миф, по оценке А. Ф. Лосева, есть необходимая категория мысли и жизни, для мистически ориентированного человека – это подлинная и максимально конкретная реальность. Для сохранения духовного здоровья нации необходимо устранить причину, как болезнь, а не ее симптомы.

Здравомыслие представлено во всех видах духовной деятельности: в философии, науке, культуре и искусстве. Оно представлено в духовном основании и критике тех достижений цивилизации, в рамках которых происходит помрачение культурного разума. В этом контексте авторы рассматривают здравый смысл в качестве формы – «жизненно ориентированной фильтрующей инстанции, которая контролируется и санкционируется жизнью» [16, с. 123]. В этом контексте здравый смысл – важнейший компонент социального контроля. Эту роль здравого смысла в науке философы науки связывают с формой «предпосылочного знания» как исходного начала, характерного для образа классической науки.

Данный образ Л. А. Микешина базирует «на предпосылках созерцательного материализма и эмпиризма». Она акцентирует это основание на необходимости «снять» эффекты «присутствия и активной деятель-

ности субъекта, считая их препятствием на пути к объективно истинному познанию» [26, с. 7]. Иная позиция у С. А. Лебедева, который усматривает здравый смысл в качестве инструмента в арсенале исходного начала научного познания, в качестве характерного лишь на этапе становления постнеклассической науки. Для этапа науки классического периода, по его оценке, исходным началом служил чувственный опыт ученого, а для неклассики становится очевидным и приоритетным характер мышления ученого. Как известно, М. Хайдеггер писал о человеке как существе разумном. «Но разум, *ratio*, по мысли Хайдеггера, развертывается в мышлении» [21, с. 134]. Человек может мыслить, но лишь то, к чему мы склонны, и расположены к тому, что нам желанно. Классическая наука признавала научные знания ценностно-нейтральными. Неклассическая наука считала научные знания частично ценностно обусловленными [31, с. 14]. Постнеклассическая наука рассматривает научное познание в качестве особого лингвистического способа когнитивного творчества ученых, гетерогенность научных текстов, а также в аспекте иронии и самоиронии в отношении претензии на абсолютную объективную истину [21, с. 274–275].

Особое место в истории науки и техники принадлежит их ценностной «экипировке». В этом плане широко известен пассаж Архимеда о рычаге: «Дайте точку опоры, и я переверну Землю». Ф. Жолио-Кюри в докладе «Об открытии ядерной энергии» (1934) страстно говорил о профессиональном долге ученого, вплоть до его готовности «взорвать мир – ради открытия, успеха науки». Если в природе действует механизм естественного отбора, то в современном обществе принятие решений осуществляется на базе механизма прагматики и с учетом экстраполяции полезных результатов. Методологическая и социальная проблема

в этом плане связаны с трактовкой законности и допустимости принимаемых решений на будущее [32, с. 14]. В этом плане последствия развертывания технологий сложно предсказуемы. Социальный контроль широко внедряемых технологий на предварительном этапе затруднителен. Сдерживание инициативы возлагается только на превентивную аналитику и прогнозирование результатов, с возможностью блокировки выявляемых неопределенностей в технологическом обновлении.

Проблемы здравого смысла в современной политике прямо связаны с историей «похождений здравого смысла» в этой сфере. Особо актуальны трансформации инструментально- и гуманитарно-адаптированного разума. В этом процессе характерным является «процедурный формализм, который усиливает своей бессодержательной техничностью, одиозность властно-политического функционализма» [33, с. 49]. Метафизические модели политических проектов зависят от политической текстуры (лат. «ткань, строение, материал»). В сценариях геостратегической режиссуры общеизвестны геополитические дихотомии (теллуократия – талассократия; хартленд – римленд). В. В. Ильин дополняет этот ряд дихотомией бедленд (badland) – гудленд (goodland), которая передает отношения двух множеств (бедленд – гудленд), выражающих богатую историко-географическую палитру неоднородной социальной реальности. Она фиксирует в первой части цивилизационную разноупорядоченность (аномию, образовательную, технологическую отсталость, ценностную замкнутость), а во второй части – ее противоположность (продвинутость, технологичность, ценностную открытость, толерантность).

В политике характерны тенденции разнонаправленных процессов: восстание масс укрощается восстанием элит – массовое общество все более поставлено под элитарный контроль [35, с. 144]. Социальная активность масс становится не институциональной, актуализируется влияние «кухонной» сетевой политики, «обретают полномочия простые заявления», и ничтожные «источники мягкой силы» становятся «мощными индукторами корпоративных политических полей». Консолидирующие последствия выбора частных лиц обретают реальную значимость «в обход государственной машины».

Схема рассуждений автора базируется на анализе топологического многообразия замкнутых множеств, флуктуаций переходных состояний, квантования, дискретизации пространственного единства. Бедленд описывает негативный цивилизационизм, не одаренный «божественными» добродетелями в условиях дикого развития. Он проявляется в формах бегства от культурной истории, требующей «не поступка, но бунта с печатью отверженности». Это, по В. В. Ильину, реванш колоний над метрополиями (накат аллохтонной волны, просачивание и укоренение этнических нелегалов, мигрантов, гастарбайтеров Юга в мегаполисы Севера и др.). Интенция бедленд, считает автор, состоит в том, чтобы разрушить, проглотить, перераспределить созданные гудленд богатства посредством изощренного арсенала средств: цивилизационной ренты, криминального захвата, террористических актов, анархистских движений, дестрадиционализации конфессий (Аум Синрикё¹), вооруженных атак (ИГИЛ², Хезболла и т. д.). В арсенале бедленд множество технологий социальной дисгармонии.

¹ Деятельность организации запрещена на территории Российской Федерации.

² Деятельность организации запрещена на территории Российской Федерации.

зации, разбалансировки слаженного ритма «вершения» истории. На арену выходит виртулентная, контрпродуктивная, контркультурная неигровая стихия, влекомая жизненно опасными фикциями.

Концепция «плавильного котла» в условиях современной ситуации не действенна. В наше интригующее время происходит причудливое переплетение здравого смысла и идеологии, рациональности и мифа. Пытливая ищущая мысль черпает вдохновение в собственной самостоятельности – способности выполнять возможные сценарии перспективного развития в условиях основополагающих структурообразующих тенденций. По точкам давления на контур гудленд просматриваются типологические репрезентативные осложнения. Это «посев из зева бедленд», захребетники, авантюристы, анархисты и другие носители достоинств стрикулистов «на их бесшабашном пути», такой контрфорс встречает гудленд. Аллохтоны (пришельцы), этнические нелегалы, маргиналы – грозная отчаянная, неуступчивая сила, которая, как считает автор, требует немедленной купирующей реакции.

Здравомыслие в социологии. Важнейший вклад в постижение идей понимающей социологии привнесен М. Вебером. Он отмечает, что у истоков понимания сущности «здравого смысла» в социологии лежат идеи «наиболее понятного» типа смысловой структуры действий, которые представляют собой действия, субъективно, строго, рационально ориентированных на средства, которые субъективно рассматриваются в качестве однозначно адекватных для достижения субъективно, однозначно и ясно постигнутых целей. Здесь, вообще, не идет речь о каком-либо объективно «правильном» или метафизически постигнутом «истинном» смысле. Этим эмпирические науки о действии – социология и история – отличаются от всех

догматических наук – юриспруденции, логики, этики, – которые стремятся обнаружить в своих объектах «правильный», «значимый» смысл. Для социологии же, как мы ее видим, а также для истории объектом постижения является именно смысловая связь действия [5, с. 75].

П. Бурдьё характеризует всякую социальную практику в отношении с другими практиками и рассматривает ее как процесс «исторического становления». Историзм в изучении становления социума, его структур – один из основных принципов его методологии. Временная структура практики действует, по мнению П. Бурдьё, как экран, препятствующий тотализации. Например, интервал между даром и ответным даром в любом обществе служит орудием психоаналитического отрицания, обеспечивает сосуществование в индивидуальном опыте и в общественном суждении совершенно противоположных друг другу – субъективного и объективного содержания. В качестве механизма, порождающего практики, П. Бурдьё использует понятие габитуса, в котором существует обнаруживаемый разрыв между «внешней» практикой и «внутренним» сознанием. Он, по мнению ученого, и есть конститутивный элемент совокупности социальных практик, фиксируемых социологией [3, с. 41]. Любое социологическое исследование, согласно П. Бурдьё, должно придерживаться нескольких основополагающих принципов, среди которых, во-первых, историзм и изучение становления объекта исследования; во-вторых, объективация исследовательской позиции и инструментария; в-третьих, радикальное сомнение и разрыв со здравым смыслом; в-четвертых, борьба за сохранение или изменение существующего порядка вещей. В силу выдвинутых критериев и приемов теоретизирования П. Бурдьё не только уходит от статусной позиции «здравого смысла» в социологии, но и подменяет

его новыми для социологического исследования инструментами, каким прежде всего выступает «габитус», а также «символический капитал», «социальное пространство», «поля», «практики». Таким образом, место «здорового смысла» у П. Бурдьё замещается понятием «практический смысл».

В. В. Ильин видит обновленную культурой массовой коммуникации дихотомию современного общества. Это распад, который фиксирует в первой дихотомической части цивилизационную разупорядоченность (аномию, образовательную, технологическую отсталость, ценностную замкнутость), а во второй части – ее противоположности (продвинутость, технологичность, ценностную открытость, толерантность). Этот распад человечности осуществляется в «ранге тривиальной аномии (тунеядство, распутность, преступность, безразличие, эскапизм и т. д.). К ним, отмечает В. В. Ильин, современность добавляет негативную статистику (рост немотивированной бытовой агрессии, неврозов и более тяжелых психических расстройств). Таким образом, реализуется «худшая из войн, в которой мы сами сражаемся с собою».

В целом здравый смысл – это прежде всего здравомыслие. Его нормальная суть характеризуется как форма мудрости. «Апофеоз здравого смысла, как опытно кристаллизирующаяся мудрость – житейски глубокое толкование явлений, сущность которых не совпадает с поверхностью» [16, с. 123]. Формула мудрости также включает базовые компоненты – это константы (компетенции, коммуникации, конвенции). Здравомыслие базируется на константах – качествах истины, правды, самоактуализации, развития, различении истины и лжи, общего и частного, интереса, добра и зла, не молчания о зле (не утаивания его проявлений), а идентификации на этой основе целей общего блага, циклов совершенствования человека, коллективно-личностных действий [14, с. 66–67].

Компетенции – это универсальные постоянности (качества) компетенции социальности в виде законов эффективной коллективности, производительности, экзистенциальности как особых констант [38, с. 104]. Проблемы компетентности занимают важное место в научной литературе. Они измеряются в версиях оценок социального контроля, всегда связанных с идеей порядка, представленного в идеологии, политике, социологии и культуре. Эти компетенции определяются в аспекте возрастания информатизации общества. Владение соответствующими технологиями связано с пониманием их применения, способами, доступными к критическому суждению в отношении информации, ее распространением массмедийными средствами и в рекламных практиках [3, с. 17]. Конвенции – это условия диалога, прямое взаимодействие «Я» с «Другим», а также договора, регулирующего отношения в соглашении для взаимного понимания и совместной деятельности. Коммуникации – это процесс общения, направленный на диалог и взаимодействие людей, процесс передачи информации, обмен ею.

На современном этапе достижений цивилизации в области обуздания пространства скоростью, мобильностью, предприимчивостью, инициативой даже в условиях «блокировок карантинной консервации» пандемии, когда коронавирусная коррозия цивилизационных приобретений влечет утраты «вследствие разложения коммуникативно-богатого *Milliumwelt*, знаменующего антропное возвышение над предметной хроногеометрией» [34, с. 148]. Тем не менее мобилизационный ресурс креативного творчества, интеллектуального напряжения дает надежды на успех в преодолении новых сложных проблем.

Заключение

Здравомыслие – это форма и качество мышления. В этом плане идеалы и нор-

мы здравомыслия не абсолютны, но они контролируются и санкционируются состоянием укорененности в повседневной жизни. Разумность людей обусловлена практической целесообразностью и жизненно оправданным поведением. Как коллективная контролирующая инстанция здравый смысл определяет меру разумного и бессмысленного, рационального и иррационального в суждении, за пределами которого начинаются процесс разрушения и деградация, превращение вида *Homo sapiens* в состояние (и даже вид) *Homo debilis*.

Здравомыслие исключительно значимо в роли коллективной, контролирующей физиолого-психической и рациональной инстанции в системе теоретического, эмпирического, практического, повседневно-обыденного, эволюционного и этнического разума в системе космопсихо-логосов этносов. Это определение фиксирует меру смысла и бессмысленного значения в человеческом действии. В этом качестве оно является базой социального контроля как механизма действия и социальной регуляции пространственных диспозиций власти и социума. Здравомыслие исключительно актуально в качестве особой формы защиты социума с позиции социальной состоятельности и создания определенных структур разных уровней. Здравомыслие предполагает сосредоточение на целях осмысления перестройки философских подходов и поиске выбора волн актуального сущего, в котором не только наука-техника, но и культура является важнейшим институтом социального контроля, выполнения функций – регулировать и контролировать.

Исключительно актуальна значимость обновленной культуры массовой коммуникации, фиксирующей дихотомию современного общества в варианте бедленд (badland) – гудленд (goodland). Она демонстрирует в первой части цивилизационную разупорядоченность (аномию, образовательную, технологическую отсталость, ценностную замкнутость), а во второй части – ее противоположность (продвинутость, технологичность, ценностную открытость, толерантность). Эта лексическая пара передает отношения двух множеств (бедленд – гудленд) в соответствии с проецированием контрастных видеоопределений, в оттенках богатой палитры неоднородности социальной реальности. В целом здравомыслие предполагает антропоинвестиции в сущее, которые включают влияние ценностного мира на культивацию рукотворных созданий. Здравомыслие в социальной философии базируется на единстве и единении базисных констант в картине мира: когнитивной, жизненной, духовной, технологической, экономической, социологической, коммуникационной.

В ряду компетенций духа наиболее «престижное» место занимает конструктивная креативность как производство и сотворение «неестественного». Компетенция духа в онтологическом плане предстает как проекция архитектуры миростроения по законам красоты, пропорциональности, симметрии. В праксеологическом плане она ориентирует архитектуру миростроения по законам гуманизма, свободы и равноправия. В антропологическом аспекте она ориентирует архитектуру миростроения на внутренние инициации самоотдачи, доверия и солидарности.

Список источников

1. Барулин В. С. Основы социально-философской антропологии. М.: Академкнига, 2002. 456 с.
2. Бахтин М. М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник. 1984–1985. М., 1986. С. 82–160.
3. Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.
4. Вартофский М. Модели и научное понимание. М.: Прогресс, 1988. 507 с.
5. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. М.: Изд. дом ВШЭ, 2016. Т. 1. 440 с.
6. Воронова О. Е., Трушин А. С. Глобальная информационная война против России: моногр. М.: Яуза-каталог, 2019. 320 с.
7. Выготский Л. С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999. 352 с.
8. Гагаев А. А., Гагаев П. А. Социализация и социальный контроль в Евразии. Наука и искусство. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2007. 340 с.
9. Гагаев А. А., Гагаев П. А. Философия здравого смысла. Критика оснований разума: в 4 кн. Кн. 3. Антропология, культурология, психология, критика реальности с позиции здравого смысла. М.: ЛЕНАНД, 2015. 448 с.
10. Гиренок Ф. И. Метафизика пата (косноязычие усталого человека). М.: Академ. Проект, 2014. 236 с.
11. Гусейнов А. А. М. М. Бахтин: нравственная философия поступка // М. М. Бахтин в современном мире: материалы VI Междунар. Саранских Бахтинских чтений, посвящ. 120-летию со дня рождения ученого, Саранск, 25–26 нояб. 2015 г. Саранск, 2016. С. 3–16.
12. Гуссерль Э. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. Феноменология внутреннего сознания времени. М.: Гнозис, 1994. 162 с.
13. Зиновьев А. А. Логическая социология. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2003. 399 с.
14. Ильин В. В., Кевбрин Б. Ф., Писачкин В. А. Макросоциология: учеб. Саранск: Тип «Крас. Окт.», 2004. 304 с.
15. Ильин В. В. Теория познания. Эвристика. Креатология: моногр. М.: Проспект, 2018. 176 с.
16. Ильин В. В. Теория познания. Критика инструментального разума. Speciosa Miracula: тотальный муравейник: моногр. М.: Проспект, 2020. 158 с.
17. Ильин В. В. Философия кризиса: новый векначало непонятной жизни // Российский гуманитарный журнал. 2021, Т. 10, № 3. С. 135–154.
18. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Сочинения: в 6 т. М., 1964, Т. 3. С. 69–799.
19. Коваль Т. В., Дюкова С. В. Глобальные компетенционный компонент функциональной грамотности // Отечественная и зарубежная педагогика. 2019, Т. 1, № 4. С. 112–123.
20. Кутырев В. А. Разум против человека (Философия выживания в эпоху постмодернизма). М.: ЧеРо, 1999. 230 с.
21. Лебедев С. А. Философия науки: учеб. пособие для магистров. М.: Юрайт, 2012. 288 с.
22. Лепский В. Е. Эволюция представлений в управлении (методологический и философский анализ). М.: Когнито-Центр, 2015. 107 с.
23. Макаревич Э. Ф., Карпунин О. И., Луков В. А. Социальный контроль масс. М.: Дрофа, 2007. 429 с.
24. Маклюэн М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М.: Гиперборея; Кучково поле, 2007. 464 с.
25. Мальченков С. А. Концептуальные основы цивилизационных трансформаций в современной социальной философии // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2021, Т. 21, № 4. С. 402–413.
26. Микешина Л. А. Эпистемология ценностей. М.: РОССПЭН, 2007. 439 с.
27. Налимов В. В. Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М.: Изд-во «Прометей» МГПИ им. В. И. Ленина, 1989. 221 с.
28. Налимов В. В., Дрогалина Ж. А. Реальность нереального. Вероятностная модель бессознательного. М.: Мир идей, 1995. 432 с.

29. Огурцов А. П. Постмодернистский образ человека и педагогика // Человек. 2001. № 3. С. 3–10.
30. Писачкин В. А. Пространство смысла в социальной топологии региона // Регионоведение. 2017, Т. 25, № 4. С. 656–669.
31. Писачкин В. А. Репрезентации в социальном пространстве региона // Siberian Socium. 2018. Т. 2, № 4. С. 8–19.
32. Поверинов И. Е., Писачкин Д. В. Социальный контроль: философские, социологические и правовые аспекты: моногр. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2011. 88 с.
33. Реймерс Н. Ф. Природопользование: словарь-справ. М.: Мысль, 1990. 637 с.
34. Скрипник А. П. Повесть о мудрых: Язык. Диалог. Мораль. М.: Прогресс-Традиция, 2020. 616 с.
35. Скрипник А. П. Моральное зло в истории культуры и этики. М.: Политиздат, 1992. 351 с.
36. Урри Дж. Офшоры. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2017. 288 с.
37. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: сб. М.: Высш. шк., 1991. 192 с.
38. Ханзина Е. Г. Проблема общественного порядка в воззрениях европейских философов Античности, Средневековья, Нового времени // Alma mater (Вестник высшей школы). 2018. № 10. С. 104–106.
39. Харари Ю. Н. Sapiens. Краткая история человечества. М.: Синдбад, 2018. 512 с.
40. Харари Ю. Н. Homo Deus. Краткая история будущего. М.: Синдбад, 2018. 496 с.
41. Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М.: Прогресс; Прогресс-Академия, 1992. 464 с.

References

1. Barulin V. S. Fundamentals of socio-philosophical anthropology. Moscow, 2002, 315 p. (In Russ.)
2. Bakhtin M. M. To the philosophy of action. *Filosofiya i sociologiya nauki i tekhniki. Ezhegodnik* = Philosophy and sociology of science and technology. Yearbook. 1984–1985. Moscow, 1986, P. 82–160. (In Russ.)
3. Bourdieu P. Practical sense. St. Petersburg, 2001, 562 p. (In Russ.)
4. Vartofsky M. Models and scientific understanding. Moscow, 1988, 507 p. (In Russ.)
5. Weber M. Economy and society: essays of understanding sociology. In 4 volumes. Moscow, 2016, Vol. 1. 440 p. (In Russ.)
6. Voronova O. E., Trushin A. S. Global information war against Russia. Monograph. Moscow, 2019, 320 p. (In Russ.)
7. Vygotzky L. S. Thinking and speech. Moscow, 1999, 352 p. (In Russ.)
8. Gagaev A. A., Gagaev P. A. Socialization and social control in Eurasia. Science and Art. Saransk, 2007, 340 p. (In Russ.)
9. Gagaev A. A., Gagaev P. A. Philosophy of common sense. Criticism of the foundations of reason. In 4 books. B. 3: Anthropology, Cultural Studies, Psychology, criticism of reality from the standpoint of common sense. Moscow, 2015, 448 p. (In Russ.)
10. Girenok F. I. Metaphysics of pat (tongue-tied tired person). Moscow, Academic Project, 2014, 236 p. (In Russ.)
11. Huseynov A. A. Bakhtin M. M.: the moral philosophy of an act. In: M. M. Bakhtin in the modern world: materials of the VI International. Saransk Bakhtin readings, dedicated. 120th anniversary of the scientist's birth, Saransk, November 25–26, 2015. Saransk, 2016, P. 3–16. (In Russ.)
12. Husserl E. The phenomenology of the inner consciousness of time. Collection of Work. Vol. 2. Moscow, 1994, 192 p. (In Russ.)
13. Zinoviev A. A. Logical Sociology. Moscow, 2003, 116 p. (In Russ.)
14. Ilyin V. V., Kevbrin B. F., Pisachkin V. A. Macrosociology: Studies. Saransk, 2004, 304 p. (In Russ.)
15. Ilyin V. V. Theory of cognition. Heuristics. Creatology: monograph. Moscow, 2018, 176 p. (In Russ.)
16. Ilyin V. V. Theory of cognition. Criticism of instrumental reason. Speciosa Miracula: total anthill: monograph Moscow, 2020, 160 p. (In Russ.)

17. Ilyin V. V. Philosophy of crisis: the new century is the beginning of an incomprehensible life. *Rossiiskij gumanitarnyj zhurnal* = Russian Humanitarian Journal, 2021, 10(3): 135–154. (In Russ.)
18. Kant I. Critique of pure reason. Moscow, 1964, Vol. 3. P. 69–799. (In Russ.)
19. Koval T. V., Dyukova S. V. Global competencies – a new component of functional literacy. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika* = Domestic and Foreign Pedagogy, 2019; Vol. 1, 4(61): 112–123. (In Russ.)
20. Kutyrev V. A. Reason against man (Philosophy of survival in the era of postmodernism). Moscow, 1999, 230 p. (In Russ.)
21. Lebedev S. A. Philosophy of science: a textbook for masters. Moscow, 2012, 288 p. (In Russ.)
22. Lepsky V. E. Evolution of representations in management (methodological and philosophical analysis). Moscow, 2015, 107 p. (In Russ.)
23. Makarevich E. F., Karpukhin O. I., Lukov V. A. Social control of the masses. Moscow, 2007, 429 p. (In Russ.)
24. McLuhan G. M. Understanding Media: External human extensions. Moscow, 2007, 464 p. (In Russ.)
25. Malchenkov S. A. Conceptual foundations of civilizational transformations in modern social philosophy. *Gumanitarian: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Humanities: actual problems of humanities and education. 2021; 21(5): 402–413. (In Russ.)
26. Mikeshina L. A. Epistemology of values. Moscow, 2007, 439 p. (In Russ.)
27. Nalimov V. V. Spontaneity of consciousness. Probabilistic theory of meanings and semantic architectonics of personality. Moscow, 1989, 221 p. (In Russ.)
28. Nalimov V. V., Drogalina J. A. The reality of the unreal. Probabilistic model of the unconscious. Moscow, 1995, 432 p. (In Russ.)
29. Ogurtsov A. P. Postmodern image of man and pedagogy. *Chelovek* = Human. 2001; 3: 9. (In Russ.)
30. Pisachkin V. A. The space of meaning in the social topology of the region. *Regionologiya* = Regionology. 2017; Vol. 25, 4(77): 656–669. (In Russ.)
31. Pisachkin V. A. Representations in the social space of the region. *Siberian Socium*. 2018; Vol. 2(4): 8–19. (In Russ.)
32. Poverinov I. E., Pisachkin D. V. Social control: philosophical, sociological and legal aspects: monograph. Saransk, 2011, p. 88. (In Russ.)
33. Reimers N. F. Nature management: Dictionary-reference. Moscow, 1990, 637 p. (In Russ.)
34. Skripnik A. P. The Tale of the Wise: Language. Dialogue. Morality. Moscow, 2020, 616 p. (In Russ.)
35. Skripnik A. P. Moral evil in the history of culture and ethics. Moscow, 1992, 351 p. (In Russ.)
36. Urri J. Offshore. Moscow, 2017, 288 p. (In Russ.)
37. Heidegger M. A. Conversation on a country road: A collection. Moscow, 1991, 192 p. (In Russ.)
38. Khanzina E. G. The problem of public order in the views of European philosophers of Antiquity, the Middle Ages, and Modern times. *Alma mater (Bulletin of the Higher School)*. 2018; 10: 104–106. (In Russ.)
39. Harariyu N. Sapiens. A brief history of mankind. Moscow, 2018, 512 p. (In Russ.)
40. Harariyu N. N. Homo Deus. A brief History of the Future. Moscow, 2018, 496 p. (In Russ.)
41. Huizinga J. Homo ludens. In the shadow of tomorrow. Moscow, 1992, 464 p. (In Russ.)

Поступила 14.06.2022.

Сведения об авторе

Писачкина Яна Семеновна – заведующий отделением по учебно-воспитательной работе. «Политехнический техникум № 47 им. В. Г. Федорова» (Москва, Россия). Сфера научных интересов: социальный контроль, социальное пространство, социальная ответственность, социальная компетентность, социальный порядок. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1895-6129>.

E-mail: iana_lipkina_91@mail.ru

About the author

Yana S. Pisachkina – Head, the Department for Teaching and Educational work, Polytechnic College No. 47 named after V. G. Fedorov (Moscow, Russia). Research interests: social control, social space, social responsibility, social competence, social order. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1895-612>.

E-mail: iana_lipkina_91@mail.ru

УДК 1. 130.3

*И. В. Емелькина**Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия), e-mail: zagirina71@yandex.ru*

Космо-психо-логос православия в условиях вызовов современности

Аннотация

Введение. Цель статьи – провести теоретический анализ космо-психо-логоса православия в условиях современных вызовов: политизации, секуляризации межрелигиозного диалога. Определить общий контур процессов государственно-религиозного взаимодействия на примере Саранской епархии Мордовской митрополии Русской православной церкви. Выявить наиболее значимые тенденции современной трансформации религиозного (православного) самосознания, влияние на это процессов глобализации. Обосновать необходимость обращения к изучению космо-психо-логоса православия.

Материалы и методы. Решение исследовательских задач обеспечивалось комплексом взаимодополняющих теоретических (анализ научной литературы по изучаемой проблеме, сравнительный анализ, сопоставление, обобщение, систематизация) и эмпирических (метод экспертных оценок) методов.

Результаты исследования. Сделан ряд предварительных замечаний, указывающих на особенности рассматриваемой проблемы. Отдельными экспертами вопросы религиозного самосознания воспринимаются очень остро. Появляются работы, в которых внимание уделяется не столько постижению сущности феномена, сколько его политизированной интерпретации. Отмечены позитивные (сохранение религиозных традиций) и негативные (новые формы атеизма, синкретизма) тенденции в развитии религиозного самосознания российского народа. Выявлены изменения религиозного самосознания в условиях трансформации российского общества, а также их последствия. Сделан вывод, что развитие религиозного самосознания в условиях глобализации достаточно благополучно осуществляется, но требует серьезного исследования.

Обсуждение и заключение. Религиозное самосознание связано с развитием и конструированием собственной идентичности. Последние два десятилетия под влиянием ряда факторов религиозное самосознание подвергается трансформации. Несмотря на положительную динамику в области развития религиозного сознания, в представлении населения Республики Мордовия стали наблюдаться явления, препятствующие сохранению религиозной идентичности (секуляризация). Катализатором этих тенденций становятся глобализация, влияние СМИ, массмедиа, тиражирующие образцы нового поведения. В соответствии с этим необходима грамотная и теоретически продуманная внешняя и охватывающая все сферы жизни систематическая деятельность всех структур общества, реагирующая на изменения в социуме.

Ключевые слова: космо-психо-логос, православие, глобализация, традиции, государство, концепт, православные ценности, архетипические представления, культура, божественный мир, общность, логос.

Для цитирования: Емелькина И. В. Космо-психо-логос православия в условиях вызовов современности // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2022. Т. 22, № 4. С. 441–449. DOI: 10.15507/2078-9823.060.022.202204.441-449.

Cosmo-psycho-logos of Orthodoxy in the Context of Modern Challenges

Abstract

Introduction. The purpose of the article is to conduct a theoretical analysis of the cosmo-psycho-logos of Orthodoxy in the context of modern challenges: politicization, secularization of interreligious dialogue. To determine the general outline of the processes of state-religious interaction on the example of the Mordovian and Saransk diocese. To identify the most significant trends in the modern transformation of religious (Orthodox) self-consciousness, the impact of globalization processes on this. To substantiate the need to turn to the study of cosmo-psycho-logos of Orthodoxy.

Materials and Methods. The solution of research tasks was provided by a complex of complementary theoretical (analysis of scientific literature on the studied problem, comparative analysis, comparison, generalization, systematization) and empirical (expert evaluation method) methods.

Results. A number of preliminary remarks were made indicating the peculiarities of the problem under consideration (some experts perceive the issues of religious self-awareness very acutely. There are works in which attention is paid not so much to the comprehension of the essence of the phenomenon as to its politicized interpretation). Positive (preservation of religious traditions) and negative (new forms of atheism, syncretism) trends in the development of religious consciousness of the Russian people are noted. The changes of religious self-consciousness in the conditions of transformation of Russian society, as well as their consequences, are revealed. The conclusion is made that the development of religious self-consciousness in the conditions of globalization is quite successfully carried out, but requires serious research.

Discussion and Conclusion. Religious self-awareness is associated with the development and construction of one's own identity. Over the past two decades, under the influence of a number of factors, religious consciousness has been undergoing transformation. Despite the positive dynamics in the development of religious consciousness, the population of the Republic of Mordovia began to observe phenomena that hinder the preservation of religious identity (secularization). The catalyst for these trends is globalization, the influence of mass media, mass media, replicating patterns of new behavior. In accordance with this, a competent and theoretically thought-out external and systematic activity of all structures of society covering all spheres of life, responding to changes in society, is necessary.

Keywords: cosmo-psycho-logos, Orthodoxy, globalization, traditions, state, concept, orthodox values, archetypal representations, culture, divine world, conciliarity, logos.

For citation: Emelkina I. V. Cosmo-psycho-logos of Orthodoxy in the context of modern challenges. *Gumanitarian: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2022; 22(4): 441–449. (In Russ.). DOI: 10.15507/2078-9823.060.022.202204.441-449.

Введение

Духовная сфера российского общества сегодня подвергается значительным изменениям. В этих условиях сложно обозначить такой фактор, который бы играл устойчивую роль в смысле сохранения традиций и традиционных для российского общества ценностей. Россия – многоконфессиональная страна, но у истоков государственности и цивилизации стояло православие, общую

конструкцию которого определяла идея космо-психо-логоса православия – глубинная структура или совокупность структур, определявших все стороны жизни человека в обществе.

В условиях вызовов современного российского общества, таких как разрушение традиционных ценностей нравственности, доминирование секулярных тенденций, главной целью становится нахождение то-

чек соприкосновения и ответов на общие вызовы.

Православная церковь в этих условиях ведет активный диалог и ищет формы сотрудничества и взаимодействия, которые позволят устранить заблуждения и непонимание. В процессе ведения диалога представители православной церкви предпринимают попытки разграничения среды и указания на те сферы, где достижение согласия возможно, а где маловероятно. Поэтому для православной церкви вызовами становятся политизация, либерализация, секуляризация межрелигиозного диалога.

В современном мире однозначно очевидны попытки изменения основ православия, внесения изменений в вероучительные положения, привнесение в учение новых представлений, почерпнутых из других религий.

В будущем, как отмечают ученые, возрастет идентификационная функция православия в связи с тем, что она будет реализовываться на индивидуальном и цивилизационном уровне.

В связи с этим нами предпринята попытка изучить «психологос православия», проанализировав основные идеи и концепты в русской духовной культуре, несущие православно-архетипическую смысловую нагрузку, и описать социальные формы универсальных психологосов православия в русском социокультурном процессе.

Антропологические аспекты данной темы развивались П. В. Знаменским, А. В. Карташевым, В. О. Ключевским, А. Нечволодовым, С. М. Соловьевым, С. Зариным, И. М. Концевичем, С. Смирновым, Аксаковыми, С. Н. Булгаковым, Н. А. Бердяевым, Н. Я. Данилевским, Ф. М. Достоевским, И. А. Ильиным православие преподносилось как фундамент духовной культуры, общества и государства. В контексте русской религиозной филосо-

фии и антропологии Ю. М. Гончаровым, О. Долженко, М. В. Ждановой осмысливались идеалы семьи, образования, воспитания, детства и спектр проблем традиционной семьи как онтологические аспекты бытия. В свете сохранения православных традиций в аспектах воспитания детей, молодежи содержатся в работах О. Николаевой, И. Медведевой и Т. Шишовой. А. Г. Асмолова, Ю.Н. Давыдова.

В области исследования теоретических проблем космо-психо-логоса очень мало работ. Одна из них принадлежит Г. Гачеву – «Национальные образы мира. Космо-психологос», в которой он обозначил это понятие.

Отдельные теоретические проблемы космо-психо-логоса затрагивались С. И. Вавиловым, Е. М. Верещагиным, В. И. Вернадским, Л. Н. Гумилевым, Н. Я. Данилевским, В. Г. Костомаровым, Ю. Г. Марковым, Д. И. Менделеевым. Среди западных авторов следует выделить П. Т. де Шардена, О. Шпенглера, К. Ясперса. В их трудах присутствуют отдельные вопросы миропонимания. Исходя из этого можно констатировать, что данная тема недостаточно раскрыта, потому нуждается в дальнейшей разработке.

Понятию «психологос» в истории и теории философии предшествовали такие категории, как «архетип», «эйдос». В разные исторические эпохи при помощи идеи психологоса отражали онтологические, гносеологические аспекты, процессы трансформации бытия. Понятие психологоса выражает важные, а иногда и системообразующие идеи как древних, так и современных философских учений. Доказано, что социальные процессы и явления, мыслящиеся в категориях повторения, продолжения или преобразования социального опыта, могут быть успешно осмыслены, проанализированы и концептуализированы при помощи категории «психологос», важнейшими структурными элементами которого выступают цели

и смыслы социального действия, связанного с системой православных ценностей [2; 3].

Для научного знания характерна полипарадигмальность, в контексте которой могут синхронно использоваться несколько терминов, в результате чего возникает необходимость выработки синтезированно-обобщенного представления о том или ином феномене в целях достижения межпарадигмального диалога.

Материалы и методы

Строятся на анализе, синтезе, абстрагировании, обобщении, аналогии. Используются описание, сравнение, структурный, трансцендентный, феноменологический методы. Объединяющей методологической идеей является методология системного анализа.

Результаты исследования

Состоят в определении и уточнении содержания понятия «космо-психо-логос православия», которое позволяет использовать средства и методы социальной философии к решению религиоведческих, антропологических, теологических, а также собственно философских проблем, связанных с духовным бытием, институтами и ценностями современного российского общества [2; 3].

То, что подразумевается под психологосом, придает аспект цельности отдельной личности, народу в целом, культуре России. Его можно представить как нечто субстанционально-родовое, лежащее в самой глубине. Или атрибутивное (национальное/культурное), представляющее собой сооружение из символов, понятий, образов и представлений, в мире которых живем мы, познающие мир, образно выражаясь, располагающиеся на самой вершине. Таким образом, «психологос православия» – это в определенном смысле «поле субстанциональности» или «организующий фон». Иначе выражаясь, сердцевина, душа на-

рода, которая формирует отдельного человека, народ, культуру в целом, мир. Это воспроизведение пространства в виде ощущений, представлений православного человека о действительности или понятийное воспроизведение реальности, связанное с данными представлениями, выраженное через концепты, образы. В воспроизведении бытия «логос» означает представление, «психея» – рефлексию. Данные понятия в таком отражении позволяют нам воссоздать некую целостность. Душа – это национальный характер, а логос – склад мышления, тип логики.

Каждый из нас может реализовать свою позицию двояко: как некий интуитивный прорыв, устремляющий нас к истине. Это происходит в том случае, если человек в своих познавательных актах отталкивается от своей родовой субстанциональной основы, выступая за ее пределы и внося изменения в свою субстанциональность, но не отрывается от почвы. Либо, если этого не происходит, может восприниматься как поверхностный отрыв от корней.

В целом данное понятие может претендовать на статус категории, несущей православно-архетипическую смысловую нагрузку и определяющей социальные формы универсальных психологосов православия в русском социокультурном процессе.

Религиозные традиции – это некий субстрат духовной культуры русского/российского общества, передающийся в виде социального опыта от одного поколения к другому, выразившийся в русском самосознании как идеал нравственной жизни. Не все образы позволяет рассмотреть объем данной статьи, но следует отметить, что мы могли бы обратиться к образам христианских святых воинов, великомучеников, святых женщин, жен.

Видение мира действительного в контексте психологоса православия – это модель поведения, включающая образы Спасителя,

Церкви, Богородицы, святых. Образ мира в ней – система, формирующаяся концептами: Бог, божественный мир, церковь, душа.

Обобщая изложенное, отметим, что видение мира действительного с точки зрения психолога православия давало представление о некоей модели поведения как истине, ключевую роль в которой играли образы Спасителя, Церкви, Богородицы, святых.

Диалектика индивидуального и всеобщего в контексте содержания психолога православия отражает многообразие и сложность как бытия, так и сознания людей. История общества убедительно свидетельствует о том, что с изменением бытия меняется сознание. Тем не менее отметим и то, что сознание обладает некоторой самостоятельностью, поскольку каждый человек остается самим собой. Поэтому общество производно от личности, а личность есть духовное существо, несущее в себе образ Божий. Органичное сочетание общего, социального и единичного, личного нашло выражение в понятии «соборности» – центральной темы Русской идеи. Фундаментальная идея православного верования – идея всеединства – выражена в понятиях Святой Троицы и всемирного спасения. В них православное сознание выразило свою жажду всеобщности.

Итак, цели, ценности, смысловые ориентиры, повлиявшие на формирование психолога православия, можно условно разграничить по трем группам. Первая – ценности, связанные с повседневной жизнью и прежде всего с семьей (дом, благополучие, счастье детей и др.). Вторая – ценности, имеющие отношение к социальному строю (идея всеединства или соборности, выраженная в понятии Святой Троицы). Третья группа включала ценности, связанные с индивидуальной и обще-

ственной жизнью человека и утверждением в обществе христианского миропонимания (Любовь, добро, красота как высший идеал в деле нравственного совершенствования каждого человека и общества в целом: христианское преображение мира на началах добра, истины и красоты).

Из сказанного следует, что в обстоятельствах значительных изменений в области духовной сферы российского общества важно объективно воспринимать религию как фактор, который играет стабилизирующую роль.

Вызовами для православной церкви становятся: политизация, либерализация, секуляризация межрелигиозного диалога. Несмотря на вызовы, православная церковь пытается наладить активный диалог, найти эффективные формы сотрудничества и взаимодействия.

Обобщая опыт нашего региона, мы можем утверждать, что в Республике Мордовия проделана и продолжает вестись необходимая работа в этом направлении. В течение ряда лет успешно строится и развивается сотрудничество Саранского епархиального управления с органами исполнительной власти. В республике действует Общественный Совет по развитию православной культуры при Главе Республики Мордовия, координирующий связи Мордовской митрополии с общественностью¹. Благодаря деятельности Общественного Совета по развитию православной культуры при Главе Республики Мордовия реализована региональная программа изучения православной культуры; создан учебник по основам православной культуры, включающий этнокультурный компонент содержания образования. В Саранске действует Межрегиональный координационный центр по работе с православной молоде-

¹ Отчет о деятельности Саранского духовного училища за 2017 год. URL: <https://e-mordovia.ru/o-mordovii/obshchaya-informatsiya/obrazovanie-i-nauka/seminariya-sarep/>.

жью Приволжского федерального округа. Подписано Соглашение о сотрудничестве между советом ректоров вузов Республики Мордовия и епархиями, входящими в состав Мордовской митрополии.

В партнерстве с Мордовской митрополией Русской православной церкви в 2016 г. в Мордовском государственном университете им. Н. П. Огарёва при поддержке Министерства образования и Министерства по национальной политике Республики Мордовия создан Научно-исследовательский и экспертно-консультативный Центр по духовно-нравственному воспитанию и образованию. Одна из задач деятельности Центра – консолидация усилий Церкви, государства и общества в сфере духовно-нравственного воспитания населения, экспертная поддержка мероприятий и инициатив в рамках государственной программы по духовно-нравственному воспитанию детей и молодежи Республики Мордовия.

Саранская духовная семинария ставит перед собой задачи подготовки качественных специалистов в области православной теологии, готовых работать в различных сферах образовательной, научной и общественной деятельности. Программы подготовки служителей Русской православной церкви, специалистов в области православного богословия и теологии Саранской духовной семинарии преимущественно ориентированы на удовлетворение потребностей трех епархий Республики Мордовия (Саранской и Мордовской, Краснослободской и Темниковской, Ардатовской и Атяшевской) в священнослужителях и церковнослужителях, а также в преподавателях воскресных школ и православных

гимназий. Помимо представителей названных епархий, в семинарии также проходят подготовку священнослужители и прихожане храмов других епархий Приволжского федерального округа и иных регионов Российской Федерации².

Резюмируя сказанное, мы можем утверждать, что с 90-х гг. XX в. изменился не только характер деятельности Церкви, но и ее формы, принципы. Мы предполагаем, что это повлечет за собой существенные изменения сознания представителей отечественного социума по отношению к Церкви и ее представителям.

Во-первых, усилились масштабы работы в области благотворительности, миротворчества, социального, культурно-просветительского взаимодействия государства и Церкви. В документе «Основы социальной концепции Русской православной церкви» концептуализированы важные вопросы церковно-государственных отношений: экологии, биоэтики, войны и мира, семейных отношений. Таким образом, сферой деятельности Церкви становится решение глобальных проблем человечества. Церковь демонстрирует высокую компетентность в процессах внутреннего развития и вопросах модернизации института духовенства.

Все это было продиктовано многовековой традицией участия Церкви в консолидации общества в сложные исторические периоды; миссией Церкви по сохранению нравственных устоев и норм общественной жизни, формированию нравственного климата в обществе. В то же время это было своеобразным откликом православной церкви на развитие тенденций постмодернизма, секуляризации.

² Об утверждении государственной программы Республики Мордовия «Развитие образования в Республике Мордовия» на 2014–2025 годы: Постановление Правительства Республики Мордовия от 4 октября 2013 г. № 451 // Гарант: справ.-правовая система. Версия Проф. М., 2022. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Мордов. гос. ун-та им. Н. П. Огарёва.

Во-вторых, в это время начало осуществляться сотрудничество с различными ведомствами, на основе действующего законодательства заключались федеральные и региональные договоры и соглашения, что происходит и по настоящий день. Все это говорит о возвращении православной церкви высокого социального статуса, роли «культурного стержня» нации, полноправного участника социально-культурных коммуникаций.

В-третьих, основными формами взаимодействия в области церковно-государственных отношений стали соработничество, партнерство, сотрудничество, диалог, форумы, работа духовно-просветительских центров. Причем это делалось не только на уровне Московской патриархии, но и на уровне митрополий и епархий в регионах, в том числе в Республике Мордовия.

В-четвертых, увеличение роли религиозных организаций как социальных институтов современного общества, возрастание их авторитета.

Таким образом, Русская православная церковь – один из социальных институтов, реализующих функцию попечения о духовно-нравственном состоянии общества³.

Русская православная церковь в современном кризисном цивилизационном пространстве выполняет роль ключевого носителя системообразующих ценностей и интегратора. Реализация этой ее роли невозможна без открытости светскому обществу. Мы полагаем, что она останется значимой для многих россиян и в последующем будет способствовать смягчению общественных отношений, ориентации граждан на приоритет духовных ценностей над материальными.

В плане перспектив развития и совер-

шенствования церковно-государственных взаимоотношений, в том числе в Республике Мордовия, видится целесообразным:

1. Оказывать поддержку инициативам, направленным на духовно-нравственное воспитание детей и молодежи, в целях формирования гражданской позиции, нравственных установок современной молодежи.

2. Организовывать работу групп с привлечением педагогов, психологов, служителей Русской православной церкви, представителей органов власти и местного самоуправления, общественных организаций для разработки контента духовно-нравственного содержания, который можно использовать для воспитания молодежи на основании православных ценностей.

5. Воспитывать молодое поколение в духе православных духовно-нравственных ценностей, просвещения и образования молодежи, укрепления физического здоровья; обеспечивать вовлечение молодежи в деятельность приходов, епархиальных отделов Русской православной церкви.

6. Содействовать в организации клубов общения молодежи в вузах для просвещения в делах устроения прочной семьи и обретения дружбы с участием врача, священника, педагога, работника социальной службы и представителя общественной организации по вопросам семьи. С целью укрепления нравственной культуры современного студента рекомендовать введение курсов «Православная педагогика», «Педагогика семейных отношений», «Психология православной личности» в вузах Республики Мордовия.

7. Тиражировать опыт работы необходимо на сайтах Мордовской митрополии, Саранской духовной семинарии, в вузах, в средствах массовой информации, в виде из-

³ Об утверждении государственной программы Республики Мордовия «Развитие образования в Республике Мордовия» на 2014–2025 годы: Постановление Правительства Республики Мордовия от 4 октября 2013 г. № 451.

дания материалов конференций и методических пособий, в форме презентационных мероприятий в социальных сетях и т. д.

Обсуждение и заключение

Изучение психологоса и психологоса православия выходит за рамки философского знания, но актуализация вопроса о месте человека в мире, его взаимоотношениях в социуме побуждает нас к поиску нового инструментария, свежих ракурсов в решении данной проблемы. Мы не можем руководствоваться однозначным видением, толкованием и осмыслением таких сложных явлений, как психологос. Несмотря на то что новое знание еще не приняло своей развитой формы, мы должны, опираясь на имеющиеся немногочисленные исследования, развивать его.

В условиях попыток изменения основ православия важно не только конкретизировать содержание концепта «психологос православия», но и акцентировать на нем внимание в условиях стремительно распространяющейся «новой религиозности» [1; 4].

Таким образом, искомая целостность бытия православного человека может быть обозначена как психологос. Термин «психологос православия» сегодня соотносится с понятием «архетип православия» в значении «сердцевина, душа народа, которая формирует отдельного человека, народ, культуру в целом, мир»; придает аспект цельности культуре России.

В контексте психологоса православия модель поведения включает образы Спа-

сителя, Церкви, Богородицы, святых. Образ мира представляет собой систему, формируемую концептами *Бог, божественный мир, церковь, душа*.

Цели, ценности, смысловые ориентиры, определившие психологос православия, разграничиваются по группам: первая связана с повседневной жизнью и с семьей; вторая – с социальным строем; третья группа – с индивидуальной и общественной жизнью человека и утверждением в обществе христианского миропонимания. Мир действительного в контексте психологоса православия предусматривает некую модель поведения как истину, в которой образ Спасителя, Богородицы, святых – это ориентиры преобразования или самосовершенствования внутри концептосферы.

Таким образом, психологос православия – это метатеоретическая категория, универсалия, несущая православно-архетипическую смысловую нагрузку и определяющая социальные формы универсальных психологосов православия в русском/российском социокультурном процессе. Психологос православия как основа жизни народа способен обеспечить духовное воспроизводство традиций и норм общества, препятствовать трансформации архетипических представлений в условиях плюрализма в понимании идентичности. В качестве культурфилософской универсалии психологос православия может использоваться как понятие, содействующее междисциплинарному диалогу.

Список источников

1. Воронцова И. В. Основопологающие черты христианского модернизма (конец XIX – начало XX в.) // Вопросы философии. 2010. № 10. С. 55–62.
2. Лаза В. Д. Православие в современном мире: ценности и социальный архетип. М.: Центр стратег. конъюнктуры; изд. Воробьев А. В., 2013. 220 с.
3. Лаза В. Д. Социальный архетип православия в современной России: автореф. дис. ... д-ра филос. наук / ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет». Белгород, 2013. 22 с.

4. Яковенко И. А. Тенденции развития религиозного сознания в современной России // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012. № 1. С. 40–48. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-religioznogo-soznaniya-v-sovremennoy-rossii>.

References

1. Vorontsova I. V. Foundational Features of Christian Modernism (late 19th – early 20th century). *Voprosy filosofii* = The Questions of Philosophy. 2010; 10: 55–62. (In Russ.)
2. Laza V. D. Orthodoxy in the Modern World: Values and Social Archetype. Moscow, 2013, 220 p. (In Russ.)
3. Laza V. D. Social archetype of Orthodoxy in modern Russia: Doc. Sci. (Phil.) Dissertation. Belgorod, 2013, 22 p. (In Russ.)
4. Yakovenko I. A. Trends in the development of religious consciousness in Russia. Electronic data. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-religioznogo-soznaniya-v-sovremennoy-rossii> (accessed 10.03.2022). (In Russ.)

Поступила 08.07.2022.

Сведения об авторе

Емелькина Ирина Владимировна – доктор философских наук, профессор кафедры философии, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва. Область научных интересов: философия образования и воспитания; социально-философский анализ менталитета, логика. Автор более 130 научных и учебно-методических публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0071-0163>.

E-mail: zagirina71@yandex.ru

Submitted 08.07.2022.

About the author

Irina V. Emelkina – Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia). Research interests: philosophy of education and upbringing; socio-philosophical analysis of mentality, logic. The author of more than 130 scientific and educational publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0071-0163>.

E-mail: zagirina71@yandex.ru

УДК 261.6

Н. В. Жадунова

*Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия), e-mail: zhadunovan@mail.ru*

Брак и партнерство в современных протестантских деноминациях: от христианских канонов к новым нормам*

Аннотация

Введение. Проблема признания однополых браков и партнерств в последние десятилетия приобретает особую остроту в общественном дискурсе. Высказываются полярные точки зрения: от недопустимости гомосексуальных браков до их легализации и необходимости церковного освящения таких союзов. Христианские церкви сегодня вынуждены публично обозначать свою позицию в отношении гомосексуальных браков и партнерств, определяя границы взаимодействия прихожан и священнослужителей, сталкивающихся с такого рода вопросами. Некоторые протестантские деноминации в Европе и Америке признают однополые браки, аргументируя свою позицию не каноническими нормами христианства, а концепцией прав человека, свободой выбора и автономией личности, а также законодательством тех стран, где такие союзы уже легализованы. Цель статьи заключается в изучении подходов, сложившихся в различных протестантских деноминациях в отношении проблемы признания однополых браков и партнерств.

Материалы и методы. Анализ вероучительных документов, социальных концепций протестантских церквей, контент-анализ публичных заявлений представителей различных протестантских общин позволили выявить особенности отношения к проблеме однополых браков и партнерств на современном этапе.

Результаты исследования. Представлены позиции различных протестантских деноминаций в отношении однополых браков, определены основные подходы к процессам нормативного регулирования данной проблемы в церкви, которые обусловлены влиянием светского законодательства и сложившейся системой ценностей в странах, где распространен протестантизм.

Обсуждение и заключение. Изменение норм и дисциплинарных правил как в светской, так и в церковной жизни является закономерным процессом общественного развития. Нормы, регламентирующие отношения между полами, вопросы брака и семьи, правила, устанавливающие границы допустимого и недопустимого в социальном поведении, всегда были предметом дискуссий, изменений, отмены. Проблема однополых браков и их признания со стороны христианских церквей, с одной стороны, демонстрирует нормативную трансформацию в морали, религии и праве, с другой – характеризует отказ от христианских канонов в пользу концепции прав человека и «новой этики».

Ключевые слова: протестантизм, христианство, каноны, нормативные документы протестантских деноминаций, однополые браки и партнерства, мораль.

* Статья подготовлена на основании доклада, сделанного на XIII Международной научной конференции «Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы – 2021. ЭТИКА КАК НАУКА И ПРОФЕССИЯ» в Санкт-Петербургском государственном университете (Санкт-Петербург, 8–10 ноября 2021 г.).

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 21-011-44239).

Для цитирования: Жадунова Н. В. Брак и партнерство в современных протестантских деноминациях: от христианских канонов к новым нормам // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2022. Т. 22, № 4. С. 450–458. DOI: 10.15507/2078-9823.060.022.202204.450-458

Natalia V. Zhadunova

*National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia),
e-mail: zhadunovan@mail.ru*

Marriage and Partnership in Modern Protestant Denominations: From Christian Canons to New Norms

Abstract

Introduction. The problem of recognition of same-sex marriages and partnerships in recent decades has become particularly acute in public discourse. Polar points of view are expressed: from the inadmissibility of homosexual marriages to the legalization of same-sex relationships and the need for church consecration of such unions. Christian churches today are forced to publicly state their position regarding homosexual marriages and partnerships, defining the boundaries of interaction between parishioners and clergymen who are faced with such issues. Some Protestant denominations in Europe and America recognize same-sex marriages, arguing their position not with the canonical norms of Christianity, but with the concept of human rights, freedom of choice and individual autonomy, as well as the laws of those countries where such unions are already legalized. The purpose of the article is to study the approaches that have developed in various Protestant denominations regarding the problem of recognizing same-sex marriages and partnerships.

Materials and Methods. Analysis of doctrinal documents, social concepts of Protestant churches, content analysis of public statements of representatives of various Protestant communities made it possible to identify the peculiarities of attitudes towards the problem of same-sex marriages and partnerships at the present stage.

Results. The positions of various Protestant denominations regarding same-sex marriages and partnerships are presented, the main approaches to the processes of regulation of this problem in the church are identified. These approaches are due to the influence of secular legislation and the prevailing system of values in countries where Protestantism is widespread.

Discussion and Conclusion. Changing the norms and disciplinary rules in both secular and church life is a natural process of social development. The norms governing relations between the sexes, issues of marriage and the family, the rules that set the boundaries of what is acceptable and what is unacceptable in social behavior, have always been the subject of discussion, change, abolition and recognition. The problem of same-sex marriage and recognition from Christian churches, on the one hand, demonstrates a normative transformation in morality, religion and law, on the other hand, characterizes the rejection of Christian canons in favor of the concept of human rights and “new ethics”.

Keywords: Protestantism, Christianity, canons, normative documents of Protestant denominations, same-sex marriages and partnerships, morality.

Acknowledgments: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research (Project No. 21-011-44239).

For citation: Zhadunova N. V. Marriage and partnership in modern Protestant denominations: from Christian canons to new norms. *Gumanitarian: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = *Russian Journal of the Humanities*. 2022; 22(4): 450–458. (In Russ.). DOI: 10.15507/2078-9823.060.022.202204.450-458.

Введение

На рубеже XX–XXI вв. традиционные взгляды на брак как союз мужчины и женщины¹, сложившиеся еще в римском праве и раннем христианстве, стали предметом обсуждений и споров. Возникшая проблема признания однополых браков приобретает особую остроту в общественном дискурсе. Высказываются полярные точки зрения: от недопустимости гомосексуальных отношений в целом, тем более однополых браков и партнерств, до их легализации и необходимости церковного освящения таких союзов. Христианские конфессии сегодня вынуждены публично обозначать свою позицию в отношении этой проблемы. Некоторые из них, в частности ряд протестантских деноминаций, признают однополые союзы, благословляют их и осуществляют обряд венчания, аргументируя свою позицию не каноническими нормами и ссылками на Священное писание, а концепцией прав человека, автономией личности и ее правом свободного выбора брачного партнера.

Понятие однополого брака противоречит каноническим нормам, сложившимся в католичестве, православии и протестантизме на основе библейских норм, решений соборов, учений отцов Церкви, вероучительных документов. Однако сегодня в протестантизме вопрос о допустимости гомосексуальных союзов решается положительно, особенно в тех странах, где на государственном уровне такие союзы уже легализованы.

Цель данной статьи – выявить основные подходы, сложившиеся в различных протестантских деноминациях в отношении проблемы признания однополых браков и партнерств, изучить динамику нормативно-

го регулирования вопросов брака в протестантизме на современном этапе.

Обзор литературы

Вариативность регулирования брачно-семейных отношений в протестантизме определяется разнообразием позиций его представителей. Основой для принятия решений в различных протестантских конфессиях служат вероучительные документы, а также социальные концепции протестантских церквей.

В научной литературе представлены отдельные исследования, посвященные вопросам брака в протестантизме в целом и однополым бракам и партнерствам в частности. Историки, социологи, религиоведы анализируют их в контексте учений известных протестантских мыслителей, норм канонического права и роли протестантизма в развитии современного общества (Н. А. Воронина [4], А. И. Ивченков [5], С. Леттмайер [9], А. Perzyński [10] и др.). Специалисты в области права рассматривают эту проблематику через призму соблюдения конституционных принципов в разных странах, развития норм семейного права, концепции прав человека (С. О. Алексеева [1], А. Ю. Акимова [2], О. М. Болдырева [3], А. А. Исаева [6], О. Н. Кряжкова², Д. И. Чуева [8] и др.).

Исследователи отмечают, что можно говорить о достаточно четкой тенденции признания нетрадиционных браков в Западной Европе, странах Скандинавии, Южной и Северной Америки [6], т. е. в тех странах, где достаточно большое число протестантских общин. В ряде работ анализируются проблемы, связанные не только с легализацией однополых союзов, но и с четким разграничением понятий «однопо-

¹ Во многих христианских конфессиях вплоть до начала XXI в. использовалось определение, данное в «Дигестах» Юстиниана: «Брак есть союз мужа и жены...».

² Кряжкова О. Н. Новый раунд борьбы за права сексуальных меньшинств: комментарий к Постановлению Конституционного Суда России от 23 сентября 2014 года № 24-П // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 6. С. 123–131.

лый брак» и «однополое партнерство», а также социального и правового статуса людей, вступивших в такие отношения. Так, С. О. Алексеева в работе «Коллизионно-правовое регулирование заключения трансграничного брака и его расторжения» [1] отмечает, что однополое партнерство, достаточно распространенное в европейских странах, не является браком и эта коллизия требует законодательного разрешения. А. С. Назарова в статье «Правовое регулирование нетрадиционных семейных союзов в США»³ пишет, что в США, где признаны однополые партнерства, остается открытым прагматичный вопрос о гарантировании «однополом парам некоторых прав и обязанностей, что позволило решить ряд проблем: раздел имущества, посещение больниц, вопросы наследования имущества, а также другие сложности, вызванные отсутствием правового признания однополых союзов» [7, с. 83].

Материалы и методы

Основным методом исследования является анализ вероучительных и иных нормативных документов протестантских церквей в России и за рубежом, в которых обозначены позиции в отношении допустимости или недопустимости гомосексуальных браков и партнерств, осуществления церковных обрядов обручения и венчания таких союзов. Также применялся метод контент-анализа, направленный на изучение текстов социальных концепций протестантских церквей, публичных высказываний и официальных заявлений представителей протестантских общин по вопросам регулирования брачно-семейных отношений. Использование этих методов позволило

выявить специфику нормативного регулирования проблемы однополых браков в различных протестантских общинах, сделать выводы о том, какое влияние оказывают на них нормы светского права, социокультурные особенности тех стран, где они ведут миссионерскую деятельность.

Материалами исследования послужили вероучительные документы протестантских церквей: «Аугсбургское исповедание» (1530), «Шмалькаldenские члены» (1537), «Катехизисы» Мартина Лютера (1528, 1529); «Гейдельбергский катехизис» (1562) и «Галликанское исповедание» (1551), «39 Статей о религии»⁴ (1563), а также «Книга канонов» (1604) англиканской церкви⁵ и др. В указанных вероучительных документах дается четкое определение брака как священного союза одного мужчины и одной женщины. В современных нормативных документах протестантских церквей уже не существует единого мнения по поводу того, что такое брак, кто и когда имеет право вступать в брак. Поскольку решения, необходимые для регламентации меняющихся социальных практик, принимаются общим собранием членов протестантских общин или церковными служителями, которым община делегирует это право, решения принимаются разные.

Были проанализированы электронные и печатные СМИ, официальные русскоязычные интернет-ресурсы протестантских общин (портал «Протестант.ру», сайт централизованной религиозной организации «Российский объединенный Союз христиан веры евангельской (пятидесятников)» и др.), изучены материалы, в которых отражено мнение протестантских общин о важ-

³ Назарова А. С. Правовое регулирование нетрадиционных семейных союзов в США // Журнал за рубежомного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 5. С. 81–84.

⁴ The 39 Articles of Religion. URL: <https://victorianweb.org/religion/39articles.html> (дата обращения: 13.12.2021).

⁵ Книга канонов. URL: <https://www.churchofengland.org/about/leadership-and-governance/legal-services/canons-church-england/canons-website-edition> (дата обращения: 19.11.2021).

ных социальных проблемах, в том числе по вопросам однополых браков и партнерств.

Результаты

В протестантизме, в отличие от католичества и православия, дисциплинарные нормы отражены в вероучительных документах и социальных доктринах, которые во многом обусловлены догматическими установлениями⁶. Если обратиться к истории развития протестантизма, то, требуя восстановления истинной «апостольской веры», протестанты времен Реформации единственной священной книгой признали Библию. Лидеры реформатской церкви М. Лютер, Ж. Кальвин, Цвингли, критикуя некоторые канонические нормы католической церкви, считали брак и супружеские отношения божьим благословением, признавали их важность и осуждали любые формы отказа от брака, например целибат у католических священников. Ж. Кальвин писал: «Итак, мы осуждаем обет воздержания от брака по следующим двум причинам: во-первых, брак можно считать угодным Богу служением; во-вторых, обет безбрачия держат давая те, кто не имеет сил для исполнения обещанного»⁷. В «Аугсбургском исповедании», в артикуле «О свободной воле», закреплено, что желание жениться является благим и происходит «от добра в природе», так же как «желание трудиться в поле, есть и пить, иметь друга, одеваться, строить дом, откармливать скот, обучаться

разнообразным полезным искусствам или любое другое благое дело, относящееся к этой жизни»⁸.

Таким образом, вопросы брака и семьи толковались в контексте библейских положений, согласно которым гомосексуальные отношения считались греховными и недопустимыми: «Не ложись с мужчиною, как с женщиною: это мерзость» (Левит, 18:22:). Обвинения в гомосексуализме влекли за собой пытки и смертную казнь. Так, в 1566 г. в Женеве по обвинению в гомосексуализме был казнен 15-летний Бартоломе Тесия⁹. Такая тенденция сохранялась вплоть до начала XX в.

В настоящее время представители многих протестантских деноминаций демонстрируют все более лояльную позицию в отношении признания прав однополых пар. Это происходит отчасти потому, что в повседневных практиках протестантские общины оказываются более погруженными в секулярную повестку, их решения и декларации во многом продиктованы идеей подчиняться «дисциплине в той мере и в том порядке, которые предписаны законом»¹⁰.

Замкнутость протестантизма на светском праве, по мнению Р. Н. Лукина, приводит к «релятивизму в отношении целого ряда христианских норм – допускается женское священство и благословляются гомосексуальные браки, что по сути приводит к секуляризации самой веры»¹¹. Однако

⁶ Пять основ протестантского богословия, или Пять «только», – основные принципы протестантской теологии: *Sola scriptura* («только Писанием»), *Sola fide* («только верой»), *Sola gratia* («только благодатью»), *Solus Christus* («только Христос»), *Soli Deo gloria* («только Богу слава»).

⁷ Кальвин Ж. Наставления в христианской вере: в 4 кн. М., 1997. Кн. 4. С. 256.

⁸ Аугсбургское исповедание. URL: <https://www.sedmitza.ru/lib/text/440429> (дата обращения: 19.11.2021).

⁹ Чему нас может научить история женевского школьника, казненного через утопление 450 лет назад. URL: <https://www.ohchr.org/ru/stories/2013/06/what-we-can-learn-story-geneva-school-boy-executed-drowning-450-years-ago> (дата обращения: 19.11.2021).

¹⁰ Принципы канонического права, общие для церквей англиканского сообщества. URL: <https://infopedia.su/26x10edb.html> (дата обращения: 20.11.2021).

¹¹ Лункин Р. Н. Протестантизм и глобализация на просторах Евразии // Религия и глобализация на просторах Евразии. М., 2005. С. 90–125.

важно отметить, что на позицию протестантских церквей существенное влияние оказывают такие факторы, как государственное устройство страны, в которой церковь ведет миссионерскую деятельность, ее культурно-исторические особенности, готовность общества к изменению практик и нравственных норм. Так, например, во многих европейских государствах легализация однополых браков поддерживается протестантами. В 2019 г. протестантские церкви Швейцарии выступили в поддержку предложения создать правовую основу для однополых браков¹², в сентябре 2021 г. две трети избирателей высказались за предоставление однополым парам права на заключение полноценного брака и на усыновление детей¹³. В России, где основными протестантскими течениями являются лютеранство, пятидесятничество, методизм, баптистско-евангельское движение, адвентизм, большинство из них придерживается традиционных взглядов на семью и брак. Р. Н. Лукин отмечает, что «большинство представленных церквей и союзов исповедует консервативные библейские ценности, что означает недопустимость однополых связей, гомосексуализма как явления, строгое отношение к институту брака, противодействие абортam, отстаивание норм общественной нравственности»¹⁴. Такую же позицию обозначают члены консультативного совета глав протестантских церквей России в «Социальной позиции протестантских церквей России»¹⁵.

В англиканской церкви Великобритании также обозначена достаточно консервативная позиция в отношении брака и его природы. В «Принципах канонического права, общих для церквей англиканского сообщества» дается такое определение браку: «Брак есть почетное положение, учрежденное Богом. Он является исключительным пожизненным союзом... между одним мужчиной и одной женщиной, объединенных Богом в качестве мужа и жены, и продолжаться до смерти одного из супругов». Однако делается акцент на том, что «стороны брака должны удовлетворять гражданским и церковным требованиям, предъявляемым к действительному браку», а сам брак считается действительным, если «стороны имеют право по гражданскому праву заключить брак...». В 2013 г. палата общин легализовала однополые браки в Англии и Уэльсе¹⁶, что только усугубило противоречия между нормами канонического права англиканской церкви и светскими законами.

Во многих европейских странах, где не существует законодательной нормы, легализующей однополые браки, гомосексуальные отношения принято называть партнерствами, а священникам предписывается благословлять такие союзы. Необходимо отметить, что часто не приветствуется венчание однополых пар, но разрешено их обручение в церкви.

Например, в 2017 г. премьер-министр Швеции выступил с инициативой «обязать

¹² Протестантская церковь в Швейцарии поддерживает однополые браки. URL: <https://www.swissinfo.ch/rus> (дата обращения: 14.10.2021).

¹³ Какие новые законы вступят в силу в Швейцарии в 2022 году? URL: <https://www.swissinfo.ch/rus> (дата обращения: 19.11.2021).

¹⁴ Лукин Р. Н. Российский протестантизм: евангельские христиане как новый социальный феномен // Современная Европа. 2014. № 3. С. 133–143.

¹⁵ Социальная позиция протестантских церквей России. URL: <https://www.cef.ru/documents/docitem/article/1379387> (дата обращения: 10.09.2021).

¹⁶ В Британии палата общин одобрила однополые браки в Англии и Уэльсе. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2121348> (дата обращения: 12.02.2022).

всех священников благословлять однополые браки, даже если это противоречит их принципам»¹⁷. Франция, где протестантская церковь позволилавикариям благословлять однополые браки, тем не менее не вменила это в обязанности всех священников¹⁸.

Противоречивость этих предписаний во многом является результатом последовательного изменения отношений к гомосексуальности. Хотя во многих государствах на протяжении XX в. за гомосексуализм предполагалась уголовная ответственность, на рубеже XX–XXI вв. большинство стран отменили такие законы. Важно, что большинство протестантских деноминаций продолжали выступать с резкими осуждениями гомосексуальных отношений. Тем не менее в этот период уже наметился переход к идее толерантного отношения к гомосексуализму и однополым союзам. В основе этих трансформаций лежат идея прав человека и отказ от дискриминации по какому-либо признаку. Н. А. Воронина приводит пример, как в ЮАР европейские южноафриканские церкви, выступавшие против политики апартеида, отстаивали права человека на свободу сексуальных предпочтений: «Руководство ЮАСЦ убеждало религиозное сообщество признать права геев и лесбиянок, а также обращалось к Парламенту страны с призывом легализовать однополые браки. Отдельные церкви – члены ЮАСЦ также высказывались в поддержку однополых браков. В первую очередь речь идет об англиканской и методистской церквях» [4, с. 148].

Обсуждение

Проблема признания однополых браков и партнерств христианскими конфессиями демонстрирует системные изменения ре-

лигиозных и моральных норм и практик. Наиболее либеральную позицию в этом вопросе демонстрируют представители тех протестантских общин, которые проживают в странах, где на законодательном уровне однополые браки уже признаны, либо в обществе сформировано лояльное отношение к ним. Члены протестантских общин и священнослужители принимают активное участие в публичных обсуждениях и референдумах по вопросам легализации однополых браков или признания прав гомосексуальных партнерств, создают новые нормы и дисциплинарные правила, продвигают квир-теории в социальную повестку. Отталкиваясь от основных библейских положений в вопросах регулирования брачно-семейных отношений, некоторые протестантские общины корректируют ключевые понятия в логике прав человека, а не протестантской доктрины. Так, например, среди сторонников однополых браков брак трактуется не как союз одного мужчины и одной женщины, но как союз двух людей. Среди представителей консервативных течений протестантизма высказываются противоположные взгляды, гомосексуальное поведение считается противоестественным и унижающим, а регистрация браков гомосексуальных пар – недопустимой.

Сегодня признание однополых браков и партнерств представителями различных протестантских деноминаций является вполне закономерным процессом, очерченным не только идеологическими, но и государственными границами. Так, в 2013 г. «брак для всех» был легализован во Франции и Шотландии, в 2017 г. – в Германии, в 2019 г. – в Австрии, в 2021 г. – в Швейцарии. Отстаивая права сексуальных меньшинств,

¹⁷ Выбора не оставят. URL: <https://rg.ru/2017/06/26/v-shvecii-vseh-sviashchennikov-obiazhut-blagoslovliat-odnopolnye-braki.html> (дата обращения: 19.11.2021).

¹⁸ Французских протестантов благословили на однополые браки. URL: <https://lenta.ru/news/2015/05/17/bless/> (дата обращения: 10.02.2022).

меня светские законы и религиозные нормы, сторонники однополых браков и партнерств создают предпосылки для «обратной» дискриминации тех, кто понимает брак и семью в духе канонического права и текстов Священного писания. Протестантский священник Жерар Пелла (Gérard Pella) отмечает: «Я лично не имею ничего против гомосексуалов. Однако я против однополых браков по религиозным и этическим причинам. В Библии прописана человеческая пара, которая явно гетеросексуальна. С этической точки зрения новое брачное законодательство устранил одно неравенство, но создает два новых»¹⁹.

Возникают проблемы и на уровне межконфессионального взаимодействия, когда серьезные разночтения в трактовке библейских норм приводят к отказу от взаимодействия. Например, Русская православная церковь прервала контакты с Пресвитерианской церковью Шотландии и Объединенной протестантской церковью Франции из-за невозможности вести диалог с теми конфессиями, «которые открыто попирают библейские нравственные нормы», благоговая однополые союзы.

Заключение

Вопросы регулирования брачно-семейных отношений сегодня приобретают особую актуальность. Расширение понятия «брак», возникновение таких дефиниций, как «однополый брак», «гомосексуальные партнерства», изменение канонов церковной жизни, норм светского законодательства приводят к нормативной трансформации в морали, религии и праве. Признание однополых браков некоторыми протестантскими деноминациями демонстрирует отказ от христианских канонов в пользу концепции прав человека и идей «новой этики». Сложившаяся ситуация требует налаживания внутри- и межконфессионального диалога, который может стать основанием для нивелирования религиозных и социальных конфликтов. Легализация однополых браков и партнерств, признание их на церковном уровне обостряют проблемы усыновления и воспитания детей, а также разрушают сложившуюся систему семейных ценностей. Решение комплекса этих проблем возможно при условии установления баланса между каноническими нормами, нормами морали и современным светским законодательством.

Список источников

1. Алексеева С. О. Коллизионно-правовое регулирование заключения трансграничного брака и его расторжения // Вопросы российской юстиции. 2021. № 14. С. 106–123.
2. Акимов Ю. А. Поддержка и защита семьи с точки зрения конституционного принципа гендерного равноправия // Современное право. 2018. № 6. С. 46–50.
3. Болдырева О. М. Легализация нетрадиционных браков и некоторые аспекты международно-правового статуса однополых союзов // Вестник Прикамского социального института. 2020. № 3. С. 12–17.
4. Воронина Н. А. Роль протестантских церквей в общественно-политической жизни южноафриканского общества в течение XX – начале XXI вв.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2020. 206 с.
5. Ивченков А. И. Проблема семьи и брака в этике протестантизма: Дитрих Бонхеффер // Социально-политические науки. 2016. № 2. С. 120–121.
6. Исаева А. А. Легализация однополых союзов: конституционно-правовой обзор // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 2. С. 72–87.

¹⁹ Однополые браки в Швейцарии: аргументы «против». URL: https://www.swissinfo.ch/rus/%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D1%8B%D0%B5-%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%BA%D0%B8-%D0%B2-%D1%88%D0%B2%D0%B5%D0%B9%D1%86%D0%B0%D1%80%D0%B8%D0%B8--%D0%B0%D1%80%D0%B3%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B--%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%82%D0%B8%D0%B2--/46909496?utm_campaign=teaser-in-article&utm_content=o&utm_medium=display&utm_source=swissinfoch (дата обращения: 20.02.2022).

7. Назарова А. С. Правовое регулирование нетрадиционных семейных союзов в США // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 5. С. 81–84.
8. Чуева Д. И. Однополые браки в США и России: подходы к регулированию сквозь призму судебного толкования // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 3. С. 92–102.
9. Lettmaier S. Marriage Law and the Reformation // Law and History Review. 2017. Vol. 35, no. 2. P. 461–510.
10. Perzyński A. P. Marriage and Family in Protestant and Evangelical Understanding // Studia Oecumenica. 2017. Vol. 17. P. 117–132. DOI: 10.25167/SOe/17/2017/117-132.

References

1. Alekseeva S. O. Legal regulation of transboundary marriage and divorce. *Voprosy rossijskoj yusticii* = Issues of Russian justice. 2021; 14: 106–123. (In Russ.)
2. Akimova Y. U. Support and protection of the family in the light of constitutional principle of gender equality. *Sovremennoe pravo* = Modern law. 2018; 6: 46–50. (In Russ.)
3. Boldyreva O. M. Legalization of unconventional marriages and some aspects of the international legal status of same sex unions. *Vestnik Prikamskogo social'nogo instituta* = Bulletin of Prikamsky Social Institute. 2020; 3(87): 12–17. (In Russ.)
4. Voronina N. A. The role of Protestant churches in the social and political life of South African society during the 20th – early 21st centuries. Abstract of Cand. Sci. (Hist.) Dissertation. Moscow, 2020, 206 p. (In Russ.)
5. Ivchenkov A. I. The problem of family and marriage in the ethics of Protestantism: Dietrich Bonhoeffer. Socio-political sciences. *Social'no-politicheskie nauki* = Sociopolitical Sciences. 2016; 2: 120–121. (In Russ.)
6. Isaeva A. A. Legalization of same-sex unions: constitutional review. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* = Comparative Constitutional Review. 2020; 29 (2): 72–87. (In Russ.)
7. Nazarova A. S. Legal regulation of non-traditional family unions in the united states. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya* = Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 2017; 5: 81–84. (In Russ.)
8. Chueva D. I. Same-sex marriages in the USA and Russia: approaches to regulation through the prism of judicial interpretation. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* = Comparative Constitutional Review. 2018; 27(3): 92–102. (In Russ.)
9. Lettmaier S. Marriage Law and the Reformation. *Law and History Review*. 2017; 35(2): 46–510. (In Eng.)
10. Perzyński A. P. Marriage and Family in Protestant and Evangelical Understanding. *Studia Oecumenica*. 2017; 17. DOI: 10.25167/SOe/17/2017/117-132. (In Polish.)

Поступила 13.03.2022.

Сведения об авторе

Жадунова Наталья Владимировна – кандидат философских наук, декан факультета дополнительного образования, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия). Сфера научных интересов: прикладная этика, социальное нормотворчество. Автор более 80 научных и учебно-методических публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9058-0488>.

E-mail: zhadunovan@mail.ru

Submitted 13.03.2022.

About the author

Natalia V. Zhadunova – Candidate of Philosophy, Dean, Faculty of Additional Education, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia). Research interests: applied ethics, social norm-creating. The author has more than 80 scientific and educational publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9058-0488>.

E-mail: zhadunovan@mail.ru

Психология

Psychology

ISSN 2078-9823 (Print), ISSN 2587-7879 (Online)
DOI: 10.15507/2078-9823.060.022.202204.459-476

УДК 615.851.13-057.875

Н. Н. Морозова¹, С. Н. Никишов², И. С. Осипова³, С. И. Баляев⁴

^{1, 2, 3, 4} Национальный исследовательский

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия)

¹ e-mail: nnm2605@yandex.ru

² e-mail: serg-n79@yandex.ru

³ e-mail: isosipova@yandex.ru

⁴ e-mail: balyaevsi@mail.ru

Особенности психологической адаптации подростков к трудным жизненным ситуациям

Аннотация

Введение. В статье рассматривается проблема психологической адаптации подростков к трудным жизненным ситуациям. Анализируются сложившиеся теоретические подходы к пониманию феномена психологической адаптации, рассматриваются понятия «трудная жизненная ситуация», «критическая ситуация». Особое внимание уделяется анализу психологической специфики совладающего поведения подростков. Группа испытуемых, находящихся в трудной жизненной ситуации, была сформирована из воспитанников ГКУСО РМ «Республиканский социальный приют для детей и подростков «Надежда».

Материалы и методы. В ходе эмпирического исследования были использованы проективные методики «Психологическая автобиография» Л. Ф. Бурлачука и Е. Ю. Коржовой и «Человек под дождем» А. Абрамса и А. Эмчина. Для обработки полученных эмпирических данных применялись методы математической статистики: U-критерий Манна – Уитни и критерий ϕ^* – угловое преобразование Фишера.

Результаты исследования. По результатам проведенного эмпирического исследования большинству подростков двух групп оказалось свойственно проявление в сложных жизненных ситуациях пассивности, недостатка энергии, скованности, ригидности, что в целом подтверждает слабую представленность в копинг-поведении подростков проблемно-ориентированных копинг-стратегий.

Обсуждение и заключение. Воспитанникам приюта оказались свойственны депрессивные состояния, возможно, детерминированные неблагоприятной социальной ситуацией, в которой они оказались и в которой они с большой долей вероятности могут испытывать депривацию поддержки со стороны значимых людей. На основании осуществленного исследования сформулированы психологические рекомендации по повышению эффективности психологического совладания подростками с трудными жизненными ситуациями, которые могут быть использованы в профессиональной деятельности психологов – в про-

© Морозова Н. Н., Никишов С. Н., Осипова И. С., Баляев С. И., 2022

фессиональном консультировании и психокоррекции, в работе педагога-психолога, школьного психолога и других специалистов. В указанных рекомендациях учтена прежде всего важность развития у подростков проблемно-ориентированных копинг-стратегий на основе объективного и критического анализа причинно-следственных связей трудных ситуаций.

Ключевые слова: трудная жизненная ситуация, подростки, психологическая адаптация, кризис, совладание, копинг-стратегии, воспитанники приюта.

Для цитирования: Морозова Н. Н., Никишов С. Н., Осипова И. С., Баляев С. И. Особенности психологической адаптации подростков к трудным жизненным ситуациям // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2022. Т. 22, № 4. С. 459–476. DOI: 10.15507/2078-9823.060.022.202204.459-476.

Nadezhda N. Morozova¹, Sergey N. Nikishov², Irina S. Osipova³, Sergey I. Balyaev⁴

^{1, 2, 3, 4} National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia)

¹ e-mail: nnm2605@yandex.ru

² e-mail: serg-n79@yandex.ru

³ e-mail: isosipova@yandex.ru

⁴ e-mail: balyaevsi@mail.ru

The Peculiarities of Psychological Adaptation of Teenagers to Difficult Life Situations

Abstract

Introduction. The article deals with the problem of psychological adaptation of adolescents to difficult life situations. The existing theoretical approaches to understanding the phenomenon of psychological adaptation are analyzed, the concepts of “difficult life situation”, “critical situation” are considered. Particular attention is paid to the analysis of the psychological specifics of the coping behavior of adolescents. The group of subjects who are in a difficult life situation was formed from pupils of the State Committee for Education and Science of the Republic of Moldova “Republican social shelter for children and adolescents ‘Nadezhda’”.

Materials and Methods. In the course of the empirical study the following methods have been used: the projective method “Psychological autobiography” by the authors L. F. Burlachuk and E. Yu. Korzhova, the projective method “Man in the rain” by the authors A. Abrams and A. Emchin. To process the obtained empirical data, methods of mathematical statistics were used: the Mann – Whitney U-criterion and the ϕ^* criterion – Fisher’s angular transformation.

Results. According to the results of the empirical study, most adolescents of the 2nd group were characterized by the manifestation of passivity, lack of energy, stiffness, rigidity in difficult life situations, which generally confirms the weak representation of problem-oriented coping strategies in the coping behavior of adolescents.

Discussion and Conclusion. The pupils of the orphanage turned out to be characterized by depressive states, possibly determined by the unfavorable social situation in which they found themselves, and in which they are most likely to experience deprivation of support from significant people. On the basis of the study carried out, psychological recommendations have been formulated to improve the effectiveness of adolescents’ psychological coping with difficult life situations, which can be used in the professional activities of psychologists – in professional counseling and psychocorrection, in the work of a teacher-psychologist, school psychologist and other specialists. These recommendations take into account, first of all, the importance of developing problem-oriented coping strategies in adolescents based on an objective and critical analysis of the cause-and-effect relationships of difficult situations.

Keywords: difficult life situation, teenagers, psychological adaptation, crisis, coping, coping strategies, orphanage children.

For citation: Morozova N. N., Nikishov S. N., Osipova I. S., Balyaev S. I. The peculiarities of psychological adaption of teenagers to difficult life situations. *Gumanitarian: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2022; 22(4): 459–476. (In Russ.). DOI: 10.15507/2078-9823.060.022.202204.459-476.

Введение

Особенности психологической адаптации к трудным жизненным ситуациям в подростковом возрасте, помимо факторов, относящихся к личностному адаптационному потенциалу, обусловлены общей и индивидуальной спецификой психического развития в данный возрастной период в совокупности с уникальной комбинацией личностных черт подростка и характером влияния первичной социальной группы как источника и модели общения. Несмотря на значительное число научных публикаций, связанных с изучением копинг-поведения подростков, проблема выявления специфики переживания трудных жизненных ситуаций в указанный возрастной период в целях определения мер, содействующих конструктивному совладанию с ними, остается весьма актуальной. В подростковом возрасте внутриличностные процессы, влияющие на успешность психологической адаптации в кризисных ситуациях, находятся в стадии развития, что в свою очередь значительно сказывается на стрессогенном характере влияния совокупного действия факторов социальной среды, возрастных, физиологических и психических трансформаций. Неконструктивное переживание кризисных ситуаций подростками создает риски в дополнение к тем, которые обуславливают отнесение данного периода к категории опасных. Указанные обстоятельства объясняют важность дальнейшего изучения данной проблематики в целях содействия психологическому благополучию и развитию личности в подростковый период.

Объектом исследования является психологическая адаптация к трудным жизненным ситуациям. Предметом исследования является специфика процесса психологиче-

ского совладания подростками с трудными жизненными ситуациями (специфика копинг-поведения, копинг-стилей и копинг-стратегий подростков). Целью нашего исследования явилось изучение особенностей психологической адаптации подростков к трудным жизненным ситуациям. В качестве задач исследования следует обозначить:

- 1) изучение литературы и обобщение опыта эмпирических исследований по проблеме;
- 2) эмпирическое выявление особенностей психологической адаптации подростков к трудным жизненным ситуациям (особенности копинг-поведения, копинг-стилей и копинг-стратегий подростков);
- 3) выработка рекомендаций по повышению эффективности психологического совладания подростками с трудными жизненными ситуациями.

Гипотеза исследования: большинству подростков в сложных жизненных ситуациях свойственны проявления пассивности, недостатка энергии, скованности, ригидности, слабая представленность в копинг-поведении проблемно-ориентированных копинг-стратегий.

Обзор литературы

В научной психологии существует множество понятий, относящихся к категории трудных жизненных ситуаций: «кризисные», «критические», «напряженные», «особые», «проблемные», «фрустрирующие», собственно «трудные», «чрезвычайные» ситуации и др. Среди отечественных авторов, изучавших специфику указанных ситуаций, выделяются В. А. Ананьев, Л. Ф. Бурлачук, Ф. Е. Василюк, Л. Г. Дикая, М. И. Дьяченко, Д. Н. Исаев, А. М. Матюшкин, В. Н. Мясищев, И. М. Никольская, Т. М. Титаренко, М. Тышкова, А. В. Фур-

ман, С. А. Шапкин и др. К зарубежным исследователям ситуаций психологической угрозы и специфики поведения в них личности относятся Р. Лазарус, С. Фолкман, Н. Хаан, М. Перре, Х. Томе и др.

Следует отметить, что достаточно свободное использование в психологической литературе многообразной терминологии в целях обозначения трудных жизненных ситуаций повлекло и различное определение данной категории ситуаций. Так, Д. Н. Исаев, оперируя понятием «кризисные ситуации», определяет их как ситуации повышенного риска, создающие условия для возникновения реакций дезадаптации (определенных кризисных состояний) [6]. А. Н. Фомина, также использующая данный термин, понимает указанные ситуации как функционирование личности на таком пределе ее адаптационных возможностей, что влечет для личности все более полную утрату субъектности [13]. Л. И. Анцыферова отметила, что в представленных определениях трудных жизненных ситуаций не учитывается определенная ценность, которая в критических ситуациях может быть потеряна личностью, что только и делает ситуацию критической [1]. А. И. Лактинова определила трудные жизненные ситуации как ситуации «несоответствия между стремлениями, ценностями, целями и возможностями их реализации, либо качествами личности» [8]. Критические ситуации, по мнению Ф. Е. Василюка, – это ситуации невозможности «реализовывать внутренние необходимости своей жизни», ставящие личность перед необходимостью их переживания в смысле совладания с ними, их психологического преодоления [2, с. 25].

Несмотря на вышеуказанные различия в определении рассматриваемой категории ситуаций, в теоретических исследованиях можно увидеть выделение неких общих характеристик данных ситуаций: психическая напряженность, затрудняющая управление

поведением и снижающая результативность решения жизненных задач; наличие значимых для личности переживаний как особой внутренней работы по преодолению кризисности тех или иных событий; изменения самооценки и мотивации; проявляющаяся потребность в мотивационной коррективке и во внешней психологической поддержке личности.

Ю. А. Рокицкая трактует кризис как то, что может касаться нарушения физического функционирования организма человека или развития его как личности [9]. Л. Г. Дикая, А. В. Махнач рассматривают кризис в качестве движущей силы личностного роста, а Е. Н. Туманова предлагает рассматривать кризис в ракурсе именно его позитивной роли в развитии личности [4; 10]. Согласно Л. С. Выготскому, кризисы – это не временное состояние, а путь внутренней жизни, а кризис развития – это сосредоточение резких и капитальных сдвигов и смещений, изменений и переломов в процессе развития личности, это точка отсчета нового времени личности [3].

Как правило, трудные жизненные ситуации анализируются исследователями с точки зрения характеристик объективных условий деятельности, отношения личности к ситуации затруднения, состояния, возникающего у человека, его внешних поведенческих реакций, нормативности или типичности соответствующей ситуации. Е. Н. Тумановой отмечена важность изучения феномена данных ситуаций как результата взаимодействия и взаимовлияния указанных характеристик [10].

Особенности психологической адаптации к трудным жизненным ситуациям подростков могут быть раскрыты через анализ процесса совладания с ними, их психологического преодоления, процесса их переживания. В подростковый период происходят сложные биопсихосоциальные процессы. Исследователями отмечается повышение общей чувствительности под-

рошков, в основе чего лежит, как правило, сочетание заниженной самооценки с завышенным уровнем притязаний. А. Е. Личко, раскрывая выделенные Л. С. Выготским фазы подросткового периода (негативную и позитивную), охарактеризовал негативную фазу проявлением трех основных типов реакций: протеста, отрицания и имитации [11]. Как отметил Л. С. Выготский, в преодолении трудных ситуаций подросткам свойственны крайняя вариативность, неоднородность и сложность [3]. Исследуя совладающее поведение подростков, И. А. Сирота и В. М. Ялтонский классифицировали их копинг-стратегии по сферам психической деятельности (выделив когнитивные, поведенческие и эмоциональные стратегии) и по степени адаптивности (адаптивные, частично адаптивные и неадаптивные) [12]. Согласно данным проведенного В. И. Долговой, Ю. А. Рокицкой, А. А. Саламатовым регрессионного анализа, наиболее эффективными копинг-стратегиями подростков являются выражение чувств и юмор (слезы, проговаривание чувств в беседе, дневниковые записи и др.), высмеивание кризисной ситуации, собственной неадекватной формы реагирования на нее и т. д. [5]. По мнению И. М. Никольской и Р. М. Грановской, копинг-стратегии эмоционального отреагирования, отвлечения, восстановления физических сил, сотрудничества со взрослыми являются в подростковом возрасте основными [7]. По результатам исследования С. В. Фроловой, в подростковый период (причем как в ранний, так и в поздний) менее всего представлены копинг-стратегии альтруизма, сотрудничества, определения смысла трудной жизненной ситуации, эмоциональной разрядки и поиска поддержки, что может быть объяснено недостаточной зрелостью указанных поведенческих возможностей подростков и их навыков конструктивного преодоления трудностей

[14]. Таким образом, в научной литературе можно увидеть определенную противоречивость данных относительно копинг-стратегий подростков, что говорит о необходимости дальнейших эмпирических исследований рассматриваемой проблемы.

Методы

Эмпирическое исследование проводилось на базе ГКУСО РМ «Республиканский социальный приют для детей и подростков «Надежда» и МОУ «Средняя общеобразовательная школа с углубленным изучением отдельных предметов № 30» г. Саранска; период исследования – май 2022 г.; число участников исследования – 40 чел. в возрасте 11–15 лет (по 20 учащихся в каждом из указанных учреждений). Исследование проведено в три этапа.

На первом этапе были сформированы группы участников исследования. Группа испытуемых, находящихся в благополучных социально-психологических условиях, была определена посредством метода экспертной оценки из подростков – учеников МОУ «Средняя общеобразовательная школа с углубленным изучением отдельных предметов № 30» г. Саранска, живущих в благополучных семьях и имеющих положительные характеристики со стороны экспертной группы – представителей педагогического коллектива.

Группа испытуемых, находящихся в трудной жизненной ситуации, была сформирована из воспитанников ГКУСО РМ «Республиканский социальный приют для детей и подростков «Надежда», поскольку дети и подростки подобных учреждений автоматически получают указанный статус на основании поступления их из дисфункциональных семей и необходимости оказания им социально-психологической помощи. При этом важно было получить обоснованное подтверждение, что участники сформированной в данном учреждении группы фактически испытывают переживания от происходящих в их жизни событий, по-

скольку само по себе нахождение в приюте детьми и подростками с определенными личностными характеристиками не всегда может быть воспринято отрицательно.

Для получения такого подтверждения была применена экспрессивная проективная методика «Психологическая автобиография» Л. Ф. Бурлачука и Е. Ю. Коржовой, позволяющая осуществить психодиагностику адаптационных возможностей личности и одновременно выявить особенности ситуационного компонента внутренней картины жизненного пути как одного из показателей функционирования адаптационного процесса личности.

На следующем этапе исследования осуществлялось решение второй задачи – изучение особенностей совладающего поведения подростков, фактически находящихся в трудной жизненной ситуации, и особенностей потенциального копинг-поведения их сверстников в трудной жизненной ситуации, фактически находящихся в благополучных условиях. Для решения данной задачи была применена проективная методика «Человек под дождем» А. Абрамса и А. Эмчина, являющаяся достаточно информативной, поскольку позволяет диагностировать особенности совладания человека со сложными ситуациями, его способности преодолевать неблагоприятные ситуации, определить личностные резервы, используемые защитные механизмы психики, а также определить, как человек реагирует на трудные ситуации, возникающие при этом настроения, испытываемые им эмоциональные состояния, чувства, переживания.

Третий этап исследования включал количественный и качественный анализ полученных эмпирических данных с использованием методов математической статистики: U-критерия Манна – Уитни и критерия ϕ^* – углового преобразования Фишера.

Результаты и обсуждение

На первом этапе согласно поставленной

задаче выявления подростков, фактически испытывающих переживания от происходящих в их жизни событий, с участниками обеих групп было проведено исследование с применением методики «Психологическая автобиография» Л. Ф. Бурлачука и Е. Ю. Коржовой, позволившей не только подтвердить факт специфики ситуационного компонента внутренней картины жизненного пути, свидетельствующей, что участники одной из групп (воспитанники социального приюта) действительно находятся в сложной жизненной ситуации, но и одновременно получить дополнительные данные для психодиагностики адаптационных возможностей испытуемых, что способствовало решению второй задачи исследования. Полученные данные представлены в табл. 1.

Показатели ряда параметров свидетельствовали о низкой значимости прошлого опыта для большинства испытуемых – воспитанников социального приюта (80 %), низкой продуктивности восприятия ими образов жизненного пути (100 %), слабой дифференциации переживаний событийной сферы (90 %), низких показателях открытости испытуемых и адекватности используемых ими психологических защит (30 %). Содержательная составляющая ответов подтвердила значимость для большинства подростков данной группы вопроса нахождения их в приюте, нежелательность этого (60 %) и очень низкий (по сравнению с их сверстниками из обычной школы) показатель количества ответов по значимым событиям, связанным с учебой (10 %) и с родительской семьей (30 %).

Особо обращают на себя внимание два последних из указанных значений. Можно предположить, что, поскольку в сравнении с соответствующими показателями учеников средней школы разница является довольно существенной (80 % и 45 % соответственно), возможно, ситуация в данных

Таблица 1

Ситуационный компонент внутренней картины жизненного пути подростков по методике Л. Ф. Бурлачука и Е. Ю. Коржовой, % /

Table 1

The situational component of the internal picture of the life path of adolescents according to the method of L. F. Burlachuk and E. Yu. Korzhova, %

Шкалы / Scale	Группа 1 / Group 1	Группа 2 / Group 2
Продуктивность восприятия образов жизненного пути (богатство и легкость актуализации образов прошлого и будущего) / Productivity of perception of images of the life path (richness and easiness of actualization of images of the past and future)	100	60
Значимость прошлого опыта / The importance of past experience	80	30
Открытость, адекватность используемых психологических защит / Openness, adequacy of used psychological defenses	30	55
Признаки, свидетельствующие о нежелании вспоминать негативный прошлый опыт или о вытеснении прошедших психотравмирующих событий / Signs that indicate an unwillingness to remember negative past experiences or to repress past traumatic events	90	85
Беспокойство за будущее, ориентация на положительные переживания и избегание негативного опыта / Worrying about the future, focusing on positive experiences and avoiding negative experiences	100	100
Способность мысленного выстраивания в определенный временной ряд прошедших событий жизни / The ability to mentally align past life events in a specific time series	70	50
Дифференциация переживаний событийной сферы / Differentiation of experiences in the event sphere	90	70
Типы наиболее значимых событий / Types of the most significant events		
Личностно-психологические / Personal-psychological	70	100
Изменения социальной среды / Changes in the social environment	100	95
Биологические / Biological	10	60
Изменения физической среды / Physical environment changes	60	60
Вид наиболее значимых событий / Type of the most significant events		
Учеба / Studies	10	90
Межличностные отношения / Interpersonal relationships	20	50
«Я» / «Self»	20	70
Родительская семья / Family of origin	30	75
Место жительства / Place of residence	60	15
Материальное положение / Financial situation	20	55
Работа / Work	30	50

сферах у подростков данной группы может носить неблагоприятный характер. Поскольку для успешной школьной адаптации

важную роль для школьника играет семья как фактор психологического благополучия (способствующий получению эмоциональ-

ной поддержки, пониманию трудностей, сочувствию в случае неуспеха), предположительно трудности, имеющиеся в семьях подростков данной группы, оказали негативное влияние и на отношение к учебной деятельности.

Опыт, относящийся к личностному адаптационному потенциалу, может являться та биографическая составляющая личности, которая включает интегрированные способы осуществления жизни, основанные на личностных ценностях, и которая способна актуализироваться в кризисные моменты жизни для выбора наилучших из использованных ранее способов поведения. Если опыт не был психологически обработан личностью, по наблюдениям исследователей, часто такой прошлый опыт являлся негативным, т. е., исходя из совокупных данных по воспитанникам социального приюта о низкой значимости прошлого опыта, трудностях актуализации прошлых событий, слабой дифференциации переживаний событийной сферы, низких показателях открытости испытуемых и адекватности используемых ими психологических защит, высоких показателях, свидетельствующих о нежелании вспоминать негативный прошлый опыт или о вытеснении прошедших психотравмирующих событий, обоснованно предположить негативность прошлого опыта и в целом низкий уровень биографической составляющей личностного адаптационного потенциала.

Показатели, полученные по подросткам школы № 30, свидетельствовали о большей значимости прошлого опыта (разница между показателями двух групп составляет 50 %); большей продуктивности восприятия образов жизненного пути по сравнению с подростками из социального приюта (разница 40 %); большей открытости и адекватности используемых психологических защит (разница 25 %); лучшей дифференциации переживаний событийной сферы (разница 20 %).

Среди наиболее значимых событий выявлены учеба (90 %), родительская семья (75 %) и «Я» (70 %). Немаловажным для психодиагностики адаптационных возможностей испытуемых данной группы является более высокий (по сравнению с аналогичным параметром другой группы) показатель значимости событий, связанных с родительской семьей (разница 45 %). Поскольку, согласно научным данным, приведенным в первой части настоящей работы, именно семья играет одну из самых важных ролей в формировании эффективного копинг-поведения личности, можно заключить, что для большинства подростков данной группы значимость событийной сферы, связанной с родительской семьей, является личностным ресурсом и важной составляющей личностного адаптационного потенциала.

Следует также отметить сходные показатели по обеим группам, прежде всего по признакам, свидетельствующим о нежелании вспоминать негативный прошлый опыт или о вытеснении прошедших психотравмирующих событий, а также по признакам, свидетельствующим о беспокойстве за будущее, ориентации на положительные переживания и избегании негативного опыта, что, во-первых, согласно нормативным показателям методики, может отражать естественную для человека опору на радостные события; во-вторых, подтверждает данные о частом использовании подростками в кризисные моменты жизни тактики избегания травмирующих факторов, отвлечения от ситуации, ухода от реальности, о преобладании в копинг-поведении подростков не конструктивных, а эмоционально-ориентированных стратегий.

Таким образом, полученные данные позволили решить первую задачу исследования: признать подростков группы, сформированной из воспитанников социального приюта, фактически находящимися в трудной жизненной ситуации (соответственно,

это – экспериментальная группа 1); одновременно полученные данные не позволяли признать таковыми подростков группы, сформированной из учеников средней школы (соответственно, обоснованно признать указанных подростков находящимися в относительно благоприятной психологической ситуации – экспериментальная группа 2).

На втором этапе исследования была проведена психодиагностика особенностей совладающего поведения подростков обеих групп с помощью проективной методики «Человек под дождем» А. Абрамса и А. Эмчина. Результаты обследования представлены в табл. 2.

Проведенный сравнительный анализ полученных результатов выявил следующие особенности копинг-поведения подростков группы 1 и группы 2. Прежде всего следует отметить, что результаты по шкале «Ориентация испытуемых на прошлый опыт» подтвердили результаты предыдущей методики, свидетельствующие о низкой значимости для большинства испытуемых группы 1 прошлого опыта и о гораздо большей значимости такого опыта для подростков группы 2 (30 % и 70 % соответственно). Следует вывод о низком уровне значимости для подростков группы 1 прошлого опыта, который в нормальных условиях развития личности является важной составляющей личностного адаптационного потенциала.

Одинаковым и максимально высоким оказались показатели по шкале «Импульсивность». Под данным понятием понимается склонность действовать по первому побуждению, под влиянием внешних обстоятельств или эмоций, т. е. полученный результат согласуется с выводами многих исследователей о малой представленности в копинг-стратегиях подростков стратегии определения смысла трудной жизненной ситуации и о преобладании в их копинг-поведении не конструктивных, а эмоционально-ориентированных стратегий.

Показатели по шкале «Отвержение определенных стереотипов поведения в тех или иных ситуациях» также оказались достаточно высокими и сходными по обеим группам (80 % – по группе 1 и 70 % – по группе 2). Аналогично и по шкале «Негативизм» (данным термином характеризуется поведение человека, проявляющееся в склонности к противостоянию другим людям и внешним обстоятельствам) – результаты оказались равными и составили 70 %. Все вышеуказанные показатели могут отражать, во-первых, свойственные подросткам антагонистические реакции, связанные, в частности, со сложностью понимания посредством присущей подростковому периоду рассудочной логики всего многообразия и противоречивости реальности; во-вторых, свойственные подросткам поведенческие реакции эмансипации, основанные на желании соответствовать собственным представлениям об идеальном, освободиться от не соответствующих таким представлениям требований со стороны взрослых.

Большинству подростков обеих групп (80 % и 60 % соответственно по группам 1 и 2) в сложных жизненных ситуациях оказались свойственны проявления пассивности, недостатка энергии, скованности, ригидности, что в целом подтверждает отмеченную исследователями слабую представленность в копинг-поведении подростков проблемно-ориентированных копинг-стратегий. Присутствуют также такие реакции на сложные ситуации, как стеснение в проявлении чувств, тенденция к сдержанности и некоторой заторможенности при взаимодействии с людьми, депрессивные состояния в результате стресса (50 % и 25 % соответственно по группам 1 и 2). Вышеуказанные результаты в совокупности согласуются с результатами научных наблюдений, согласно которым отказ от обычных желаний и стремлений, пассивность, подавленность могут являться следствием попадания ребенка в неблаго-

Таблица 2

Результаты обследования совладающего поведения подростков по методике
«Человек под дождем», % /
Table 2

The results of the survey of coping behavior of adolescents according to the method
“Man in the rain”, %

Шкалы / Scale	Группа 1 / Group 1	Группа 2 / Group 2
Импульсивность / Impulsiveness	100	100
Нестабильность, потребность в опоре, отсутствие стержня, равновесия, восприятие окружающей среды как нестабильной, враждебной / Instability, need for support, lack of a core, balance, perception of the environment as unstable, hostile	100	100
Тревожность, страх, напряженность / Anxiety, fear, tension	100	95
Сложности социальной адаптации, неумелость в социальных отношениях, потребность в защите / Difficulties in social adaptation, ineptitude in social relations, need for protection	70	50
Закрытость, погруженность в себя, сосредоточенность на себе, своих мыслях / Closeness, immersion in oneself, focus on oneself, one's thoughts	50	40
Потребность и недостаток общения / Need and lack of communication	70	80
Негативизм / Negativism	70	70
Пассивность, недостаток энергии, скованность, ригидность / Passivity, lack of energy, stiffness, rigidity	80	60
Стеснение в проявлении своих чувств, наличие тенденции к сдержанности и некоторой заторможенности при взаимодействии с людьми, подверженность депрессивным состояниям в результате стресса / Restriction in the manifestation of their feelings, the presence of a tendency to restraint and some inhibition when interacting with people, susceptibility to depressive states as a result of stress	50	25
Ориентация испытуемых на прошлый опыт / Orientation of subjects to past experience	30	70
Отвержение определенных стереотипов поведения в тех или иных ситуациях / Rejection of certain stereotypes of behavior in certain situations	80	70
Использование защитных механизмов психики / The use of defense mechanisms of the psyche	100	95
в том числе вытеснение / including displacement	90	80

приятные условия. Примечательно также, что в группе 1 результаты по последнему из вышеуказанных показателей превыша-

ют результаты группы 2 на 25 %, что может свидетельствовать о детерминации деструктивных для развития подростков группы 1

процессов (в частности, депрессивных состояний) той неблагоприятной социальной ситуацией, в которой они оказались и в которой они с большой долей вероятности могут испытывать депривацию поддержки со стороны значимых людей.

Высокие показатели по шкалам «Сложности социальной адаптации, неумелость в социальных отношениях, потребность в защите» (70 % и 50 % по группам 1 и 2 соответственно), «Потребность и недостаток общения» (70 % и 80 % соответственно), «Нестабильность, потребность в опоре, отсутствие стержня, равновесия, восприятие окружающей среды как нестабильной, враждебной» (максимально высокий процент по обеим группам) и «Тревожность, страх, напряженность» (100 % и 95 % по группам 1 и 2 соответственно) в целом отражают установленный научными исследованиями факт слабой представленности в подростковый период копинг-стратегий сотрудничества, поиска поддержки и эмоциональной разрядки, а также в очередной раз подчеркивают важность в данный период психологической поддержки со стороны значимых людей. Показательны результаты у подростков группы 1 по шкале «Сложности социальной адаптации, неумелость в социальных отношениях, потребность в защите» (результат достаточно высок – 70 % и превышает соответствующий показатель группы 2 на 20 %), что также может быть следствием нарушений в семейных отношениях (исходя из установленных научными исследованиями фактов крайне негативного влияния таких нарушений на процесс формирования совладающего поведения).

Результаты по шкале «Закрытость, погруженность в себя, сосредоточенность на себе, своих мыслях» (50 % и 40 % по группам 1 и 2 соответственно) не слишком высоки, однако также отражают результаты научных наблюдений, согласно которым дезадаптивным моделям копинг-поведения

подростков присущ низкий уровень поиска/восприятия социальной поддержки.

Характерными оказались результаты и по шкале «Использование защитных механизмов психики» (100 % и 95 % по группам 1 и 2 соответственно), и по относящемуся к данной шкале показателю «В том числе вытеснение» (90 % и 80 % по группам 1 и 2 соответственно). В совокупности данные результаты согласуются с результатами предыдущей методики и очевидно подтверждают научные выводы о свойственных подросткам в кризисные моменты реакция избегания травмирующих факторов, отвлечения от ситуации, ухода от реальности.

Статистическая значимость рассматриваемых различий по U-критерию Манна – Уитни не выявлена (результаты представлены в табл. 3), тем не менее разница ряда существенно важных для сравнения показателей очевидна.

Результат: $U_{\text{эмп}} = 73,5$. Критические значения: $U_{\text{кр}} = 39$ ($p \leq 0,01$) и $U_{\text{кр}} = 51$ ($p \leq 0,05$). Иными словами, полученное эмпирическое значение $U_{\text{эмп}}$ (73,5) находится в зоне незначимости.

Математическая обработка полученных данных по критерию ϕ^* – угловое преобразование Фишера показала наличие статистически значимых различий по шкалам «Ориентация испытуемых на прошлый опыт» и «Стеснение в проявлении своих чувств, наличие тенденции к сдержанности и некоторой заторможенности при взаимодействии с людьми, подверженность депрессивным состояниям в результате стресса». Результаты сравнения представлены в табл. 4.

Проведенное эмпирическое исследование позволило сформулировать следующие выводы.

1. Биографическая составляющая личностного адаптационного потенциала подростков группы 1 в целом имеет невысокий уровень (особенно исходя из низких пока-

Таблица 3
Сравнение результатов по U-критерию Манна – Уитни /
Table 3
Comparison of results according to the Mann – Whitney U-test

Группа 1 / Group 1	Ранг 1 / Rank 1	Группа 2 / Group 2	Ранг 2 / Rank 2
100	23,5	100	23,5
100	23,5	100	23,5
100	23,5	95	19,5
70	10,5	50	5,0
50	5,0	40	3,0
70	10,5	80	15,5
70	10,5	70	10,5
80	15,5	60	7,0
50	5,0	25	1,0
30	2,0	70	10,5
80	15,5	70	10,5
100	23,5	95	19,5
90	18,0	80	15,5
Сумма рангов / Sum of ranks	186,5		164,5

зателей значимости для большинства таких подростков прошлого опыта и трудностей актуализации прошлых событий). Полученные результаты по подросткам группы 2 заметно отличаются от вышеуказанных показателей группы 1 и свидетельствуют о намного большей значимости для большинства из них прошлого опыта (в соответствии с данными математической обработки с помощью критерия Фишера различия оказались статистически значимыми при $p \leq 0,01$) и, следовательно, о более высоком уровне биографической составляющей личностного адаптационного потенциала подростков группы 2.

2. Существенные различия в уровнях значимости событий, связанных с родительской семьей (в совокупности с научными данными об особой роли семьи в формировании эффективного копинг-поведения личности) позволяют заключить, что для большинства подростков группы 2, в отличие от подростков группы 1, значи-

мость событийной сферы, связанной с родительской семьей, является личностным ресурсом и важной составляющей личностного адаптационного потенциала.

3. Сходные и достаточно высокие результаты обеих групп, свидетельствующие об активном использовании механизмов психологической защиты (особенно механизмов, связанных с нежеланием вспоминать негативный прошлый опыт) или о вытеснении прошедших психотравмирующих событий, согласуются с научными данными о частом использовании подростками в кризисные моменты жизни тактики избегания травмирующих факторов, отвлечения от ситуации, ухода от реальности.

4. Сходные и максимально высокие результаты обеих групп, свидетельствующие о склонности подростков действовать по первому побуждению, под влиянием внешних обстоятельств или эмоций, согласуются с данными научных исследований о малой представленности в копинг-стра-

Таблица 4

Сравнение результатов по критерию ϕ^* – угловое преобразование Фишера /
Table 4
Comparison of results by the criterion ϕ^* – Fisher’s angular transformation

Шкалы / Scale	Группа 1 / Group 1	Группа 2 / Group 2	Ф* эмп
	Результат, %		
Импульсивность / Impulsiveness	100	100	–
Нестабильность, потребность в опоре, отсутствие стержня, равновесия / Instability, need for support, lack of a core, balance, perception of the environment as unstable, hostile	100	100	–
Тревожность, страх, напряженность / Anxiety, fear, tension	100	95	1,426
Сложности социальной адаптации, неумелость в социальных отношениях, потребность в защите / Difficulties in social adaptation, ineptitude in social relations, need for protection	70	50	1,299
Закрытость, погруженность в себя, сосредоточенность на себе, своих мыслях / Closedness, immersion in oneself, focus on oneself, one's thoughts	50	40	0,639
Потребность и недостаток общения / Need and lack of communication	70	80	0,734
Негативизм / Negativism	70	70	–
Пассивность, недостаток энергии, скованность, ригидность / Passivity, lack of energy, stiffness, rigidity	80	60	1,398
Стеснение в проявлении своих чувств, наличие тенденции к сдержанности и некоторой заторможенности при взаимодействии с людьми / Restriction in the manifestation of their feelings, the presence of a tendency to restraint and some inhibition when interacting with people, susceptibility to depressive states as a result of stress	50	25	1,657*
Ориентация испытуемых на прошлый опыт / Orientation of subjects to past experience	30	70	2,602**
Отвержение определенных стереотипов поведения в тех или иных ситуациях / Rejection of certain stereotypes of behavior in certain situations	80	70	0,734
Использование защитных механизмов психики / The use of defense mechanisms of the psyche	100	95	1,426
в том числе вытеснение / including displacement	90	80	0,898

Примечание / Note: $\phi_{кр} = 1,64$ ($p \leq 0,05$) и $\phi_{кр} = 2,31$ ($p \leq 0,01$).

* Иными словами, на уровне значимости 5 % можно говорить о различии, а на уровне значимости 1 % этого утверждать нельзя / In other words at a significance level of 5% one can speak of a difference, but at a significance level of 1%, this cannot be asserted.

** Иными словами, на уровне значимости 1 % можно говорить о различии / In other words, at a significance level of 1%, one can speak of a difference.

тегиях подростков стратегии определения смысла трудной жизненной ситуации и о преобладании в их копинг-поведении эмоционально-ориентированных стратегий.

5. Большинству подростков обеих групп в сложных жизненных ситуациях оказались свойственны проявление пассивности, недостатка энергии, скованности, ригидности, что в целом подтверждает отмеченную исследователями слабую представленность в копинг-поведении подростков проблемно-ориентированных копинг-стратегий (при этом результаты группы 1 по указанным параметрам заметно превышают результаты группы 2, что также может быть связано с той сложной социально-психологической ситуацией, в которой находятся подростки группы 1).

6. Такие реакции на сложные ситуации, как стеснение в проявлении чувств, тенденция к некоторой заторможенности при взаимодействии с людьми, депрессивные состояния в результате стресса, оказались более свойственны подросткам группы 1 (в соответствии с данными математической обработки с помощью критерия Фишера различия оказались статистически значимыми при $p \leq 0,05$), что может свидетельствовать о возможной детерминации деструктивных для развития подростков группы 1 процессов (в частности, депрессивных состояний) той неблагоприятной социальной ситуацией, в которой они оказались и в которой они с большой долей вероятности могут испытывать депривацию поддержки со стороны значимых людей.

7. Сходные данные обеих групп сразу по нескольким показателям подтвердили слабую представленность в подростковый период копинг-стратегий поиска социальной поддержки, причем высокие результаты подростков группы 1 по шкале «Сложности социальной адаптации, неумелость в социальных отношениях, потребность в защите» могут быть следствием наруше-

ний в семейных отношениях (исходя из установленных научными исследованиями фактов крайне негативного влияния таких нарушений на процесс формирования совладающего поведения).

8. Крайне высокие результаты обеих групп по шкалам «Нестабильность, потребность в опоре, отсутствие стержня, равновесия, восприятие окружающей среды как нестабильной, враждебной» и «Тревожность, страх, напряженность» в целом согласуются с установленным научными исследованиями фактом слабой представленности в подростковый период копинг-стратегии поиска поддержки и эмоциональной разрядки.

9. Несмотря на то что по примененным методам математической статистики удалось выявить статистическую значимость различий только по двум параметрам, это не может нивелировать очевидные различия остальных полученных данных, свидетельствующих не столько о различиях копинг-поведения подростков группы 1 и группы 2, сколько о разной интенсивности проявления одних и тех же параметров сравнения. Кроме того, полученные результаты с большой долей вероятности позволяют считать их достоверными, поскольку согласуются с результатами научных исследований, представленными в теоретическом обзоре. Поставленная гипотеза исследования также доказана.

Заключение

Кризисность той или иной ситуации определяется степенью ее значимости для личности и уровнем «биографического стресса» в тот или иной период ее развития. Степень патогенности психической травмы прямо пропорциональна степени значимости для человека нарушенных ею систем переживаний, а также во многом детерминирована уровнем личностной зрелости, конституционально-характерологическими особенностями и текущим психофизиоло-

гическим состоянием человека. Психологическая адаптация к трудным жизненным ситуациям как результат данного процесса заключается в обретении баланса между личностью и окружающим ее миром, благодаря которому личность не только достигает когнитивного, аффективного и поведенческого взаимодействия с обстановкой, адекватной ей, но и способна к раскрытию внутреннего потенциала в целях обеспечения в конечном счете физического и психического здоровья личности, оптимальных условий для ее дальнейшего всестороннего развития.

В подростковом периоде внутриличностные процессы, влияющие на успешность психологической адаптации в кризисных ситуациях, находятся в стадии развития. Поэтому в целях содействия нормальному развитию процессов адаптации к кризисам в подростковом возрасте крайне важно предотвращать дисфункциональный ответ среды на действия подростка в процессе личностно-средовых трансакций, изменять только деструктивные способы достижения подростком целей, связанных с его естественным психосоциальным развитием, и формировать у подростка опыт как обращения к социальной поддержке, так и личного ее оказания другим.

Реакциям подростков на трудные жизненные ситуации свойственны крайняя вариативность, неоднородность, парадоксальность: наличие признаков детского реагирования, стремление к избеганию травмирующих факторов, имитирование не только дезадаптивных, но даже опасных для здоровья и личностного развития способов реагирования референтной группы, агрессивные действия, депрессивные состояния, интра- и экстрапунитивные реакции, не соответствующая степени внешнего воздействия сила реакции.

Специфика копинг-поведения, копинг-стилей и копинг-стратегий подростков заключается в следующем: именно в семье

осуществляется первоначальное усвоение стилей совладания с кризисными ситуациями (а нарушения в семейных отношениях неизбежно и крайне негативно влияют на копинг-стили и в целом на процесс формирования совладающего поведения); личностные особенности определяют как эффективность совладающего поведения (при гармонизации внутриличностной структуры, преобладании позитивных личностных качеств), так и потенциальную склонность к дезадаптивным состояниям; отмечается преобладание в копинг-поведении подростков эмоционально-ориентированных стратегий, так как для конструктивных (проблемно-ориентированных) стратегий совладания необходимо появление возрастных новообразований. Поэтому крайне важным для формирования конструктивных копинг-стратегий подростков является создание для них условий, способствующих формированию или активизации важных для психологической устойчивости личностных ресурсов (прежде всего интернального локуса контроля и потребности в саморазвитии).

Несмотря на то что в ходе нашего эмпирического исследования статистическая значимость различий выявлена только по двум из параметров сравнения, это не может нивелировать очевидные различия остальных полученных данных, свидетельствующих не столько о различиях копинг-поведения подростков, фактически находящихся в трудной жизненной ситуации, и подростков, находящихся в относительно благоприятной психологической ситуации, сколько о разной интенсивности проявления одних и тех же параметров сравнения. Кроме того, полученные результаты с большей долей вероятности позволяют считать их достоверными, поскольку согласуются с результатами научных исследований.

На основании осуществленного исследования сформулированы психологические рекомендации по повышению эффек-

тивности психологического совладания подростками с трудными жизненными ситуациями, которые могут быть использованы в профессиональной деятельности психологов – в профессиональном консультировании и психокоррекции в работе педагога-психолога, школьного психолога и других специалистов. В указанных рекомендациях учтены прежде всего важность развития у подростков проблемно-ориентированных копинг-стратегий на осно-

ве объективного и критического анализа причинно-следственных связей трудных ситуаций, важность профилактики деструктивных способов копинг-поведения, нормализации психических состояний с учетом индивидуальных особенностей личности, своевременного оказания различных форм поддержки со стороны значимых людей, а также важность содействия гармонизации внутриличностной структуры подростка.

Список источников

1. Анцыферова Л. И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. Т. 15, № 1. С. 3–18.
2. Василюк Ф. Е. Психология переживания: анализ преодоления критических ситуаций. М.: МГУ, 1984. 240 с.
3. Выготский Л. С. Психология развития. Избранные работы. М.: Смысл; Эксмо, 2005. 281 с.
4. Дикая Л. Г., Махнач А. В. Отношение человека к неблагоприятным жизненным событиям и факторы его формирования // Психологический журнал. 1996. № 3. С. 137–148.
5. Долгова В. И., Рокицкая Ю. А., Саламатов А. А. Индивидуально-психологические предикторы адаптивного поведения подростков // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2018. № 1. С. 45–59.
6. Исаев Д. Н. Эмоциональный стресс, психосоматические и соматопсихические расстройства у детей. СПб.: Речь, 2005. 400 с.
7. Никольская И. М., Грановская Р. М. Психологическая защита у детей. СПб.: Речь, 2006. 342 с.
8. Лактионова А. И. Жизнеспособность и социальная адаптация подростков: моногр. М.: Ин-т психологии РАН, 2017. 236 с.
9. Рокицкая Ю. А. Факторная структура копинг-поведения подростков // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2018. № 3. С. 220–233.
10. Туманова Е. Н. Кризисные ситуации в жизни подростков из неблагополучных семей: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2001. 18 с.
11. Личко А. Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. 2-е изд., доп. и перераб. Л.: Медицина, Ленингр. отд-ние, 1983. 255 с.
12. Сирота Н. А., Ялтонский В. М. Копинг-поведение и психопрофилактика психосоциальных расстройств у подростков // Обзорение психиатрии и медицинской психологии. 1994. № 1. С. 63–74.
13. Фоминова А. Н. Психологические ресурсы человека: возрастной аспект: моногр. М.: Прометей, 2021. 294 с.
14. Фролова С. В. Исследование стратегий преодоления кризисных ситуаций в подростковом возрасте // Психологическая помощь подростку в кризисных ситуациях: сб. ст. Саратов, 2018. С. 10–18.

References

1. Antsyferova L. I. Personality in difficult life conditions: rethinking, transformation of situations and psychological protection. *Psichologicheskij zhurnal* = Psychological journal. 1994; vol. 15(1): 3–18. (In Russ.)
2. Vasilyuk F. E. Psychology of experience: analysis of overcoming critical situations. Moscow, 1984, 240 p. (In Russ.)

3. *Vygotsky L. S.* Psychology of development. Selected works. Moscow, 2005, 281 p. (In Russ.)
4. *Dikaya L. G.* Human attitude to unfavorable life events and factors of its formation. *Psichologicheskij zhurnal* = Psychological journal. 2016; 3: 137–146. (In Russ.)
5. *Dolgova V. I., Rokitskaya Yu. A., Salamatov A. A.* Individual psychological predictors of adolescent adaptive behavior. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* = Bulletin of the Novosibirsk State Pedagogical University. 2018; 1: 45–59. (In Russ.)
6. *Isaev D. N.* Emotional stress, psychosomatic and somatopsychic disorders in children. St. Petersburg, 2005, 400 p. (In Russ.)
7. *Nikolskaya I. M.* Psychological protection in children. St. Petersburg, 2006, 340 p. (In Russ.)
8. *Laktionova A. I.* Vitality and social adaptation of adolescents. Moscow, 2017, 236 p. (In Russ.)
9. *Rokitskaya Yu. A.* Factor structure of adolescent coping behavior. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* = Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University. 2018; 3: 220–233. (In Russ.)
10. *Tumanova E. N.* Crisis situations in the life of adolescents from dysfunctional families: Abstract of Cand. Sci. (Psych.) Dissertation. St. Petersburg, 2001, 18 p. (In Russ.)
11. *Lichko A. E.* Psychopathies and character accentuations in adolescents. 2nd ed., add. and reworked. Leningrad, 1983, 255 p. (In Russ.)
12. *Sirota N. A., Yaltonsky V. M.* Coping behavior and psychoprophylaxis of psychosocial disorders in adolescents. *Obozrenie psikiatrii i medicinskoj psihologii* = Review of psychiatry and medical psychology. 1994; 1: 63–74. (In Russ.)
13. *Fominova A. N.* Human psychological resources: age aspect. Moscow, 2021, 294 p. (In Russ.)
14. *Frolova S. V.* Study of strategies for overcoming crisis situations in adolescence. *Psichologicheskaya pomoshch' podrostku v krizisnyh situatsiyah* = Psychological assistance to a teenager in crisis situations. 2018: 10–18. (In Russ.)

Поступила 27.06.2022.

Сведения об авторах

Морозова Надежда Николаевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия). Сфера научных интересов: психотерапия, психокоррекция, гендерная психология. Автор более 180 научных и учебно-методических публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1227-9064>.

E-mail: nnm2605@yandex.ru

Никишов Сергей Николаевич – кандидат психологических наук, заведующий кафедрой психологии, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия). Сфера научных интересов: социальная психология, психология общения, психология автобиографической памяти. Автор более 80 научных и учебно-методических публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1573-6825>.

E-mail: serg-n79@yandex.ru

Осипова Ирина Станиславовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия). Сфера научных интересов: психология общения, психология личности. Автор более 110 научных и учебно-методических работ. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9987-7803>.

E-mail: isosipova@yandex.ru

Баляев Сергей Иванович – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П.

Огарёва (Саранск, Россия). Сфера научных интересов: социальная психология, сравнительно-культурная психология. Автор более 100 научных и учебно-методических публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0005-1323-6884>.

E-mail: balyaevsi@mail.ru

Submitted 27.06.2022.

About the authors

Nadezhda N. Morozova – Candidate of Psychology, Associate Professor, Department of Psychology, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia). ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1227-9064>.

E-mail: nnm2605@yandex.ru

Sergey N. Nikishov – Candidate of Psychology, Associate Professor, Head of Department of Psychology, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia). Research interests: social psychology, communication psychology, psychology of autobiographical memory. The author of more than 80 scientific and educational publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1573-6825>.

E-mail: serg-n79@yandex.ru

Irina S. Osipova – Candidate of Psychology, Assistant of Professor, Department of Psychology, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia). Research interests: communication psychology, personality psychology. The author has more than 110 scientific and educational publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9987-7803>.

E-mail: isosipova@yandex.ru

Sergey I. Balyaev – Candidate of Psychology, Associate Professor, Department of Psychology, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia). Research interests: social psychology, comparative cultural psychology. The author of more than 100 scientific and educational publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0005-1323-6884>.

E-mail: balyaevsi@mail.ru

УДК 159.922.2

*Ж. Г. Гаранина¹, Н. Е. Кулешова²**¹ Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия), e-mail: garanina23@mail.ru**² Московский финансово-промышленный университет «Синергия» (Москва, Россия),
e-mail: Lobanova80.80@mail.ru*

Психологические особенности взаимосвязи манипулятивных склонностей и межличностных отношений студентов

Аннотация

Введение. В статье анализируется проблема манипулирования и влияния манипулятивных склонностей студентов на межличностные отношения. Теоретическое исследование данной проблемы показывает существование противоположных точек зрения на феномен манипулирования, где он рассматривается либо как деструктивный процесс, разрушающий межличностные взаимоотношения, либо, при использовании в гуманных целях, как приводящий к положительным результатам в отношениях между людьми.

Материалы и методы. Представлены результаты эмпирического исследования манипулятивных качеств и межличностных отношений студентов различных направлений подготовки с помощью комплекса методов: методики манипулятивного отношения (по шкале Банта); методики диагностики межличностных отношений Т. Лири; теста на макиавеллизм (Мак-V); методов статистической обработки данных: U-критерия Манна – Уитни, корреляционного анализа Пирсона.

Результаты исследования. Выявлены статистически значимые различия между манипулятивными склонностями и макиавеллизмом студентов различных направлений подготовки. С помощью корреляционного анализа установлены статистически значимые взаимосвязи между манипулятивными склонностями студентов и низким уровнем дружелюбия и высоким уровнем доминирования в межличностных отношениях.

Обсуждение и заключение. Полученные результаты подтверждают предположение, что манипулятивные склонности студентов различных направлений подготовки негативно влияют на характер межличностных отношений, поскольку во многом основаны на недружелюбном отношении к окружающим и стремлении доминировать над другими людьми.

Ключевые слова: манипуляция, манипулятивные склонности, макиавеллизм, межличностные отношения, доминирование, дружелюбие, подчиненность, студенты.

Для цитирования: Гаранина Ж. Г., Кулешова Н. Е. Психологические особенности взаимосвязи манипулятивных склонностей и межличностных отношений студентов // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2022. Т. 22, № 4. С. 477–486. DOI: 10.15507/2078-9823.060.022.202204.477-486.

Zhanna G. Garanina¹, Natalia E. Kuleshova²¹ National Research Ogarev Mordovia State University
(Saransk, Russia), e-mail: garanina23@mail.ru² Synergy University (Moscow, Russia),
e-mail: Lobanova80.80@mail.ru

Psychological Features of the Relationship between Manipulative Inclinations and Interpersonal Relations of Students

Abstract

Introduction. The article analyzes the problem of manipulation and the influence of students' manipulative inclinations on interpersonal relationships. A theoretical study of this problem shows the existence of opposite points of view on the phenomenon of manipulation, where, on the one hand, it is considered as a destructive process that destroys interpersonal relationships, and on the other hand, when used for humane purposes, leading to positive results in relations between people.

Materials and Methods. The results of an empirical study of the manipulative qualities and interpersonal relations of students of various areas of training using a set of methods are presented: methods of manipulative attitude (according to the Bant scale); methods of diagnosing interpersonal relations T. Leary; test for Machiavellianism (Mac-V); statistical data processing methods: Mann – Whitney U-test, Pearson correlation analysis.

Results. Statistically significant differences between manipulative inclinations and Machiavellianism of students of various areas of training were revealed. With the help of correlation analysis, statistically significant relationships were established between students' manipulative inclinations and a low level of friendliness and a high level of dominance in interpersonal relationships.

Discussion and Conclusion. The results obtained confirm the assumption that the manipulative tendencies of students of various areas of training negatively affect the nature of interpersonal relationships, since they are largely based on an unfriendly attitude towards others and the desire to dominate other people.

Keywords: manipulation, manipulative tendencies, Machiavellianism, interpersonal relationships, dominance, friendliness, subordination, students.

For citation: Garanina Zh. G., Kuleshova N. E. Psychological features of the relationship between manipulative inclinations and interpersonal relations of students. *Gumanitarian: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2022; 22(4): 477–486. (In Russ.). DOI: 10.15507/2078-9823.060.022.202204.477-486.

Введение

Социально-психологические процессы, происходящие в современном обществе, характеризуются тенденцией к использованию сложных манипулятивных технологий в процессе общения, которые часто приводят к возникновению проблем, связанных с взаимопониманием и взаимодействием между людьми. Стремление к использованию манипуляций характерно как для массового, так и для межличностного общения.

Теоретико-методологический анализ проблемы манипуляции в общении показывает, что существуют различные подходы к данному понятию в отечественной и зарубежной психологии. Так, отечественные психологи А. А. Бодалев, Е. Л. Доценко, В. В. Зеленин, Ю. А. Ермаков, В. П. Шейнов и др. выделяют такие составляющие процесса манипуляции, как намерения, цели, средства и способы манипуляции.

Как отмечает С. Г. Кара-Мурза, основным признаком манипуляции является ее

скрытый характер, когда другой человек рассматривается как средство для достижения целей манипулятора [11; 12]. А. А. Бодалев также выделяет в качестве основного признака манипуляций сокрытие субъектом истинных целей и искажение информации [3].

В работе Е. Л. Доценко рассматриваются действия, через которые проявляются манипуляции в ситуациях межличностного взаимодействия и которые характеризуют активность манипулятора [6]. Автор выделяет «манипулятивное намерение», результатом которого являются манипулятивные воздействия. При этом манипулятор использует разнообразные средства манипуляции, среди которых выделяются опыт, гибкость его мышления, а также арсенал используемых приемов, которые определяют успешность манипуляции. По мнению Е. Л. Доценко, манипулятивное воздействие носит тайный характер, наиболее тщательно манипулятор скрывает свои намерения. Однако не всегда манипулятор стремится к сокрытию своих целей, иногда такие действия происходят неосознанно для него. Это может положительно сказаться на его манипуляции: манипулятивные приемы в наивном неосознаваемом варианте выглядят более естественно. Анализируя шкалу межличностных отношений, автор выделяет пять уровней установок на взаимодействие: доминирование, манипуляция, соперничество, партнерство, содружество. Предложенные здесь уровни взаимодействия имеют заметную оценочную нагрузку. От доминирования к содручеству происходит переход от отношений власти к равноправным взаимоотношениям. Манипулирование же занимает позицию, которая представляет собой полное подавление интересов партнера. Однако, по мнению Е. Л. Доценко, в определенном контексте каждый уровень может оказаться адекватным. Например, в случае дефицита времени или при экстремальной ситуации мани-

пуляция, как и доминирование, может быть вполне уместна и этически обусловлена [6].

В. В. Зеленин говорит, что психика человека предрасположена к восприимчивости, которую можно назвать манипулированием. Отношения в обществе без манипулирования невозможны [8, с. 142]. Обычно воздействие одного индивида на другого носит бессознательный характер. Манипуляции могут быть как негативные, так и позитивные. Если воздействие на человека происходит с пренебрежительным подтекстом, мы, скорее всего, имеем дело с манипуляцией негативной. Позитивной можно назвать такую манипуляцию, цели которой ясны обеим сторонам, а результаты всех происходящих устранивают.

В. П. Шейнов рассматривает такие способы управления человеком, как открытое управление и скрытое воздействие, или манипуляцию, к которой прибегают при возникновении сопротивления. При этом, по мнению автора, манипулирование – это скрытое воздействие, при котором манипулятор преследует собственные эгоистические цели в ущерб другому человеку [16]. И. С. Дорошенко в качестве основного признака манипуляции выделяет антигуманное поведение [5].

Вопросу о способах и техниках манипуляции сознанием и поведением людей посвящено множество исследований. Так, Я. Е. Аристова анализирует различные приемы и методы манипуляции сознанием в повседневной жизни [1]. Ю. А. Ермаков подробно анализирует смыслы, приемы и последствия использования манипуляций при взаимодействии людей [7]. О. Н. Костылева в качестве основных способов манипуляции поведением людьми рассматривает различные психологические уловки [13]. Д. Г. Михайличенко исследует техники манипуляции массовым сознанием в межэтнических конфликтах [20]. А. В. Люлина анализирует роль базовых эмоций в качестве мишеней манипуляции в по-

литических процессах [19]. Разнообразные приемы и техники манипуляций в информационных массовых процессах рассматривают Г. В. Грачев, И. К. Мельник [4]. С. А. Зелинский выделяет манипулятивные технологии власти при управлении массовым сознанием и подсознанием людей [9].

В западной психологии проблему манипуляции подробно анализировали Э. Берн [2], Д. Карнеги [14], Р. Чалдини [15], Г. Шиллер [17], Э. Шостром [18], К. Хоган [22]. Они рассматривали манипуляцию как один из наиболее распространенных способов общения и взаимодействия. Так, Д. Карнеги формулирует правила, позволяющие убеждать других людей, создавая благоприятное впечатление, что позволяет манипулятору добиваться собственных целей [14]. Б. Харриет в своих работах подробно анализирует многообразные техники манипуляции сознательной и бессознательной сферой психики, направленные на получение одностороннего выигрыша [21].

Э. Шостром при исследовании манипуляции использовал метафору «чума современности», поскольку в современном мире человек рассматривается как продукт научного рыночного подхода, главная задача которого – сформировать «вещное» отношение друг к другу. Человек представляет собой вещь, которую следует хорошо изучить, чтобы уметь на нее воздействовать. При этом невозможно манипулировать человеком, не причиняя ему вреда [18]. По его мнению, современный человек – манипулятор, который живет в каждом, сознательно или неосознанно воздействует на себя и окружающих, стараясь превратить их в средства обретения каких-либо благ. Э. Шостром говорит, что во многих жизненных ситуациях общение может переходить от доминирования и насилия к более гуманной форме – манипуляции, и в этом контексте манипулирование оказывается благом.

Э. Берн рассматривает в качестве манипуляций коммуникативные игры, которые представляют собой последовательность транзакций [2]. Человек, совершающий данные транзакции, действует под влиянием скрытой бессознательной мотивации. Осуществляя подобные игры, человек манипулирует поведением других людей, добиваясь собственных целей.

Таким образом, в современной психологии нет единой точки зрения на проблему манипулирования: большинство авторов, описывают этот феномен как нежелательный, деструктивный, разрушающий взаимоотношения. Однако некоторые психологи, напротив, придерживаются мнения, что уместное и искусное использование манипуляций, особенно в гуманитарных целях, может положительно сказаться на отношениях людей друг к другу.

Методы исследования

Для изучения взаимосвязи манипулятивных склонностей и межличностных отношений студентов нами проводилось эмпирическое исследование, в котором приняли участие студенты МГУ им. Н. П. Огарёва различных направлений подготовки. Объем выборки составил 50 чел. (28 девушек и 22 юноши): 26 студентов направления подготовки «Менеджмент» (1-я группа) и 24 студента направления подготовки «Управление качеством» (2-я группа). Для реализации поставленной цели был использован комплекс методов: методика манипулятивного отношения (по шкале Банта); методика диагностики межличностных отношений Т. Лири; тест на макиавеллизм (Мак-V) [10]; для статистической обработки полученных данных использовались корреляционный анализ Пирсона и критерий Манна – Уитни.

Результаты исследования

Результаты исследования манипулятивных склонностей студентов, полученные с помощью методики манипулятивного отношения (по шкале Банта), представлены в табл. 1.

Таблица 1

Обобщенные результаты по методике манипулятивного отношения (по шкале Банта) /
Table 1
Generalized results by method of manipulative attitude (on the Bant scale)

Уровень выраженности / Severity level	1-я группа / 1st group (%)	2-я группа / 2nd group (%)
Высокий / High	0	0
Средний, ближе к высокому / Medium, close to high	21,1	10,0
Средний, ближе к низкому / Medium, close to low	32,3	50,0
Низкий / Low	46,6	40,0

Таблица 2

Обобщенные результаты по методике исследования макиавеллизма личности /
Table 2
Generalized results by research of methodology Machiavellian personality

Уровень выраженности / Severity level	1-я группа / 1st group (%)	2-я группа / 2nd group (%)
Высокий / High	26,6	13,3
Средний / Medium	66,6	80,0
Низкий / Low	6,6	6,6

Полученные данные показывают, что средний, ближе к высокому, уровень манипулятивного отношения наблюдается в группе направления «Менеджмент» (21,1 %). У студентов направления «Управление качеством» преобладает средний, ближе к низкому (50,0 %), уровень манипулятивного отношения. Данный факт может объясняться тем, то студенты инженерного направления менее склонны к манипуляциям по сравнению со студентами-менеджерами, которые в общении чаще основываются на стремлении управлять другими людьми, получать из отношений определенную выгоду.

Результаты, полученные в ходе исследования макиавеллизма личности студентов с помощью теста Мак-V, представлены в табл. 2.

Как видно из табл. 2, в обеих группах студентов преобладает средний уровень макиавеллизма; высокий уровень данного свойства в большей степени выражен у студентов направления подготовки «Менеджмент» (26 %) по сравнению со студентами направления подготовки «Управление качеством».

Результаты исследования типов межличностных отношений студентов, полу-

ченные в ходе проведения теста Т. Лири, представлены в табл. 3.

По данным табл. 3, среди студентов 1-й группы 60 % респондентов склонны к доминированию, 40 % – к подчинению; 47 % – дружелюбные, 53 % – агрессивные. Среди студентов 2-й группы 47 % респондентов склонны к доминированию, 53 % – к подчинению; 60 % – дружелюбные, 40 % – агрессивные.

Сравнительный анализ между двумя группами студентов по всем типам межличностных отношений, выявленных по тесту Т. Лири, проводился с помощью U-критерия Манна – Уитни. Результаты представлены в табл. 4.

Из табл. 4 видно, что сумма рангов у студентов 1-й группы выше, чем у студентов 2-й группы, по тенденциям «Доминантность», «Требовательность», «Добросердечие». По тенденциям «Уверенность в себе», «Скептицизм», «Уступчивость», «Отзывчивость» ранговая сумма больше во 2-й группе. По тенденции «Доверчивость – зависимость» ранговые суммы практически равны. Данные табл. 4 также демонстрируют отсутствие достоверных различий между данными группами студентов по критерию Манна – Уитни.

Таблица 3
Обобщенные результаты по тесту Т. Лири /
Table 3
Generalized results according to the T. Leary test

№	Тенденции / Trends	Абсолютный показатель / Absolute value		Среднее значение / Average value	
		1-я группа / 1st group	2-я группа / 2nd group	1-я группа / 1st group	2-я группа / 2nd group
1	Доминантность – власть – деспотичность / Dominance – dominance – despotism	62,0	47,0	3,9	3,1
2	Уверенность в себе – самоуверенность – самовлюбленность / Confidence in oneself – self-confidence – narcissism	52,0	54,0	3,4	3,6
3	Требовательность – непримиримость – жестокость / Exactingness – intransigence – cruelty	68,0	52,0	4,5	3,4
4	Скептицизм – упрямство – негативизм / Skepticism – stubbornness – negativism	57,0	66,0	3,8	4,4
5	Уступчивость – кротость – пассивная подчиняемость / Pliability – meekness – passive obedience	47,0	67,0	3,1	4,4
6	Доверчивость – послушность – зависимость / Gullibility – obedience – dependence	56,0	55,0	3,7	3,6
7	Добросердечие – несамостоятельность – чрезмерный конформизм / Kindness – lack of independence – excessive conformism	81,0	75,0	5,4	5,0
8	Отзывчивость – бескорыстие – жертвенность / Responsiveness – unselfishness – sacrifice	60,0	65,0	4,0	4,3

Полученные данные говорят о том, что в группе студентов-менеджеров в целом наблюдаются более высокие показатели по факторам доминантности и агрессивности по сравнению со студентами направления подготовки «Управление качеством», но данные различия не являются статистически значимыми.

С помощью критерия Манна – Уитни также были соотнесены результаты исследования уровня макиавеллизма личности в двух группах студентов. Сравнительный анализ полученных данных по тесту Мак-V показал, что данные различия являются

статистически значимыми ($U_{\text{эмп}} = 70^*$ при $p \leq 0,05$), т. е. в группе студентов-менеджеров уровень макиавеллизма статистически значимо выше, чем в группе студентов направления подготовки «Управление качеством».

Сравнение различий между двумя группами испытуемых по методике манипулятивного отношения (по шкале Банта) с помощью U-критерия Манна – Уитни показал отсутствие достоверных различий в уровне выраженности манипулятивных склонностей у студентов различных направлений подготовки.

Для выявления взаимосвязи между манипулятивными склонностями студентов и

Таблица 4

**Сравнительный анализ полученных данных
по тесту Т. Лири с помощью U-критерия Манна – Уитни /
Table 4
Comparative analysis of the obtained data according
to the T. Leary test using the Mann – Whitney U-test**

№	Тенденции / Trends	Сумма рангов (1-я группа) / Sum of ranks (1st group)	Сумма рангов (2-я группа) / Sum of ranks (2nd group)	U _{эмп}
1	Доминантность – властность – деспотичность / Dominance – imperiousness – despotism	239,0	226,0	106,0*
2	Уверенность в себе – самоуверенность – само- влюбленность / self-confidence – confidence in oneself – narcissism	228,0	237,0	108,0*
3	Требовательность – непримиримость – жесто- кость / Exactingness – intransigence – cruelty	259,5	205,5	85,5*
4	Скептицизм – упрямство – негативизм / Skepticism – stubbornness – negativism	219,0	246,0	99,0*
5	Уступчивость – кротость – пассивная подчиняе- мость / Pliability – meekness – passive obedience	201,5	263,5	81,5*
6	Доверчивость – послушность – зависимость / Gullibility – obedience – dependence	233,0	232,0	112,0*
7	Добросердечие – несамостоятельность – чрез- мерный конформизм / Kindness – lack of independence – excessive conformism	241,5	223,5	103,5*
8	Отзывчивость – бескорыстие – жертвенность / Responsiveness – unselfishness – sacrifice	224,0	241,0	104,0*

Примечание: *56 – $p \leq 0,01$; **72 – $p \leq 0,05$.

характером их межличностных отношений нами проводился корреляционный анализ.

Сравнение манипулятивных качеств студентов и показатели дружелюбия и доминирования, полученные по тесту Т. Лири с помощью корреляционного анализа, представлены в табл. 5.

Как видно из табл. 5, у студентов 2-й группы существует прямая статистически значимая взаимосвязь между показателями макиавеллизма и доминированием. Можно сделать вывод, что студенты, склонные к макиавеллизму, в межличностных отношениях характеризуются стремлением к доминированию.

Отрицательная корреляционная взаимосвязь в обеих группах между макиавел-

лизмом и дружелюбием говорит о том, что высокий уровень макиавеллизма определяет низкий уровень дружелюбия в межличностных отношениях, причем у студентов направления подготовки «Менеджмент» эта связь статистически значима на более высоком уровне.

У данной группы студентов также выявлена статистически значимая взаимосвязь между макиавеллизмом и манипулятивными качествами ($r = 0,539$ при $p < 0,05$).

Обсуждение

Проведенное экспериментальное исследование показывает, что у студентов направления подготовки «Менеджмент» выявлены более высокие показатели мани-

Таблица 5

Корреляционные взаимосвязи между манипулятивными качествами и показателями межличностных отношений студентов /
Table 5
Correlations between manipulative qualities and indicators of interpersonal relations of students

	1-я группа / 1st group		2-я группа / 2nd group	
	Доминирование / Domination	Дружелюбие / Friendliness	Доминирование / Domination	Дружелюбие / Friendliness
Манипулятивные склонности / Manipulative tendencies	0,268	-0,576*	0,206	-0,072
Макиавеллизм / Machiavellianism	0,064	-0,784**	0,536*	-0,503*

Примечание / Note **p < 0,01; *p < 0,05.

пулятивных склонностей и макиавеллизма по сравнению со студентами направления подготовки «Управление качеством», причем различия по уровню макиавеллизма являются статистически значимыми. Подобный факт можно объяснить большей склонностью студентов-менеджеров к манипулированию в общении по сравнению со студентами инженерной специальности.

В группе студентов-менеджеров преобладают склонности к доминированию и агрессивности, а в группе студентов направления подготовки «Управление качеством» – факторы подчинения и дружелюбия. Подобные различия могут объясняться типами направленности и особенностями личности студентов, выбирающих разные сферы профессиональной деятельности.

Манипулятивные качества и макиавеллизм студентов статистически значимо связаны с низким уровнем дружелюбия и высоким уровнем доминирования в межличностных отношениях, что подтверждает предположение о том, что склонность к манипулированию может проявляться в негуманном подходе к окружающим людям.

Закключение

На основании полученных результатов можно сделать вывод, что манипулятивные склонности студентов различных направлений подготовки негативно влияют на характер межличностных отношений, поскольку во многом основаны на недружелюбном отношении к окружающим и стремлении доминировать над другими людьми. Склонность к манипулированию во многом обусловлена стремлением извлечь выгоду из отношений с окружающими и может проявляться по-разному в зависимости от типа направленности и особенностей личности студентов. Студенты с профессиональной направленностью в сфере менеджмента и руководства людьми характеризуются более выраженными склонностями к манипулированию и макиавеллизму, чем студенты технического профиля.

Результаты проведенного исследования можно использовать на практике в процессе психологического сопровождения и консультирования студентов для развития коммуникативных качеств и улучшения процесса межличностного общения.

Список источников

1. Аристова Я. Е. Психологические манипуляции в повседневной жизни // Электронный научный журнал. 2016. № 12–2. С. 12–15.
2. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений. СПб.: Университетская книга, 1998. 158 с.

3. Бодалев А. А. Психология общения. М.: Ин-т практ. психологии; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. 256 с.
4. Грачев Г. В., Мельник И. К. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. М.: Книга по Требованию, 2013. 236 с.
5. Дорошенко И. С. Манипуляция в общении и ее признаки // Современные проблемы права, экономики и управления. 2016. № 2. С. 335–340.
6. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы. М.: ЧеРо; Изд-во МГУ, 1997. 344 с.
7. Ермаков Ю. А. Манипуляция личностью: смысл, приемы, последствия. М.: Мысль, 2015. 208 с.
8. Зеленин В. В. Пара слов о манипуляции жизнью // Колесо жизни. 2010. № 5. С. 24–30.
9. Зелинский С. А. Манипулирование личностью и массами. Манипулятивные технологии власти при атаке на подсознание индивида и масс. СПб.: СКИФИЯ, 2018. 240 с.
10. Знаков В. В. Макиавеллизм: психологическое свойство личности и методика его исследования // Психологический журнал. 2000. Т. 21, № 5. С. 16–22.
11. Кара-Мурза С. Г. Власть манипуляции. СПб.: Академ. проект, 2012. 382 с.
12. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: Логос, 2005. 512 с.
13. Костылева О. Н. Психологические уловки как средство манипуляции поведением других людей // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2001. № 3–4. С. 48–49.
14. Карнеги Д. Язык убеждений. М.: Юрайт, 2013. 298 с.
15. Чалдини Р. Психология влияния. Как научиться убеждать и добиваться успеха. М.: Эксмо, 2011. 416 с.
16. Шейнов В. П. Скрытое управление человеком. М.: АСТ-пресс, 2012. 848 с.
17. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. М.: Мысль, 1999. 326 с.
18. Шостром Э. «Анти-Карнеги», или Человек-манипулятор. Минск: Полифак, 2013. 356 с.
19. Lyulina A. V. Basic emotions as specific group of manipulation targets in political discourse // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7, № 3А. С. 87–94.
20. Mikhaylichenko D. G. The mass psyche manipulation techniques significance in interethnic conflicts of modernity // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2010. Т. 16, № 2. С. 47–49.
21. Harriet B. Who pulling the strings, or How not to let yourself be manipulated. New York, 2005. 256 p.
22. Hogan K. Psychology of Persuasion: How to persuade other to your way of thinking. New York, 2009. 352 p.

References

1. Aristova Ya. E. Psychological manipulations in everyday life. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal* = Electronic scientific journal. 2016; 12–2 (15): 12–15. (In Russ.)
2. Bern E. Games that people play. Psychology of human relationships. St. Petersburg, 1998, 158 p. (In Russ.)
3. Bodalev A. A. Psychology of communication. Moscow, Voronezh, 1996, 256 p. (In Russ.)
4. Grachev G. V., Melnik I. K. Personality manipulation: organization, methods and technologies of information and psychological impact. Moscow, 2013, 236 p. (In Russ.)
5. Doroshenko I. S. Manipulations in communication and its signs. *Sovremennye problemy prava, ekonomiki i upravleniya* = Modern problems of law, economics and management. 2016; 2: 335–340. (In Russ.)
6. Dotsenko E. L. Psychology of manipulation: phenomena, mechanisms. Moscow, 1997, 344 p. (In Russ.)
7. Ermakov Yu. A. Personality manipulation: meaning, techniques, consequences. Moscow, 2015, 208 p. (In Russ.)
8. Zelenin V. V. A few words about the manipulation of life. *Koleso zhizni* = Wheel of Life. 2010; 5: 24–30. (In Russ.)
9. Zelinsky S. A. Manipulation of personality and masses. Manipulative technologies of power in the attack on the subconscious of the individual and the masses. St. Petersburg, 2018, 240 p. (In Russ.)

10. *Znakov V. V.* Machiavellianism: a psychological property of personality and methods of its research. *Psihologicheskij zhurnal* = Psychological journal. 2000; Vol. 21(5): 16–22. (In Russ.)
11. *Kara-Murza S. G.* Power of manipulation. St. Petersburg, 2009, 382 p. (In Russ.)
12. *Kara-Murza S. G.* Manipulation of consciousness. Moscow, 2015, 512 p. (In Russ.)
13. *Kostyleva O. N.* Psychological tricks as a means of manipulating the behavior of other people. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* = Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities. 2001; 3–4 (23): 48–49. (In Russ.)
14. *Carnegie D.* Language of beliefs. Moscow, 1999, 298 p. (In Russ.)
15. *Chaldini R.* Psychology of influence. How to learn to persuade and succeed. Moscow, 2010, 416 p. (In Russ.)
16. *Sheinov V. P.* Hidden human control. Moscow, 2012, 848 p. (In Russ.)
17. *Schiller G.* Manipulators of consciousness. Moscow, 1999, 326 p. (In Russ.)
18. *Shostrom E.* Anti-Carnegie or Manipulator. Minsk, 2013, 356 p. (In Russ.)
19. *Lyulina A. V.* Basic emotions as specific group of manipulation targets in political discourse. *Kul'tura i civilizaciya* = Culture and Civilization. 2017; 7(3): 87–94. (In Eng.)
20. *Mikhaylichenko D. G.* The mass psyche manipulation techniques significance in interethnic conflicts of modernity. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova* = Bulletin of the Kostroma State University. 2010; 16(2): 47–49. (In Eng.)
21. *Harriet B.* Who pulling the strings, or How not to let yourself be manipulated. New York, 2005, 256 p. (In Eng.)
22. *Hogan K.* Psychology of Persuasion: How to persuade other to your way of thinking. New York, 2009, 352 p. (In Eng.)

Поступила 22.05.2022.

Сведения об авторах

Гаранина Жанна Григорьевна – кандидат психологических наук, доцент, кафедра психологии, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия). Сфера научных интересов: психологическая компетентность, личностно-профессиональное саморазвитие. Автор более 160 научных и учебно-методических публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1428-1213>.

E-mail: garanina23@mail.ru

Кулешова Наталья Евгеньевна – кандидат психологических наук, доцент, кафедра психологии, Московский финансово-промышленный университет «Синергия» (Москва, Россия). Сфера научных интересов: психология конфликта, специальная психология. Автор более 30 научных и учебно-методических публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1260-5237>.

E-mail: Lobanova80.80@mail.ru

Submitted 22.05.2022.

About the authors

Zhanna G. Garanina – Candidate of Psychology, Associate Professor, Department of Psychology, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia). Research interests: psychological competence, personal and professional self-development. The author more than 160 science and educational publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1428-1213>.

E-mail: garanina23@mail.ru

Natalia E. Kuleshova – Candidate of Psychology, Associate Professor, Department of Psychology, Moscow University of Finance and Industry “Synergy” (Moscow, Russia). Research interests: psychology of conflict, special psychology. The author has more than 30 scientific and educational publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1260-5237>.

E-mail: Lobanova80.80@mail.ru

УСЛОВИЯ И ПОРЯДОК ПРИЕМА РУКОПИСЕЙ

1. Редакция принимает к публикации материалы по теме основных рубрик журнала на русском языке:

5.3. Психология: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки); 5.6. Исторические науки: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки); 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки); 5.7. Философия: 5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки); 5.7.8. Философская антропология, философия культуры (философские науки)

Научные статьи принимаются в течение года и в случае положительных результатов независимой экспертизы включаются в очередной номер журнала в порядке поступления. Для повышения качества журнала все статьи, поступающие в редакцию, проверяются на плагиат.

2. В журнале публикуются статьи, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимости. В статье должны быть изложены основные научные результаты исследования. Авторами их могут быть ученые-исследователи, докторанты, аспиранты, соискатели.

3. Требования к оформлению материалов:

– УДК;

– инициалы и фамилия автора; организация, город, страна, электронный адрес;

– заголовки статьи;

– аннотация (150–250 слов), должна включать актуальность темы исследования, постановку проблемы, цели исследования, методы исследования, результаты и ключевые выводы;

– ключевые слова (не более 15 слов и словосочетаний, они должны отражать специфику темы);

– структура статьи. Статья должна быть структурирована в формате IMRAD (Introduction, Methods, Results and Discussion): Введение (Introduction) включает актуальность темы исследования, обзор литературы по теме исследования, постановку проблемы исследования, формулирование цели и задачи исследования; Методы (Materials and Methods) описывают методы и схему наблюдений, позволяющие воспроизвести их результаты, пользуясь текстом статьи. Описывают материалы и другие условия проведения наблюдений (это описание методики исследования и обоснование ее выбора); Результаты (Results) представляют фактические результаты, полученные в ходе проведенных исследований (тест, графики, диаграммы, уравнения, фотографии, рисунки); Обсуждение (Discussion) содержит интерпретацию полученных результатов исследования, их анализ и комментарии; Заключение (Conclusion) содержит краткие итоги разделов статьи без повторения формулировок, приведенных в них.

Текст статьи в объеме 10–15 страниц формата A4, включая рисунки, таблицы и графики. Текст оформляется в редакторе Word для Windows в формате .rtf или .doc; шрифт Times New Roman, кегль 14, одинарный интервал. Количество рисунков – не более 4. Подрисуночные подписи выполняются кеглем 12 на русском и английском языках. Отдельно представляются рисунки в формате .jpeg. Текст таблиц набирается кеглем 12 на русском и английском языках. Если рисунки и таблицы не авторские, на них обязательно должны быть ссылки;

– благодарности: автор выражает признательность коллегам за помощь; благодарность за финансовую поддержку исследования и т. д.;

– список источников составляется в алфавитном пронумерованном порядке на русском и английском (транслитерирование) языках в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 с указанием обязательных сведений библиографического описания. В тексте сноски оформляются в квадратных скобках;

– аффилиация авторов: Ф. И. О. полностью, ученая степень, звание, должность, область научных интересов, количество научных публикаций, обязательно – ORCID (Open Researcher and Contributor ID – уникальный идентификатор ученых), контактная информация (на русском и английском языках).

4. Текст статьи представляется на бумажном и электронном носителях.

Требования к файлам: 1) в качестве имени файла использовать фамилию первого автора на русском языке (например, Иванов.doc); 2) имена файлов иллюстраций должны совпадать с их номерами в тексте (например, Рис. 1.jpeg).

5. Поступившие в редакцию материалы регистрируются, и в течение двух недель автору (авторам) высылается подтверждение о получении статьи.

6. Статьи, не соответствующие условиям п. 3, не рассматриваются.

7. Возвращение рукописи автору на доработку не означает, что она принята к публикации. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редколлегией. Доработанный текст автор возвращает в редакцию вместе с первоначальным экземпляром статьи, а также ответами на все замечания. Датой поступления статьи считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

Редколлегия оставляет за собой право отбора статей для публикации.

CONDITIONS AND ORDER OF ACCEPTANCE OF MANUSCRIPTS

1. The editorial office takes for publication materials in Russian language on the theme of the basic rubrics:
5.3. Psychology: 5.3.1. General psychology, psychology of personality, history of psychology (Psychological sciences); 5.6. Historical sciences: 5.6.1. Russian history (Historical sciences); 5.6.2. General history (Historical sciences); 5.7. Philosophy: 5.7.7. Social and political philosophy (Philosophical sciences); 5.7.8. Philosophical anthropology, philosophy of culture (Philosophical sciences)

Scientific articles are accepted during a year and in case of positive results of an independent expertise are included in the next issue of the journal in order of reception. To improve the quality of the journal all articles submitted to the editors are checked for plagiarism.

2. The journal publishes articles, exhibiting a high degree scientific originality, theoretical and practical significance. In the article should be presented the main results of the study. Their authors may be academic researchers, doctoral students, graduate students, applicants.

3. Requirements for the materials:

- The classification indexes of the Universal Decimal Classification (UDC);
- Initials and surname of an author;
- The article title;
- An annotation of an article (150–200 words), it should include the relevance of the research topic, problem statement, research objectives, research methods, results and key findings.
- Key words (no more than 15 words and phrases, they should reflect the specificity of the topic);
- Structure of the article. The article should be structured in the IMRAD format (Introduction, Methods, Results and Discussion): Introduction includes the relevance of the research topic, a review of the literature on the research topic, setting up the research problem, formulating the goal and objectives of the study; Methods: the methods and the scheme of observations, allowing to reproduce their results using the text of the article are observed. The materials and other conditions for conducting observations are described (this is a description of the research methodology and the rationale for its selection); Results present the actual findings obtained during the conducted studies (test, graphs, diagrams, equations, photographs, drawings); Discussion contains the interpretation of the obtained research results, their analysis and comments; Conclusion consists of a concise summary of the sections of the article without repeating the formulations given in them.

Text of an article is of 10–15 typewritten pages of A4 format, including figures, tables and graphs. Text should be formatted in Word for Windows format or RTF & DOC; Times New Roman font, font size 14, single interval. The number of drawings is not more than 4. Figure captions are performed the 12th a size in Russian and English. Drawings are represented separately in the .jpeg format. Tables are typed the 12th a size in Russian and English. If drawings and tables are not original they must be referenced necessarily;

– acknowledgments: The author expresses gratitude to the colleagues for their help; Thanks for the financial support of the study, etc.

– the bibliographic list is compiled in alphabetical order in Russian and in English (transliteration) languages in accordance with state standard 7.0.5-2008 with indication of the required information of the bibliographic description. In the text footnotes are made in square brackets.

– affiliation of authors: full name, last name, academic degree, title, position, field of research interests, number of scientific publications, necessarily – ORCID (Open Researcher and Contributor ID), contact information (available in Russian and English).

4. Text of the article is submitted on paper and electronic storage medium.

The file requirements: 1. As the file name should be used the name of the first author in Russian (for example: Ivanov.doc). 2. The file names of illustrations should coincide with their numbers in the text (for example: Drawing. 1.jpeg).

5. Received materials are registered and within two weeks the author (authors) is sent confirmation of receipt of the article.

6. Articles that do not meet the conditions of clause 3 are not considered.

7. Returning of the manuscript to the author for revision does not mean that it is accepted for publication. After receiving the revised text it shall be reviewed by the editorial board. The revised text of the author returns to the editorial office together with the original copy of the article, as well as responses to all comments. Date of receipt of the article is the day of getting by the editorial office of the final version of the article.

The Editorial Board reserves the right to select articles for publication.